

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА
«ЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА»

**ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА
«ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА»

ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТИ

(СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ)

Москва • 1988

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР -

- Н.Д.АРУТЮНОВА

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

Н.К.РЯБЦЕВОЙ

Е.Р.ИОАНЕСЯН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Л.П.КРЫСИН

А.Д.ШМЕЛЕВ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора	5
--------------------	---

ПРАГМАТИКА: СЕМАНТИКА, СИНТАКСИС, ТЕКСТ

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря	7
Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос	45
Богуславский И.М. О прагматике синтаксиса, или один способ разрешения синтаксического конфликта	70
Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции	124
Голубева-Монаткина Н.И. К проблеме иллюкутивной логики вопросительного предложения (вопросительное предложение в речевом акте)	144
Николаева Т.М. "Лингвистическая демагогия"	154

ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ:

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ. МОДАЛЬНОСТЬ

Дмитровская М.А. Знание и достоверность	166
Зализняк Анна А. О семантике сожаления	189
Иоанесян Е.Р. Знание и восприятие	214
Рябцева Н.К. Противопоставления в классе когнитивов..	225
Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка	244

Шатуновский И.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика)	255
Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании	278

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый сборник подготовлен проблемной группой "Логический анализ естественного языка". Он частично отражает содержание докладов, прочитанных в Институте языкознания АН СССР на конференции, посвященной пропозициональным установкам и создаваемым ими интенциональным контекстам (апрель 1987 г.).

В разнообразном по своему составу сборнике центральное место занимает проблема роли говорящего, взятого в комплексе всех релевантных для речевой деятельности свойств, в формировании высказывания. Размышления над языком не могут миновать обращения к природе человека – его ментальной и эмоциональной сферам, этическому и эстетическому началам, процессам восприятия и познания мира. Духовный опыт человека отливается в языке. Между тем у языка много предназначений, и каждое из них предъявляет свои права. Естественно, что различие целей (явных и скрытых) требует различий в средствах. Полифункциональность языка оборачивается его противоречивостью. Возможно, наиболее существенное противоречие определяется связью языка со структурой мышления – с одной стороны, и ситуациями жизни, с другой. Связь языка со структурой мышления проявляется в формировании предложения (пропозиции), связь с жизнью и психологией человека проявляется в формировании пропозициональных установок. Язык постоянно балансирует меж-

ду упорядоченностью мышления и неупорядоченностью интенциональных состояний и жизненных положений, но он умеет хранить равновесие. Это затруднено тем, что речевая деятельность подчинена определенному ритму. Говорящий вынужден управлять потоком речи, иногда меняя его направление, на ходу и по ходу развития мысли и общения. Чтобы облегчить эту задачу, язык вырабатывает определенные конвенции и стратегии, которые помогают говорящему ввести высказывание в прагматическую рамку – с одной стороны, и осуществить координацию его внутренних частей (прежде всего, модуса и пропозиции), с другой. Авторы статей видели одну из своих задач в выявлении и описании этих механизмов.

В образовании высказывания соучаствуют разнородные факторы: категории мышления, фонд общих знаний и представлений о мире, "жизненная логика" и логика практического рассуждения, психологические механизмы, внеязыковая действительность, которой касается говорящий, коммуникативная ситуация, цель, с которой делается сообщение (его "иллокутивная сила") и др. Обращение лингвистов к этому комплексу вопросов отражает общее расширение сферы интересов лингвистики, поставившей задачу изучения языка не в отвлечении от жизни, а в своей в нее погруженности. Достижение этой цели потребовало выхода за пределы формальных методов, сложившихся в языкознании 30-ых – 50-ых гг., и установления тесных контактов со смежными дисциплинами – логикой, философией, психологией и социологией. Логический анализ естественного языка в этом новом контексте также раздвинул свои рамки, включив в свой репертуар категории прагматики. Аналогичное расширение коснулось и семантического аппарата. Использование в лингвистическом исследовании концептов и методов смежных наук ставит лингвиста перед необходимостью их разумной интеграции, введения в систему единого и эффективного метаязыка. Эта задача осознавалась авторами как пока еще далекая цель, достижение которой требует большой предварительной работы.

Ю.Д.АПРЕСЯН

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

I. Вводные замечания.

Данная статья носит обзорный характер. Свою задачу мы видели не в том, чтобы ввести в рассмотрение большой новый материал, а в том, чтобы систематизировать уже введенные в научный оборот факты и некоторые собственные наблюдения под лексикографическим углом зрения.

Указанная в названии статьи тема рассматривается в рамках концепции единого, или интегрального, описания языка [1]. Под интегральным понимается описание, в котором словарь и грамматика (в широком смысле, т.е. любые типы достаточно общих правил) согласованы друг с другом по типам помещаемой в них лингвистической информации и по способам ее записи. Из этого определения вытекают два важных практических принципа лингвистической работы:

1) Строя словарную статью определенной лексики, лингвист должен работать на всем пространстве грамматических правил и явным образом приписать лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику).

2) Строя определенное правило, лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре (настройка грамматики на словарь).

В данной статье нас будет интересовать лишь первый из этих принципов - настройка словаря на грамматику, или на правила. Накопленный в лингвистике опыт позволяет утверждать, что правила могут требовать обращения к просодическим, морфологическим, семантическим, прагматическим, коммуникативным и синтаксическим (сочетаемым) свойствам лексем.

Непосредственной темой данной работы будут только типы лексикографически существенной прагматической информации. Однако обзору типов разумно предпослать несколько общих замечаний, касающихся природы и особенностей прагматической информации вообще, вне зависимости от того, представляет ли она собственно лексикографический интерес или нет. Цель этих замечаний - обрисовать то понимание лингвистической прагматики, которое принято в данной работе и необходимо для уяснения ее лексикографических разделов I).

2. Определение языковой прагматики.

Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату.

Подчеркнем, что речь идет не об оценке, свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той готовой, лексика-

I) Ввиду невозможности упомянуть здесь хотя бы главные работы по лингвистической прагматике отсылаем читателя к XVI тому "Нового в зарубежной лингвистике" [2], снабженному обстоятельной вводной статьей Н.Д.Арутюновой и Е.В.Падучевой [3]. Упомянем еще два тома серии *Syntax and Semantics* [4], [5]; посвященный прагматике том "Известий АН СССР" [6]; *Journal of Pragmatics*, в особенности изданный А.Вежицкой том [7]; и замечательную работу В.З.Санникова [8].

лизированной или грамматикализованной оценке, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке.

Проиллюстрируем каждый из трех пунктов, обращая особое внимание на различие между прагматической и семантической информацией.

2.1. Отношение говорящего к действительности.

Действительность, являющаяся предметом сообщения, может оцениваться говорящим с самых разных точек зрения; ср., например, спектр оценок, представленный в дейктических словах и граммемах, которые считаются ядром прагматического материала естественных языков. Однако лексикографически наиболее интересны следующие три типа оценок: общая оценка, оценка по параметру количества, оценка по параметру желательности/нежелательности.

Общая оценка. В тройке лексем инициатор - зачинщик - застрельщик первое слово характеризуется нулевой прагматикой. Его содержание исчерпывается семантикой: А - инициатор X-а = 'А сделал Р, и Р было причиной того, что начал иметь место X', ср. инициатор движения за рационализацию, инициатор работы по выведению новых сортов, инициатор драки < забастовки >.

Слово зачинщик имеет то же семантику, на которую, однако, накладывается отрицательная оценка А и X-а говорящим. Возможно и чисто пропагандистское его использование, в котором доля прагматики еще более возрастает. Называя кого-то зачинщиком X-а, говорящий может ставить перед собой цель вызвать у адресата отрицательное отношение к X-у и его инициатору. Ср. зачинщик драки смуты, беспорядков, но не *зачинщик соревнования (работы по выведении новых сортов) (в нормальных условиях).

Наконец, слово застрельщик совмещает общую семантику этого ряда с ярко выраженной прагматикой положительной

оценки. Говорящий сам хорошо относится к инициатору какого-то события и к самому событию или стремится вызвать у адресата положительное отношение к ним. Ср. застрельщик соревнования, застрельщики революции, но вряд ли *застрельщики драки <беспорядков>.

О ц е н к а п о п а р а м е т р у к о л и ч е - с т в а. Высказывание Серёжа съел пять арбузов представляет собой незаинтересованную констатацию некоего объективного положения вещей и не содержит ничего, кроме чистой семантики. В высказывании Серёжа съел целых пять арбузов к той же семантике добавляется прагматическое содержание: говорящий оценивает количество съеденных арбузов как большое. Наконец, в высказывании Серёжа съел всего пять арбузов сохраняется прежняя семантика, а прагматическая оценка количества меняется на прямо противоположную.

О ц е н к а п о п а р а м е т р у ж е л а т е л ь - н о с т и / н е ж е л а т е л ь н о с т и. Высказывания Она разбила литровку о вертушку и Она ... литровку-то о вертушку и разбей (М.Булгаков), при одной и той же семантике, различаются своей прагматикой. Во втором высказывании то же самое событие предстает как неожиданное для говорящего и не оставляющее его равнодушным. Существенна именно идея небезразличия говорящего к описываемой им ситуации, а не идея нежелательности, как считается, например, в [9, с. 246]. В примере из М.Булгакова событие, действительно, рассматривается как нежелательное. Однако в примере Мы за него очень боялись, а он возьми и сдай все экзамены на пятерки успешная сдача экзаменов подается как желательное для говорящего событие.

2.2. Отношение говорящего к содержанию сообщения.

Здесь представляют интерес два типа оценок содержания сообщения: оценка по параметру истинности (достовер-

ность, вероятность, сомнительность, невероятность) и оценка по параметру иллюкутивной функции высказывания.

О ц е н к а п о п а р а м е т р у и с т и н н о с т и. Обычные средства выражения оценок этого рода – вводные и модальные частицы, наречия и адverbиальные обороты типа безусловно, бесспорно, ведь, вероятно, видимо, вроде, вряд ли, действительно, должно быть, естественно, кажется, как будто, конечно, может быть, наверно, несомненно, очевидно, по-видимому, разумеется, скорее всего, явно, якобы и т.п. Сюда же относятся разнообразнейшие средства выражения иронического отрицания [10], в том числе синтаксические, ср. Так он и пришел; Придет он, держи карман шире; Бросил он курить, как же.

Исследования последних лет показали, что перечисленные средства служат не только для оценки степени достоверности, или надежности, высказывания. Они несут гораздо более богатую прагматическую информацию (см., например, [10а, с.51-58], [11] [12]).

Так, слова типа конечно, естественно, разумеется, используемые для подтверждения надежности сообщения, отводят потенциальные сомнения адресата, с которым говорящий ведет "скрытый диалог" [11, с.74]. Например, в тексте При переброске айсбергов к берегам Африки возникает, конечно <разумеется>, немало проблем автор спешит предупредить естественные сомнения адресата сообщения по поводу возможности осуществления столь грандиозного технического проекта. В более строгой формулировке, данной (устно) И.М.Богуставским, конечно Р = 'не думай, что я думаю, что не Р'.

Слова типа как будто, наверное и кажется, вводящие гадательные сообщения, помимо этого прагматического сходства обнаруживают и весьма интересные прагматические различия, отмеченные в [12, с.101 – 104]. В основе этих различий лежат два признака: а) имеет ли место непосред-

ственное восприятие ситуации говорящим?; б) есть ли у говорящего какие-либо ожидания по поводу события? Высказывание При этих словах она [тетушка] как будто оживилась (Гоголь) указывает на непосредственное восприятие ситуации говорящим и на отсутствие у него каких-либо ожиданий по поводу возможного оживления тетушки. В высказывании При этих словах тетушка, наверное, оживилась непосредственное восприятие говорящим исключено. С другой стороны, в нем есть указание на то, что говорящий допускал возможность оживления тетушки (см. также статью Е.С.Яковлевой в настоящем сборнике).

В данной статье мы не ставим перед собой цели войти сколько-нибудь глубоко в богатейший мир вводно-модальных слов и поэтому ограничиваемся сделанными замечаниями.

О ц е н к а п о п а р а м е т р у и л л о к у т и в н о й ф у н к ц и и . Иллокутивной функцией, или иллокутивной силой, высказывания называется обычно то действие, которое говорящий осуществляет с его помощью. Номенклатура таких действий не слишком велика. Это различного рода обращения к адресату – ответы, вопросы, просьбы, разрешения, советы, требования, предупреждения и т.п. Поэтому, в несколько другой редакции, иллокутивной функцией высказывания можно называть установку говорящего по поводу того, как адресату следует интерпретировать высказывание (например, считать ли его вопросом или просьбой, советом или требованием).

Во многих случаях иллокутивная функция высказывания не маркируется никакими собственно языковыми средствами, а восстанавливается адресатом на основании экстралингвистических знаний – об устройстве мира в целом, о текущей ситуации, о постулатах кооперативного общения. Так, императивное высказывание Поставьте, пожалуйста, вещи сюда интерпретируется как предложение (приглашение) в ситуации приема гостя и как требование в ситуации таможенного до-

смотра. Та же зависимость прагматической интерпретации от ситуации прослеживается и в других типах высказываний; ср. Все люди смертны (простое утверждение или утешение). Я буду там в семь часов (обещание или предсказание; см. [13, с.728]).

Большой лингвистический интерес представляют случаи, когда иллокутивная функция высказывания закреплена за определенными языковыми средствами. Рассмотрим в этой связи иллокутивные функции некоторых вводных слов.

В [14, с. 90 и сл.] предлагается систематически фиксировать возможность использования данного вводного слова в иллокутивной функции "независимого употребления в качестве ответной реплики". Авторы различают два типа ответных реплик – ответ на общий вопрос и ответ на высказывание побудительного типа. Для наших целей достаточно будет упомянуть лишь первый из них.

Вводные слова вероятно, конечно, пожалуй и ряд других возможны в качестве положительного ответа на общий вопрос: Он устал? – Вероятно <конечно, пожалуй>. Вводное слово верно и вводный оборот чего доброго этой иллокутивной функцией не обладают: Он устал? – *Верно <чего доброго>. Подчеркнем, вслед за авторами, что различия в иллокутивных функциях перечисленных лексем тем более интересны, что они семантически немотивированы. Верно – почти точный, хотя и архаичный синоним вероятно в рассматриваемом значении; ср. Он, верно <вероятно>, устал. Что касается оборота чего доброго, то он отличается от вероятно и верно не столько семантикой (он тоже имеет вероятностное значение), сколько прагматикой: говорящий опасается возможности осуществления события. Ясно, что это прагматическое отличие чего доброго от вероятно не мотивирует того, почему его нельзя использовать в качестве ответной реплики на общий вопрос.

2.3. Отношение говорящего к адресату.

В русском языке имеются многочисленные лексические и грамматические средства, в которые встроено указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной или иной иерархии, на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию. Такие указания входят в прагматику большинства обращений, приветствий, прощаний и некоторых других формул речевого этикета. Рассмотрим несколько примеров.

Обращения гражданин и друг (эй, друг!) указывают на одну и ту же и притом небольшую степень близости или знакомства, но дистанции между говорящим и адресатом изображаются в этих случаях по-разному. Обращением друг (в отличие от гражданин) говорящий включает адресата в свою личную сферу (О понятии личной сферы говорящего см. [15]).

В тот же ряд входит еще слово братец, имеющее в функциях обращения два разных употребления.

Первое употребление, архаичное и снисходительное, характерно для ситуации "сверху вниз" в социальной иерархии; при этом степень знакомства говорящего и адресата несущественна. Так мог обращаться барин к своему или чужому слуге, офицер к солдату.

Второе, часто шутовское или полумутовское употребление, сохранившееся по сей день, противопоставлено первому по обоим признакам. С одной стороны, оно характерно для ситуации социального и возрастного равенства. С другой стороны, оно предполагает достаточно большую степень человеческой близости. Ср. Ты, братец, напрасно со мной споришь.

Оба набора функций присущи слову братец в форме единственного числа. Форма множественного числа братцы имеет другой набор функций. Подобно лексеме братец 2, она используется как обращение к людям того же социаль-

ного круга, что и говорящий; если говорящий - интеллигент, то форма используется шутливо или "цитатно". Подобно братец I, она оставляет невыраженной степень близости между говорящим и адресатом. Говорящий может близко знать свою аудиторию, но может обращаться точно таким же образом и к совершенно незнакомым людям. Ср. Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важнее в театре - актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут (М.Зощенко).

При всех трех употреблении этого слова адресат обращения включается в личную сферу говорящего.

Говорящий маркирует свой более высокий статус в административной иерархии с помощью ты начальственного, или, по удачному выражению А.А.Холодовича [16, с.70], ты хамского. Оно предполагает, что адресат такого обращения должен величать говорящего на вы. В последние десятилетия в русском языке развивались и средства маркировки своего подчиненного или зависимого положения. Ср. холуйское телефонное обращение типа Федюков беспокоит.

Во всех подобных случаях имеет место и феномен невольного речевого автопортрета: говорящий, сам того не желая, выдает себе нелестную аттестацию.

Рассмотрим теперь грамматический пример.

Грамматический императив используется в любых ситуациях, в том числе и различающихся иерархическими статусами собеседников. Высказывание типа Встаньте, пожалуйста может быть обращено и к младшему, и к старшему по социальному рангу или возрасту. Возможно оно и в ситуации социального или возрастного равенства. Следовательно, у собственно императивной формы по рассматриваемому параметру никакой прагматической специфики нет. Другие формы с императивным значением имеют ее. Так, инфинитивный императив (Встать!) возможен только в ситуации "сверху вниз", а императив в форме прошедшего

времени – и в ситуации "сверху вниз" (Встали! Сели!), и в ситуации равенства (А ну, взяли!), но не в ситуации "снизу вверх".

3. Свойства прагматической информации.

Мы обсудим три особенности прагматической информации: 1) периферийность средств ее выражения (по сравнению со средствами выражения семантической информации); 2) ее распределенность между различными языковыми средствами, т.е. нелокализуемость в какой-то одной единице языка; 3) ее сплетенность с семантической информацией.

3.1. Периферийность средств выражения.

Знаменательные части речи несут, как правило, семантическую информацию, а такие периферийные разряды слов, как частицы, междометия, вводные слова, – как правило, прагматическую. Интересно сравнить в этом отношении основные и периферийные средства выражения идеи сомнения в русском языке, например, глагол сомневаться и частицу вряд ли. Толкование сомневаться исчерпывается собственно семантикой, т.е. не содержит ссылок на интеллектуальную позицию говорящего: Х сомневается, что Р = 'Х не знает, Р или не Р, и считает, что вероятнее не Р'. В толковании вряд ли место анонимного Х-а должен занять говорящий, ибо именно он является в данном случае носителем сомнения: Вряд ли Р = 'Говорящий не знает, Р или не Р, и считает, что вероятнее не Р'. Не будем здесь рассматривать достаточно очевидных преобразований этого толкования в контекстах типа Серёжа знает <считает, утверждает>, что вряд ли сдаст вступительные экзамены, где носителем сомнения оказывается субъект пропозициональной установки.

В основных значениях слов доля чистой семантики больше, чем в производных – переносных, фразеологически

связанных, конструктивно обусловленных. Наоборот, в этих последних доля чистой прагматики больше, чем в основных. Ср. прямые и переносные значения слов будка ('строение' и 'лицо'), скотина ('животное' и 'человек'), околеть, подохнуть ('животное перестало жить' и 'человек перестал жить'), пробраться к ручью ('пройти, преодолевая препятствия') и пробраться к власти ('получить путем, который говорящий считает предосудительным').

Нейтральный порядок слов и нейтральная интонация выполняют, как правило, семантическую функцию, а разного рода инверсии и эмфатическая интонация, - как правило, прагматическую. Ср. нормальные утверждения типа Он бросил курить, Тут ходят всякие и оценочные утверждения Бросил он курить, Ходят тут всякие, отчетливо выраженная прагматика которых (ирония и недовольство соответственно) маркируется, в частности, инверсией подлежащего и сказуемого и эмфатической интонацией.

Любопытную прагматическую функцию выполняют некоторые сентенциальные вводные конструкции по сравнению с соответствующими им главными предложениями. Сравним два высказывания: Знатоки считают, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус и Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус. Контраст между высказываниями этих двух типов описан нами в [17, с.61-62]. Здесь достаточно обратить внимание на то, что сентенциальные вводные конструкции внешне отличаются от главных предложений интонацией и порядком слов (они вклиниваются в придаточное предложение или завершают его; ср. Осетровые рыбы утратили свой былой вкус, считают знатоки). Есть между ними и более глубокое различие. В первом высказывании (Знатоки считают, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус) говорящий объективно ("семантически") излагает чужое мнение. Во втором высказывании (Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус) говорящий

не просто излагает чужое мнение, а одновременно объявляет о своем отказе нести персональную ответственность за него. Эта ответственность подчеркнута возлагается говорящим на субъекта мнения.

Синтаксически полные конструкции, в основном, семантически, а конструкции с узаконенным эллипсисом часто прагматичны. Ср. пары высказываний Она стала смеяться и Она - смеяться, Он пустился бежать и Он - бежать, а также пушкинский текст И парица хохотать, /И плечами пожимать, /И подмигивать глазами, /И прицелкивать перстами, /И вертеться подбочась ... Обычно обращают внимание на семантическую специфику таких эллиптических конструкций, а именно, на "значение прошедшего времени с интенсивно-начинательным оттенком" [18, с. 605] или значение "интенсивного и внезапного приступа к действию" [19, с.76-77]. Нам представляется важной и их прагматика, а именно, изобразительный компонент их содержания: говорящий хочет, чтобы адресат зримо представил себе описываемую ситуацию.

Граммемы в так называемых собственных значениях чаще несут семантическую информацию, а в несобственных - чаще прагматическую. Примером может служить гиперболическое множественное число, или, по выражению Л.Толстого, "множественное несправедливого пристрастия", отмеченное еще А.А.Потебней [20]; см. о нем также [21]. Оно отличается от собственно множественного тем, что используется в ситуации, когда реально наблюдается всего один предмет или факт, а говорящий, в целях типизации события и для того, чтобы поднять вопрос на принципиальную высоту, изображает дело таким образом, будто их много: А они тут чай-кофеи распивают!, Не устраивай истерик!, Я университетов не кончал!, Книги повсюду разбросаны (в ситуации, когда не на месте лежит всего одна книга). Гиперболическое множественное имеет устойчивые прагматические функции, выражая недоумение, раздражение и дру-

гие, обычно отрицательные, эмоции. Показательны в этом отношении и несобственные значения русского императива или квазиимператива. Ср. прагматически и эмоционально насыщенные значения в случаях типа Спите, развасься, а я вам десять раз самовар грей! (Д. Казаков). Мы работай, а он отдыхать будет?! (неудовольствие говорящего); Да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню (Тургенев), А он и зацепись ногой за порожек! (неожиданность события и небезразличие говорящего по отношению к нему); И меч нас рассуди! (Пушкин), Не доведись никому увидеть такое ("модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения"

[18, с. 593]). Подробнее об этих значениях императива см. [18, с. 593 - 604], [9, с. 106 и сл.], [22, с. 50-51]. Ср. еще богатейшую прагматику несобственных видовых значений (см. , например, [23] и [24]).

3.2. Распределенность между разными языковыми средствами.

Вторая особенность прагматической информации состоит в том, что часто она выражается не одним языковым средством, а совокупностью таких средств. Ее трудно локализовать в одной лексеме, одной граммеме, одной синтаксической конструкции, одной просодии.

Рассмотрим, например, высказывания типа Имей они хоть тень правосудия, разве могли бы они судить так, как это сделали? (из письма В.А.Ивашевой, матери декабриста); Будь экзаменатор умнее, он бы не поставил мне пятерку. Они описывают несостоявшееся событие P_1 , отсутствие которого оказалось условием осуществления другого события P_2 , причем если P_1 желательно для говорящего, то P_2 нежелательно, и наоборот. Здесь значение желательного или нежелательного ирреального условия выражается следующими пятью средствами: 1) формой императива единственного числа (имей), 2) несогласованием сказуемого с подлежащим (имей они), 3) инверсией подлежащего и сказуемого (ср.

невозможность они имея), 4) расчлененностью предложения на два простых, 5) особой интонацией. Сравним с этим свободные от прагматики желательности/нежелательности высказывания типа Если бы они имели хоть каплю совести, они бы не могли их осудить. Такие высказывания тоже могут иметь значение ирреального условия. Однако в них оба смысловых компонента этого значения легко локализируются в единственных носителях: на союз если приходится смысл 'условие', а на частицу бы – смысл 'нереальное'.

Высказывания типа Быть грозе, Саду цвести, Вам не видеть таких сражений ! (М. Лермонтов) отличаются от квазисинонимичных им высказываний типа Будет гроза, Сад будет цвести, Вы не увидите таких сражений определенной модальной рамкой. Ее можно сформулировать следующим образом: 'Говорящий убежден в неизбежности события'. Если такое высказывание касается не говорящего, а адресата или третьего лица, оно приобретает силу предсказания: Твоим узким плечам под бичами краснеть, /Под бичами краснеть, на морозе гореть (О. Мандельштам).

Очевидно, что ни дательный падеж именной группы, ни форма инфинитива по отдельности не выражают этой прагматики. Она выражается обоими названными средствами одновременно.

3.3. Сплетенность с семантической информацией.

Последняя особенность прагматической информации состоит в том, что она тесно сплетена с семантической информацией и во многих случаях трудно отделима от нее. Это проявляется в двух вещах.

Во-первых, существуют слова, семантика которых внешне маскируется под прагматику, так что при ее описании легко пойти по ложному (прагматическому) пути. В этом отношении интересны проанализированные в [25, с. 41-42] глаголы дерзить и грубить, к которым мы добавим еще гла-

гол хамить. Глагол дерзить уместен как описание реплик того из двух коммуникантов, который расположен ниже своего собеседника в социальной или возрастной иерархии. Начальник не может дерзить подчиненному, отец – сыну. Некорректно употреблять этот глагол и в условиях социального, возрастного и т.п. равенства партнеров по общению. Глагол грубить тоже возможен в ситуации "снизу вверх" и неуместен в ситуации "сверху вниз". В последнем случае корректнее использовать прилагательное грубый. Однако, в отличие от дерзить, в ситуации возрастного или социального равенства грубить вполне допустим. Наконец, глагол хамить употребляется во всех трех ситуациях, если речь идет о социальной иерархии, но только в ситуациях равенства и "снизу вверх", если речь идет о возрастной иерархии. Бабушка не может хамить внуку, а отец – сыну, хотя начальник может хамить подчиненному.

Может показаться, что различия между описанными глаголами лежат в области прагматики, поскольку каждый глагол определенным образом размещает коммуникантов в социальной или возрастной иерархии. На самом деле это не так. Ведь в ситуации, называемой, скажем, глаголом дерзить (Внук дерзит бабушке), говорящий не оценивает статуса своего адресата сравнительно со своим собственным статусом. Речь идет о статусах третьих лиц; информация о них носит объективный, а не оценочный характер. Она входит в семантику соответствующих глаголов, поскольку характеризует объективные свойства их актантов. Ср. Х дерзит У-у = 'Х вызываяще разговаривает с У-ом, не считаясь с чувствами или положением У-а; Х занимает более низкое положение в социальной или возрастной иерархии, чем У'.

Во-вторых, типично прагматическая информация часто бывает впрессована непосредственно в лексическое значение слова. В таких случаях она лексикографически предстает как семантическая. Дело в том, что словарь, как, впрочем,

и любые другие достаточно формализованные лингвистические средства, следует определенному канону описания. Он навязывает жесткие формы представления лингвистической информации, которые в ряде случаев могут не соответствовать существу дела. В частности, толкование лексического значения дается в семантической зоне словаря. Если в значение входят какие-то прагматические компоненты, они не могут быть изъяты из его толкования и перенесены в прагматическую зону, а остаются в зоне семантики. Иллюстрацией может служить большинство приведенных выше лексических примеров. Ср. А — зачинщик X-а = 'А сделал Р; Р было причиной того, что начал иметь место X; говорящий отрицательно оценивает А и X или хочет, чтобы адресат отрицательно оценивал А и X'. Прагматический (оценочный) компонент эксплицируется в толковании, т.е. в зоне семантики.

Указанные три особенности прагматической информации — периферийность средств ее выражения, ее растворенность сразу в нескольких единицах языка и ее сплетенность с семантической информацией — создают значительные теоретические и технические трудности при ее выявлении, изучении и описании. Дело осложняется почти полным отсутствием традиций лексикографической обработки прагматической информации. Поэтому высказываемые ниже соображения о типах лексикографически существенной прагматической информации не могут претендовать ни на полноту, ни на окончательность.

4. Типы лексикографически существенной прагматической информации.

Как ясно из сделанных только что замечаний, в структуре словарной статьи для прагматической информации должна быть выделена особая зона, подразделяемая на ряд подзон, в зависимости от типа лексикографически существенной прагматической информации. В настоящее время можно назвать следующие типы такой информации: I) прагмати-

ческие стилистические пометы, включая оценочные, 2) прагматические признаки лексемы, 3) нетривиальные иллюкутивные функции лексемы, 4) статусы говорящего и слушающего, 5) коннотации, культурный и образный мир лексемы.

4.1. Прагматические стилистические пометы.

К числу прагматических стилистических помет относятся такие пометы, как веж(ливое), вульг(арное), груб(ое), ирон(ическое), ласк(ательное), неодобр(ительное), презр(ительное), пренебр(ежительное), шутил(ивое), эфф(емистическое) и ряд других. Такие пометы помещаются в прагматической зоне словарной статьи в своей традиционной форме; однако реальное содержание каждой прагматической пометы должно быть со всей возможной полнотой истолковано на едином семантическом метаязыке в общем компоненте лингвистического описания.

Из перечисленных выше помет мы проанализируем только одну - ласк(ательное) - и на материале только одного класса слов - димиутивов.

Общеизвестно, что димиутивные суффиксы в русском языке имеют по крайней мере два разных значения - собственно уменьшительное и ласкательное. Поэтому некоторые димиутивы иногда называются уменьшительно-ласкательными [26, с. 361].

Если производящая основа обозначает неуникальный предмет, то производное слово с димиутивом всегда может иметь уменьшительное значение, ср. балкончик, домик, домишко, луjiца, ножка, пятнышко, сеточка, столик, шарик и т.п. Если же производящая основа обозначает вещество (вода, каша, масло, молоко, сахар, соль) или уникальный предмет (солнце), уменьшительная интерпретация при формально димиутивном суффиксе исключается. В первой группе слов (водичка, кашка, маслице, молочко ...) этому препятствует абсурдность комбинации смыслов 'маленькая

вода', 'маленькое масло' и т.д. Во второй группе слов (солнышко) этому препятствует несуществование, по крайней мере в нашем мире, денотата для соответствующего смысла.

По указанной причине существительные типа водичка, кашка, маслице, солнышко и т.п. приобретают постоянную прагматическую составляющую – указание на то, что говорящий испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или – в связи с этим предметом – о своем адресате. В последней функции такие слова употребляются особенно часто. Действительно, когда мы говорим Выпей молочка, Съешь кашки, мы испытываем (или выражаем) положительные эмоции не столько по отношению к пищевым продуктам, сколько по отношению к своему адресату. Не случайно такие слова особенно уместны при обращении к ребенку, которому мы оказываем покровительство, к которому относимся с любовью и нежностью, т.е. ласково^I). В таких случаях ласкательные слова – это не прямой способ включения адресата в личную сферу говорящего. С другой стороны, они служат для демонстрации доброжелательства по отношению к адресату; ср. обращение к продавцу Взвесьте мне колбаски.

Направленность положительных эмоций говорящего на собеседника еще более характерна для прагматики прилагательных и наречий, образованных уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср. глупенький, голенький, здоровенький, кругленький, мокренький, слабенький, толстенький, худенький; остороженько, тихонечко, тихонько. В наречиях истинный адресат эмоций замаскирован особенно неуклюже и

I) Любовь характеризует определенное состояние души, не обязательно проявляющееся внешне; нежность характеризует определенный стиль физического поведения, не обязательно мотивированный любовью. Ласково – это 'с любовью' по внутренним ощущениям и 'с нежностью' по внешним проявлениям.

поэтому особенно очевиден. Говоря Иди тихонько <осторожненько>, мы выражаем любовь и беспокойство конечно не по поводу способа осуществления действия, а по поводу деятеля ¹⁾.

Любопытно, что в русском языке уменьшительные суффиксы прагматически более насыщены, чем увеличительные; в содержании увеличительных суффиксов доля семантики существенно больше. Действительно, в значение таких слов, как бородачи, домины, домище, мужичина, ножища, ручища входит представление об очень большом размере соответствующих предметов. В значение слов типа голосина, голосище, жарища, скучища, холодина входит представление об очень большой степени или интенсивности соответствующих явлений. Даже если увеличительное существительное образовано от названия вещества (винище, спиртище, табачище), в его значении сохраняется намек на какую-то чрезмерность: Винищем <табачищем> разит <?попахивает>.

Правда, значение увеличительных существительных не исчерпывается семантикой. В него входит и прагматический компонент: 'говорящий небезразличен к величине <интенсивности> X-а и хочет заразить своим небезразличием адресата'. Однако этот компонент не имеет параллели в значениях слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Указанные особенности и в значениях прилагательных, образованных увеличительными суффиксами. Толстенный X значит 'очень толстый X, причем говорящий небезразличен к толщине X-а и хочет заразить своим небезразличием адресата', между тем как толстенный X значит 'довольно толстый X, мысль о котором вызывает у говорящего положительные эмоции'. Ср. также прилагательные большущий, высоченный, здоровенный, здоровущий, широченый и т.п.

¹⁾ Ср. другую точку зрения на такие слова в [Юа, с. 46], где они рассматриваются как элементы языка "позитивной пропаганды", т.е. рекламы.

Как видим, уменьшительные и увеличительные суффиксы русского языка обнаруживают существенную асимметрию по параметру прагматики.

4.2. Прагматические признаки лексем.

Семантический признак (ср., например, стативность у глаголов или фасадность у существительных) характеризует лексему во всех случаях ее употребления, а прагматический – лишь в некоторых.

Хорошим примером прагматического признака является перформативность. Это понятие было рассмотрено нами в грамматическом и лексикографическом аспектах в [27]. Здесь достаточно будет сказать следующее.

Перформативными, как известно, называются глаголы, произнесение которых в форме первого лица единственного числа настоящего времени активного залога индикатива может быть равносильно однократному выполнению обозначаемого глаголом действия. Примеры: Прошу вас выступить у нас на семинаре, Я обещаю вам приехать, Предупреждаю вас, что это опасно, Объявляю собрание открытым и т.п.

Часть перформативных глаголов сохраняет возможность перформативного употребления и в некоторых других грамматических формах, а именно, формах совершенного вида будущего времени, несовершенного вида сослагательного наклонения и ряде других. Ср. Я попрошу вас выйти, Я просил бы вас выйти, Я попросил бы вас выйти.

Перформативность исключительно разнообразно проявляется в языке. У перформативов нет, например, актуально-длительного значения. Употребления типа Все успели позавтракать, пока я прошу тебя встать являются чисто дескриптивными.

Перформативы не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени типа за три минуты. Высказывание Я прощаюсь с вами – перформативное, а высказывание За три

минуты я продаюсь со всеми и ухожу – нет; глагол в нем употреблен в настоящем историческом.

Когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм. Различия между неперформативными высказываниями Он просит вас выйти – Он попросит вас выйти – Он просил бы вас выйти – Он попросил бы вас выйти сводятся к различиям в семантике форм вида, времени и наклонения. Различия между перформативными высказываниями Я прошу вас выйти, Я попрошу вас выйти, Я просил бы вас выйти, Я попросил бы вас выйти лежат не в области семантики вида, времени и наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение – самая вежливая форма просьбы, а простое будущее – самая жесткая. В других отношениях последние четыре высказывания синонимичны.

Здесь были упомянуты только три проявления перформативности. Всего же в настоящее время известно около полутора десятков интересных морфологических, словообразовательных, синтаксических, семантических и прагматических проявлений перформативности. Следовательно, ссылка на это свойство необходима во многих типах правил. Возникает вопрос, в каком виде она должна включаться в правила. Нельзя ли, например, свести перформативность к какому-либо компоненту в толковании глагола и в правилах ссылаться непосредственно на этот компонент? В связи с этим предположением рассмотрим коротко распространенное мнение о том, что в смысл всякого перформативного глагола существенным образом входит компонент 'говорить'.

В большинстве случаев свойство перформативности, действительно, мотивируется смыслом 'говорить'. Однако есть два ряда исключений. С одной стороны, имеются отдельные глаголы, в словарное толкование которых компонент

'говорить' не входит и которые, тем не менее, могут употребляться перформативно. Таков, например, глагол жаловать; ср. Царь пожаловал его шубой со своего плеча и Я жалую вас званием главного церемониймейстера. С другой стороны, имеется немало групп глаголов, в словарное толкование которых смысл 'говорить' входит и которые, тем не менее, неспособны к перформативному употреблению. Таков, в частности, класс глаголов врать, лгать, клеветать и т.п. Высказывание типа Я лгу ни при каких обстоятельствах не может быть равносильно акту лжи (см. об этом [35, с.243-244]).

Итак, поскольку свойство перформативности не всегда автоматически выводится из смысла 'говорить', в лингвистическом описании необходим самостоятельный признак перформативности. При этом лексикографически возможны два решения.

а) Признак "перформ (ативность)" приписывается лишь лексемам типа жаловать, в которых он семантически неотделим, а перформативность лексем типа обещать, приказывать и т.п. выводится общим правилом из смысла 'говорить'. Тогда необходимо иметь еще один признак - "неперформ (ативность)", - приписываемый лексемам типа лгать, клеветать и т.п., чтобы они не подпали под действие общего правила.

б) Признак "перформ (ативность)" приписывается всем перформативным лексемам. Тогда не будет нужды в отрицательном признаке, но получится небольшое дублирование информации: тот факт, что в большинстве случаев перформативность выводима из смысла 'говорить', в лингвистическом описании должен фигурировать независимо ни от чего. Однако такое дублирование - вполне в природе лексикографии. Род русского существительного в большинстве случаев выводим из его внешней формы или смысла и тем не менее регистрируется в словаре на независимых основаниях.

4.3. Нетривиальные иллокутивные функции лексем.

Иллокутивная функция лексемы называется тривиальной, если она выводится непосредственно из ее значения или из семантического класса, к которому она принадлежит.

Первый случай может быть представлен такими глаголами, как спрашивать, просить, разрешить, советовать, приглашать, предостерегать, предупреждать, приказывать, требовать и т.п. Каждый из них является каноническим обозначением определенной иллокутивной функции. Очевидно, что в таких случаях иллокутивная функция должна описываться не в зоне прагматики, а в семантической зоне толкования, потому что она образует ядро лексического значения глагола.

Второй случай может быть представлен семантическим классом глаголов действия: вставлять, делать, есть, идти, мазать, писать, работать, чинить и т.п. Семантика императивных форм таких глаголов сводится к самой общей идее побуждения, т.е. к выражению желания, чтобы адресат сделал Р, и попытке каузировать адресата сделать Р. Прагматически же – и это неоднократно отмечалось в литературе (см., например, обширную сводку мнений в [28, с. 132–136]) – они могут интерпретироваться в очень широком диапазоне. Отойдите, в зависимости от ситуации, может обозначать просьбу, совет, разрешение, предостережение, требование, приказ и т.п. То же самое характерно и для любого другого глагола со значением действия. Поэтому нет оснований помещать данную прагматическую информацию в словарь. В словаре достаточно приписать таким глаголам семантический признак 'действие'. В грамматику должно быть включено одно общее правило, приписывающее императиву глаголов этого семантического класса названный выше стандартный набор иллокутивных функций.

Иллокутивная функция лексемы называется нетривиальной, если она не выводится непосредственно ни из ее лек-

сического значения, ни из семантического класса, к которому она принадлежит.

Иллокутивная специализация характерна прежде всего для форм и конструкций, непосредственно связанных с двумя основными ролями акта коммуникации, – ролью говорящего и ролью адресата. Речь, следовательно, идет о таких формах, как императив, первое лицо, второе лицо. Начнем наш обзор с форм императива.

Собственно лексикографический интерес представляют, естественно, лишь те лексемы, которые (в отличие, например, от глаголов действия) имеют в императиве нетривиальные иллокутивные функции. Мы рассмотрим три группы таких лексем, относящихся к семантическому классу стативных глаголов. Это – эпистемический глагол знать, путативные глаголы считать, думать и понимать и глаголы эмоционального состояния типа бояться, гордиться, стыдиться и т.п.

Известно, что у канонических стативных глаголов нет форм императива; нельзя сказать *Видь картину, *Слышь музыку (при абсолютной корректности Смотри на картину, Слушай музыку). Однако у глагола знать в конструкции с придаточным дополнительным предложением, вводимым союзом что, она есть. Этот факт был отмечен Т.В.Булыгиной [19, с.72].

Будучи употреблен в императиве, глагол знать не имеет ни одной из типичных для нормального императива иллокутивных функций, т.е. не выражает просьбы, совета, требования, разрешения, приказа, предостережения и т.д. При знать императив приобретает, по-видимому, уникальную прагматическую функцию – сообщение адресату собственного знания. Точнее, когда мы говорим Знай, что Р, мы имеем в виду следующее: 'Я знаю, что Р; я считаю, что ты не знаешь, что Р; я считаю, что знание Р важно для тебя; я хочу, чтобы ты знал, что Р, и поэтому говорю, что Р'.

Подчеркнем еще раз, что эту иллокутивную функцию знать имеет только при условии управления придаточным

предложением, вводимым союзом что. Впрочем, союз что может быть и опущен: Помни это, каждый сын, / знай любой ребенок: / вырастет из сына свин, / если сын - свинок (В.Маяковский).

Если же этот глагол управляет косвенным вопросом, он может иметь в императиве обычное побудительное значение. Ср. у Блока Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы. Ты знай, / Где стерегут нас ад и рай. Правда, нормативность таких конструкций можно поставить под сомнение.

Другую, но тоже нетривиальную иллокутивную функцию имеет в императиве стативный путативный глагол считать. Считай, что Р = 'несмотря на некоторую недостаточность оснований, говорящий готов считать, что Р; говорящий сообщает, что адресат может считать, что Р'. Ср. Считай, что тебе повезло < что мы поладили на этом >.

Из ближайших синонимов считать - глаголов находить, полагать и думать - только последний имеет форму императива; у находить и полагать ее нет (*Находи <полагай>, что тебе повезло). При этом думать в императиве менее свободен, чем считать. Он используется преимущественно в синтаксически связанных конструкциях типа Думай, что хочешь <что угодно> и выполняет более тонкую прагматическую функцию, чем считать: Думай, что хочешь = 'можешь считать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты считаешь'. В тот же ряд входит и изначально эпистемический глагол понимать, который во фразеологически связанных конструкциях типа Понимай как хочешь <как знаешь, как тебе угодно> имеет путативное значение. Как и глагол думать, в императиве он выражает, вместе с модальностью возможности (разрешения), еще и авторское безразличие к тому, что именно подумает адресат.

Рассмотрим, наконец, нетривиальные иллокутивные функции императива таких глаголов, эмоционального состояния, как бояться, гордиться, стыдиться и т.п. Их, по-видимому, две.

Первая - уже известная нам функция разрешения; ср. Гордись, гордись своей проклятой славой (Пушкин) = '... можешь гордиться'; Стыдись своего прошлого, если это доставляет тебе удовольствие = '... можешь стыдиться'.

Вторая иллокутивная функция императива глаголов эмоционального состояния, более типичная для них и поэтому более интересная, - это функция требования или предписания. Ср. Бойся данайцев, дары приносящих = '...адресат должен бояться ...'; Гордись: таков и ты, поэт, /И для тебя условий нет (Пушкин) = '...адресат должен гордиться..'; Стыдись: ты обидел того, кто слабее тебя = '...адресат должен стыдиться ...'.

Очевидно, что представленная здесь информация об иллокутивных функциях императива глаголов интеллектуального и эмоционального состояния должна сообщаться в их словарных статьях.

Перейдем к формам лица и рассмотрим одну метатекстовую функцию ряда глаголов, на которую обратила внимание А.Вежица [29, с. 106 и сл.]. В этой работе было показано, что в общем случае текст складывается из собственно текста, т.е. описания определенной ситуации реального или мыслимого мира, и метатекста - высказываний типа Выше мы уже говорили, Ниже мы вернемся к этому вопросу, Кстати сказать, Последнее по порядку, но не по важности и т.п. Такие метатекстовые авторские "пометки на полях" направляют осознание текста адресатом по нужному пути, указывают, в каких местах текста следует искать ту или иную информацию, определяют относительную информационную ценность различных его фрагментов. Это - своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом. Хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое

единство текста, они выполняют интегрирующие функции на высшем уровне, которые перекрывают их разрушительное действие.

Среди упоминаемых А. Векбицкой метатекстовых элементов мы выделим два основных класса.

В первый класс входят (вводные) наречия и наречные обороты типа во-первых, во-вторых, иначе говоря, итак, кстати говоря, между прочим и т.п. Для них названная иллокутивная функция является частью толкования и поэтому описывается в семантической зоне словарной статьи.

Во второй класс входят глаголы и глагольные обороты типа возвращаться, начинать, переходить к заключению, повторять, подчеркивать и т.п. Их словарное толкование не должно содержать ссылки на иллокутивную функцию привлечения внимания к авторской сортировке сообщаемых сведений, поскольку в подавляющем большинстве форм они воспринимаются как объективное описание действительности. Высказывание типа Он повторил, что дальнейшие переговоры бесполезны прагматически нейтрально. Психологическое давление, если оно в нем и есть, целиком сосредоточено в семантике глагола повторять. Аналогичное высказывание в форме первого лица настоящего времени оказывается прагматически насыщенным: Повторяю, что дальнейшие переговоры бесполезны. Мы предлагаем следующее толкование этой формы: Повторяю, что Р = 'Ранее я уже говорил, что Р; я допускаю, что вы не восприняли Р или не оценили важности Р; я хочу, чтобы вы оценили важность Р; поэтому я еще говорю, что Р'¹⁾.

1) Прокомментируем компонент 'Я допускаю' в этом толковании. Более естественным кажется на первый взгляд компонент 'я считаю'. Однако он не объясняет возможности использования повторять в разного рода резюме и заключениях, ср. Повторяю, что несмотря на отдельные недостатки, работа заслуживает опубликования. В таких случаях у говорящего нет оснований считать, что к его отзыву отнеслись недостаточно внимательно, хотя допустить такое вполне можно. Фор-

В указанной иллокутивной функции глаголы типа повторять приобретают сходство с перформативами.

4.4. Статусы говорящего и адресата.

Как уже было сказано, эта информация представляет лексикографический интерес только тогда, когда она характеризует не лексическое значение как таковое, а лишь некоторые употребления слова в данном лексическом значении. Остановимся в связи с этим на употреблении личных местоимений, прежде всего, местоимения ты. С интересующей нас точки зрения и притом лексикографически оно уже было описано в [30, с.290-292]. Мы учитываем эти результаты, но в целом систематизируем употребления ты по-иному.

Известны следующие употребления ты: 1) ты близкое; 2) ты родственное; 3) ты детское (в общении детей между собой или при обращении совсем маленьких детей к взрослым); 4) ты старшее; 5) ты хамское; 6) ты панибратское. Добавим к этим шести употреблениям еще ты внедиалоговое. Оно используется при мысленном обращении к любым объектам, исключаящим реальный диалог. К числу таких объектов относятся "абстрактные люди" (Что ты сделал для фронта?), атрибуты человека (Жизнь, зачем ты мне дана?), предметы окружающей обстановки (Свет мой, зеркальце! скажи), покойники, животные, географические и космические объекты (Прощай, немытая Россия; Ты, солнце святое, гори), человеческие общности (И ты, послушный им народ), мифические существа. Любопытно, что обращение на ты распространяется и на тех живых людей, к которым говорящий нормально обра-

Продолжение сноски со с.33.

мула 'я считаю или допускаю' тоже не годится из-за ее не-правильности: выбор между 'считать' и 'допускать' неприменим к самому говорящему, ибо он твердо знает, считает ли он нечто или только допускает. Кстати, в силу того же принципа неправильны и другие формулы такого рода, например, *Я знаю или допускаю (при правильности Он знает или допускает). В результате в толковании Повторяю может быть представлено только более слабое 'Я допускаю'.

щается на вы, но с которыми в данную минуту ведет мысленный диалог; ср. Ах ты, шельма, — подумал я о лекторе.

С интересующей нас здесь точки зрения заслуживает упоминания два из перечисленных семи употреблений: ты старшее (сверху вниз в возрастной иерархии, причем говорящий должен быть взрослым, а адресат — ребенком); ты хамское (сверху вниз в социальной иерархии).

Любопытную прагматическую функцию выполняет местоимение вы в устах носителя ты панибратского или ты хамского. Носитель ты панибратского маркирует таким несвойственным ему почтительным обращением свой более низкий по сравнению с адресатом социальный (в частности, образовательный) статус, а носитель ты хамского — свой более низкий статус в административной иерархии.

Мы инклюзивное, используемое при обращении и включающее ровно двух лиц — адресата и самого говорящего — маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации. В ситуации медицинского осмотра, например, хозяином положения является, конечно, врач, независимо от того, каков социальный или возрастной статус его пациента. Поэтому он вполне может позволить себе покровительственное обращение на мы: Ну, как мы себя чувствуем? Давление у нас нормальное, разве чуточку повышено. Но ведь нам не двадцать лет? (И. Грекова, "Пороги"). Может быть, в таких случаях имеет место еще и эффект включения говорящего в личную сферу адресата¹). Солидарность с адресатом, испытываемая говорящим, настолько велика, что он готов поставить себя в положение адресата и разделить все его переживания. Ср. вопросы в форме первого лица множественного числа типа Ну как, работаем? в ситуации, когда сам говорящий не ра-

1) Это соображение было высказано (устно) А. Карловской. Раньше ([15, с. 29]) мы рассматривали такие примеры как случаи включения адресата в личную сферу говорящего.

ботает, но хочет подчеркнуть свою солидарность с работающим адресатом. Отметим, что говорящий может включать себя в личную сферу слушающего не только с целью выражения сочувствия, но и с критическими целями; Ср. Все еще отдыха-ем?, Что же, так и будем молчать?

Он и она непочтительные, т.е. называющие третье лицо, которое либо участвует в общем разговоре, либо имеет возможность его слышать, тоже могут маркировать более высокий статус говорящего в определенной иерархии или в текущей ситуации. Однако чаще они выполняют другие прагматические функции – исключения называемых таким образом людей из личной сферы говорящего, преднамеренного оскорбления, выражения неуважения, либо невольной демонстрации недостатка воспитания.

4.5. Коннотации.

Коннотациями лексемы называются несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него (см. [31, с. 67–68, 247] и [30]).

Лексическое значение слова холостяк, например, исчерпывается следующим толкованием: 'неженатый мужчина, достаточно давно достигший брачного возраста и никогда ранее не состоявший в браке'. Однако в общественном сознании имеется устойчивый оценочный образ холостяка, и в этот образ входят еще следующие черты: бытовая неустроенность, неухоженность, отсутствие уюта и порядка, неприхотливость, спартанство, одиночество, а с другой стороны – беспечность, компанейство, веселый и свободный образ жизни и приверженность ему. Они-то и составляют коннотации лексемы холостяк, фиксируемые в прагматической зоне его словарной статьи.

Характерная черта коннотаций, в отличие от других не-

существенных признаков выражаемого лексемой понятия, состоит в том, что они объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, привычных метафорах и сравнениях, во фраземах, синтаксических конструкциях и полусвободных сочетаниях, в производных словах. Ср. компаративный смысл словосочетания жить холостяком и производных холостяцкий, по-холостяцки. Он построен на обыгрывании именно коннотаций, а не лексического значения слова холостяк: Когда жена надолго уезжала, его квартира приобретала неряшливый холостяцкий вид <он начинал жить по-холостяцки неприхотливо> ; Жена была в командировке, и он жил холостяком, т.е. не усложняя себе жизнь устройством быта, не заботясь о домашнем уюте, но зато, может быть, участвуя в веселых дружеских встречах, — словом, так, как в представлении данного языкового общества свойственно жить холостякам. В устойчивых словосочетаниях закоренелый <убежденный> холостяк семантической областью действия прилагательных не может быть никакой из входящих в толкование компонентов смысла. Единственный элемент, с которым прилагательные семантически могут соединяться, это коннотация 'приверженность свободному образу жизни', 'нежелание утрачивать личную свободу'.

Приведем несколько примеров, более систематически иллюстрирующих названные выше пути объективного языкового проявления коннотаций.

П е р е н о с н ы е з н а ч е н и я. Слово свинья в основном значении имеет коннотации неопрятности, неотесанности, грубости, примитивного и хамского поведения, низости. Все они материализуются в переносных значениях 'неряха' (Свиньи, грязь везде развели!), 'невоспитанный и грубый человек' (Напился, свинья), 'подлый и низкий человек' (Свинья, — пришел любоваться женщиной, которую сделал кокоткой (М.Горький)).

Привычные метафоры и сравнения. На основе коннотаций грубости и неотесанности сложилось устойчивое сравнение напиться, как свинья. На основе коннотаций неотесанности (некультурности) и примитивности сложилось устойчивое сравнение разбираться как свинья в апельсинах.

Фраземы. Те же коннотации лежат в основе фраземы метать бисер перед свиньями = 'говорить нечто такое, чего собеседник, в силу своей примитивности и нетонкости, не сможет оценить по достоинству'. Коннотация подлости и низости лежит в основе фраземы подложить свинью кому-л.

Синтаксические конструкции и полусвободные словосочетания. Примером могут служить словосочетания свинячья морда, свинячье рыло, которые в синтаксической функции (бранного) обращения реализуют коннотации моральной или физической нечистоплотности, грубости, хамства.

Производные. Коннотации слова свинья дают большой шлейф производных слов, в которых они превращаются в компоненты лексических значений. Ср. свинушник, свинарник = 'грязное, захламленное помещение'; свинтус = 'неопрятный человек и неблагодарный, низкий человек'; свиненок – то же самое о ребенке; свинство = 'грязь и нехороший, низкий поступок'; свинский = 'неблагодарный, низкий', ср. свинское поведение; то же самое и в наречии по-свински; свинячить = 'вести себя хамски или некультурно' и 'вести себя низко и неблагодарно'; ср. ... вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение ... (М. Булгаков).

Итак, метафоризация, фразеологизация, провербиализация, грамматикализация, семантическая и аффиксальная деривация, – вот те языковые процессы, которые могут развиваться на основе коннотаций и в которых коннотации

вещественно себя обнаруживают. В результате этих процессов несущественный и прагматический признак исходного значения слова становится существенным и семантическим в переносном значении, во фразеологизме, в производном слове. В коннотациях проявляется, таким образом, важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его семантического и лексического обновления.

На формирование коннотаций лексемы решающее влияние оказывают господствующий тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, психологический, политический или иной культурный контекст ее существования, ее этимология и другие внешние по отношению к ее непосредственной жизни в языке факторы.

Все эти превратности возникновения коннотаций делают их очень капризными и непредсказуемыми. Прихотливость коннотаций находит свое наиболее рельефное проявление в том, что синонимичные или тематически близкие слова одного языка или переводящие друг друга слова разных языков могут иметь совершенно разные коннотации.

У слова свинья, как мы видели, нет коннотаций тучности и неповоротливости, а у слова боров они есть и семантизируются в переносном значении 'толстый и неповоротливый человек'. Ср. Не понимаю, как этот боров мог забраться на вторую полку <спать на такой узкой лавке>. С другой стороны, у борова нет ни одной коннотации свиньи. Очевидно, что фактические физические различия между боровом и свиньей никак не могут объяснить столь разительного несходства их коннотативных потенциалов.

Что касается национальной специфики коннотаций, то на этот счет полезно вспомнить следующее замечательное по тонкости наблюдение Л.В.Щербы: "Французское eau, как будто, вполне равно русской воде; однако образное употребление слова вода в смысле 'нечто лишенное содержания' совер-

шенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее можно передать русским отвар' (eau de ris, eau d'orge). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому eau этот признак совершенно чужд" [32, с.86] .

Интересным свойством коннотаций является способность формировать псевдотавтологические высказывания типа

Война есть война. Рассматривая их в свете принципов кооперативного общения, Г.Грайс писал, что они неинформативны на уровне того, что реально сообщено, но информативны "на уровне того, что подразумевается" [33, с.52] . Позднее Е.В.Падучева уточнила то, что подразумевается в таких случаях, как ассоциации, связанные с соответствующими понятиями [34, с.42] .

Действительно, тавтологичные по форме высказывания типа Война есть война, Холостяки есть холостяки не тавтологичны и, следовательно, не нарушают постулата информативности ровно в той мере, в какой их интерпретация допускает обращение к коннотациям опорного существительного. Ср. 'Холостяки, как известно, люди неряшливые <неприхотливые, беспечные ...> , и поэтому нет оснований удивляться тому положению вещей, которое мы сейчас наблюдаем' .

Первая позиция в такой формуле актуализирует собственное лексическое значение слова, а последняя – его коннотации. Формула в целом настолько чувствительна к коннотациям, что может служить естественным мерилom степени коннотативности существительного. Ср. высказывания Волки есть волки, Закон есть закон, Ребенок он и есть ребенок, На войне как на войне, с большим коннотативным потенциалом у опорных существительных, и ?Пумы есть пумы, ? Мир есть мир с небольшим, если не вовсе нулевым коннотативным потенциалом. Точнее, если высказывания последнего типа осмысляются, то это происходит на гораздо более субъек-

тивной основе, чем в случае узаконенных языком коннотаций. Мне, например, может быть известно, что пумы коварны (т.е. считаются в какой-то среде коварными), и я могу проэксплуатировать этот несущественный признак в высказывании Пумы есть пумы. Поскольку, однако, он не обладает вторым необходимым свойством коннотаций – закрепленностью в языке –, я не могу рассчитывать на то, что мое высказывание будет столь же информативным для моего собеседника, как для меня самого.

ooOoo

На этом мы закончим обзор типов прагматической информации для толкового словаря. Скажем в заключение, что бурное развитие лингвистической прагматики в последние 10-15 лет привело ко многим наблюдениям, находкам и открытиям, представляющим бесспорный интерес для лексикографии. Пришло время начать лексикографическое освоение этого материала.¹⁾

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2.
2. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985.
4. Syntax and Semantics. Vol.3. Speech Acts.– N.Y., San Francisco, Lnd, Academic Press– 1975.
5. Syntax and Semantics. Vol.9. Pragmatics.– N.Y., San Francisco, London, Academic Press– 1978.

1) Автор выражает признательность И.М.Богуславскому и М.Я.Гловинской, которые прочитали первоначальную редакцию этой статьи и сделали ряд ценных критических замечаний.

6. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - 1981. - № 4.
7. Journal of Pragmatics. // Special Issue on 'Particles' edited by Anna Wierzbicka. - 1986, Vol.10, No.5.
8. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). // АДД. - М. - 1987.
9. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. - М.: Наука, 1980.
10. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. // ВЯ.-1958.- № 6.
- 10а. Wierzbicka Anna. Dociekania semantyczne. - Wrocław-Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk. 1969.
11. Шмелева Т.В. Мысли В.В.Виноградова о модальности и дальнейшее изучение этой семантической категории. // Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti. - 1983. - Sveska 5.
12. Яковлева Е.С. О семантике модальных слов - показателей достоверности в современном русском языке. // Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti. - 1984. - Sveska 6.
13. Lyons John. Semantics. Vol.2. - Cambridge: University Press. - 1978.
14. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Вводные слова в семантической структуре предложения. // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвузовский сборник. - Красноярск: Изд-во Красноярского университета. - 1984.
15. Апресян Д.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика и информатика. - 1986. - вып. 28.
16. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. - Л.: Наука, 1979.
17. Апресян Д.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл - Текст". // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband I.-Wien.- 1980.
18. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове - М.-Л.: Учпедгиз, 1947.

19. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов. - М.: Наука, 1982.
20. Потехня А.А. Значение множественного числа в русском языке. - Воронеж, 1888.
21. Арбатский Д.И. Множественное число гиперболическое. // РЯШ. - 1972, - № 5.
22. Шмелев Д.Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке. // РЯШ. - 1961. - № 5.
23. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. - М.: Просвещение, 1971.
24. Гловинская М.Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. // ДД. - М. - 1985.
25. Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц. // Семиотика и информатика. - 1986. - вып.28.
26. Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. - М.: Изд-во АН СССР. - 1960.
27. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре. // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - 1986. - № 3.
28. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. - Л.: Наука, 1986.
29. Вехбицка А. Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. УШ. Лингвистика текста. - М.: Прогресс. - 1978.
30. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. - Wiener Slawistischer Almanach. - Sonderband, 14.- Wien, 1984.
31. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, - 1974.
32. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. - Л.: Изд-во ЛГУ, - 1958.

33. Grice H.P. Logic and Conversation. // Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts. - N.Y., San Francisco, L., Academic Press., 1975.
34. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. - М.: Наука, 1985.
35. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс. - 1985.

А.Н. БАРАНОВ, И.М. КОБОЗЕВА

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ОТВЕТАХ НА ВОПРОС

Задача исследования. Значительные достижения современной лингвистической семантики в описании плана содержания языковых выражений основываются на разработке и использовании семантических метаязыков, истоки которых лежат в логико-философской традиции. Семантические метаязыки, прототипом которых послужили языки логики предикатов, позволили вплотную подойти к изучению функционирования тех языковых единиц, которые ранее находились на периферии лингвистических исследований, поскольку плохо поддавались традиционным методам лингвистического анализа. Функционирование частиц, союзов, вводных и модальных слов различных типов все это попало в "мертвую зону" догадок и неопределенных предположений. Использование нового концептуального аппарата привело к адекватному описанию значений целого ряда т.н. логических частиц типа не, даже, только, еще, уже и др. и некоторых союзов [1-3].

Однако это триумфальное шествие не перешло на "территорию" модальных частиц, выражающих различные значения субъективного отношения к сообщаемому [4]. Это объясняется тем, что концептуальный аппарат, разработанный для описания логических частиц - метаязыки, основанные на исчислении предикатов и оперирующие теоретико-множественными

концептами – оказываются мало эффективными при описании частиц, не участвующих или почти не участвующих в формировании логической структуры предложения (аналогичные трудности возникают с междометиями). Более соответствующим природе объекта был бы метаязык лингвистической прагматики, но его категории расплывчаты, неопределенны и нуждаются в серьезном теоретическом обосновании, которое невозможно без анализа большого эмпирического материала. Между тем, исследование процессов вербализации и понимания разговорной речи без описания модальных частиц будет неизбежно ущербным, так как они и в количественном и в качественном отношении составляют весьма существенную часть обыденного разговора [5, с. 91-97] .

Объектом исследования в данной работе явились употребления первообразных модальных частиц в диалоге, и в первую очередь, в прямых ответах на вопрос. Как оказалось, в современной русской разговорной речи в прямых ответах на вопрос встречаются преимущественно три модальных частицы: ну, да и а. Ограничение исследуемой области ответами на вопрос требует особых пояснений.

Традиционные грамматика и лексикография, а также практические пособия по русскому языку для иностранцев содержат описания многих модальных частиц, в том числе и тех, которые мы анализируем ниже. Однако при том, что в них представлен богатый языковой материал и дана его классификация, предлагаемые семантические описания во многом неудовлетворительны: количество значений сильно отличается от автора к автору, не ясны связи между значением и его вариантами, не всегда возможно однозначно сопоставить употреблению частицы то или иное ее значение и дать семантическую интерпретацию высказыванию с частицей в целом. Все это – следствие необычайного многообразия способов использования частиц, и потому при их описании особо

важное значение приобретает способ структурирования исходных данных для целей их последующей интерпретации.

С точки зрения современной семантики значения частиц должны описываться как операция над смыслом целого предложения, а точнее речевого акта, в котором данное предложение актуализуется. Модальные частицы, в отличие от логических, взаимодействуют в первую очередь с модальным компонентом семантики высказывания (ср. "модус" по Ш.Балли), почти не влияя на его пропозициональное содержание. Отсюда естественно вытекает способ анализа употребления модальных частиц: они должны изучаться в высказываниях с фиксированной модальностью (иллокутивной функцией), чтобы вклад частицы в модальный компонент значения высказывания был достаточно очевиден (понятно, что при этом в предложении не должно быть других средств выражения субъективной модальности — частиц, вводных слов и т.п., которые могут непредсказуемо повлиять на результирующий смысл целого высказывания). Заметим, что тесная связь значения частицы с иллокутивной функцией часто приводит к их смешению (ср. выделение "побудительного" значения у частицы ну в побуждениях и значения "согласия, разрешения" в речевых актах-пермиссивах у Васильевой [6], см. также [7]). Таким образом, все множество употреблений модальной частицы предлагается разбить на классы, определяемые местом реплики в диалоге и иллокутивным типом предложения-высказывания. При таком подходе оказывается существенным прежде всего противопоставление нарративных и диалогических употреблений частиц. Представляется, что описание диалогических употреблений должно предшествовать описанию функций частиц в нарративном тексте (ср. замечание Якубинского о диалоге как исходной форме речи [8]). В свою очередь, диалогические употребления естественно разделить на инициирующие и реактивные.

Дальнейшее членение множества иницирующих употреблений проводится по иллокутивному типу иницирующей реплики

(утвердительные, побудительные и т.п.). Более сложно структурировано множество реактивных употреблений: они делятся на два больших класса по признаку "наличие-отсутствие координационной связи"¹). Дальнейшее членение обоих типов реактивных реплик проводится по иллокутивной функции (согласие, уточнение, оценка, поправка и т.п.). Общая структура контекстов употребления модальных частиц (проиллюстрированная примерами с частицей ну) представлена на схеме I.

Схема I.

КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

Нарративные (монологические) употребления	
(Я глянул, а оттуда ... паровоз задом. Я еще порадовался: ну, думаю, пошли поезда, ведем!)	
Речевые (диалогические) употребления	
	В иницирующих репликах
	- вопросительных (Ну, и что они?) - утвердительных (Ну, сейчас весь дом будет в курсе!) - побудительных (Ну скажи нам что-нибудь.) - ... и т.д.
	В реактивных репликах с координационной связью
	- ответ на вопрос прямой (-Ты согласен? - Ну, согласен.) косвенный (-Ты согласен? - Ну а что мне остается.) - согласие /несогласие с утверждением (-Вряд ли он все успел сделать. - Ну конечно: времени было так мало.) - реакция на побуждение: согласие/отказ (-Возвращайся вовремя! - Ну ладно.) - и т.д.
	В реактивных репликах без координационной связи
	- уточняющих (-В этом деле нужна ясность. -Ну какая еще ясность?) - корректирующих (Тебе понравилась эта комедия? - Ну, комедией я бы это не назвал.) - оценочных (-Она согласен. - Ну и отлично)

1) Термин "координационная связь" заимствован из работы [9], однако здесь он понимается несколько иначе и характеризует согласованность реплик в диалоге по иллокутивной силе (по основному ее компоненту-условию "назначения") и по пропозициональному содержанию [10].

Материал показывает, что с методической точки зрения среди множества диалогических употреблений на начальном этапе наиболее удобной для исследования оказывается область употреблений частиц в реактивных репликах, координативно связанных с инициативными, поскольку в этом случае с достаточной определенностью устанавливается иллокутивная функция реплики, что позволяет более четко увидеть вклад частицы в смысл целого высказывания. Выбор среди реплик указанного типа прямых ответов на вопрос объясняется прежде всего тем, что семантическая структура вопроса и ответа как взаимосвязанных речевых актов достаточно хорошо описана. Так, основа модального компонента семантики ответа представляется обычно в виде модальной рамки 'говору, потому что ты спросил' [II]. Появление в ответе модальной частицы определенным образом усложняет модальный компонент ответа. Выявление способов модификации модуса ответа и составляет основную цель нашей работы. Однако мы не ограничиваем себя прямыми ответами на вопрос, и там, где это удастся, проводим сопоставление с другими типами употреблений.

Модальные частицы в прямых ответах на вопрос.

Итак, имеется три частицы, встречающихся в прямых ответах: ну, да и а. Каждой из них соответствует определенный интонационный контур (ИК) фразы в целом или набор таких контуров. Носителем модального значения является не только частица, но и связанный с ней ИК. Известно, что интонация — одно из важнейших средств передачи оттенков субъективно-модальных значений. Возникает вопрос: нельзя ли приписать модальное "приращение" к смыслу фразы с частицей исключительно интонации, а частицу считать незначимым "довеском", необходимым для более полного развертывания интонационного контура? Для отдельных примеров такой подход оправдан. Однако ко всей совокупности наблюдаемых фактов он не при-

нением. Судя по всему, существуют сложные правила взаимодействия собственных значений ИК и частиц, которые приводят к возникновению результирующих значений, которые мы и описываем ниже. Тем самым, объектом семантического анализа является амальгама значения частицы и интонационного контура. В таблице I приводятся условные обозначения этих комплексов с их значениями. Далее для удобства используется термин "значение частицы", хотя имеется в виду значение, выражаемое всем комплексом.

Таблица I I)

Усл.предст. формы отве та с част.	<u>НУ ... Р</u>	<u>НУ, Р</u>	<u>НУ Р</u>	<u>ДА Р</u>	<u>ДА Р</u>	<u>А Р</u>
Сокращенное обозначение значения	1) "поиск ("хезита- ция")"	2) "приз- вание"; 3) "выбор"; 4) "непони- мание"; 5) "вызов"	6) "от- сылка к фон- ду знаний", упо- мяну- тому"	1) "от- сылка к фон- ду знаний", упо- мяну- тому"	2) "от- сылка к фон- ду знаний", упо- мяну- тому"	

I) Расшифровка обозначений дается ниже.

Частица н у и способы ее инте-
рпретации. Обращает на себя внимание резкое проти-
вопоставление двух групп употреблений н у. В первую группу
входят НУ ... Р и НУ, Р, характеризующиеся возможностью
паузы после н у, ударностью частицы и невозможностью ее
синонимической замены частицей да (в т.н. "выделитель-
ном" значении - см. ниже). Ко второй группе относится
конструкция НУ Р, отличающаяся невозможностью паузы после
н у, безударностью частицы, наличием усиленного словес-
ного ударения на интонационном центре фразы (ср. ИК-2) и
синонимичностью с ДА Р. Есть ли семантические основания
у этого противопоставления? По-видимому, есть.

Интегральным семантическим компонентом для н у в пер-
вой группе употреблений можно считать "затруднение", воз-
никающее при вербализации ответа, что естественно проявля-

ется в наличии или возможности паузы между ну и последующей частью предложения, а также в сравнительно большой длительности самой частицы. Поскольку процесс вербализации ответа предполагает выполнение целого ряда ментальных процедур, то на каждой из них могут возникнуть определенные затруднения. Можно выделить, по крайней мере, следующие процедуры вербализации ответа (в скобках указываются значения частицы ну, сигнализирующие о преодолении соответствующего затруднения):

- 1) выявление знаний, необходимых для ответа;
 - а. поиск единственно возможного ответа [ну "поиска"]
 - б. выбор одного из нескольких возможных ответов [ну "выбора"]
 - 2) соотнесение потенциального ответа со своими интересами [ну "признания"];
 - 3) выявление стратегической цели вопроса [ну "непонимания цели"].
- } [ну "вызова"]

Каждому из выделенных видов процедур соответствует свой конкретный вариант реализации интегральной семы "затруднение". Рассмотрим последовательно употребления ну, при каждом из возможных видов затруднений вербализации ответа.

Н у " п о и с к а " (" х е з и т а ц и и ") - н у_I
Это употребление частицы ну соотносится с т.н. "незначимыми" употреблениями частиц (см. [I, I2]), ср. (Iа,б).

(I) а. - Сколько раз вы встречались с Петром? - Ну... пять раз.

б. - Что мы можем составить с помощью чисел, знаков действий и скобок? - Ну ... я полагаю, различные числовые выражения.

Частица ну в этих контекстах имеет специфическую просодическую характеристику: она является акцентируемой (но не акцентирующей - см. [I]), произносится восходящим тоном, может иметь значительную длительность и сопровож-

даться паузой (которая на письме, хотя и нерегулярно, отражается особой пунктуацией – многоточием и/или запятой после ну; см. в таблице НУ ...Р). Содержательно такие употребления трактуются как десемантизированные заполнители вынужденных пауз при спонтанной речи. В словарях, грамматиках и пособиях эти употребления при описании семантики частицы ну обычно игнорируются (см., например, [4; 6; 7]).

Мы считаем, что это не вполне справедливо, так как ну по механизму своего функционирования мало чем отличается от междометий, которые однако получают дефиниции в словарях и упоминаются в грамматиках. Ну выступает как конвенциональное средство "нерасчлененного выражения" [4] определенного психического состояния говорящего – состояния затруднения, вызываемого преодолением некоторого препятствия ментальной природы. В данном случае таким препятствием является отсутствие готового ответа и необходимость его поиска. Например, в диалоге (1а) отвечающему оказалось необходимым вспомнить и подсчитать число встреч.

Трудно представить, как должно выглядеть толкование этого значения в рамках декларативной семантики, поскольку ну в рассматриваемых контекстах по своей сути процедурно указывает на процесс поиска. Не исключено, что более плодотворным здесь окажется процедурный подход [13] .

В приведенных примерах "затруднения" были специфическими для ответа как особого типа речевого акта. Однако данное употребление ну может быть связано с неспецифическими затруднениями, характерными для вербализации высказываний с любой иллокутивной функцией: затруднениями при поиске адекватной дескрипции объекта, а также точного обозначения для ситуации, свойства, действия и т.п., ср. ну соответственно в примерах (2а,б).

(2) а. Я сегодня встретил этого... ну, который к нам в окно заглядывал. б. Собственно, это началось давно, еще

до нашей свадьбы, но это как-то все было ... ну, в норме, что ли ...

В естественном разговоре $н\bar{у}_1$ почти что с обязательностью предваряет развернутые (полипропозициональные) ответы, что, по-видимому, отражает затруднения, связанные с необходимостью преобразования многомерного смысла в линейную структуру текста: (3) а. [Мне хотелось быть добрым ... к этим парням ...] - То есть как это добрым? .. - Ну, у меня были деньги, а у них не было сигарет, и мне хотелось угостить их ...; б. [... Много раз наблюдал: идут по улице домой ... входят в подъезд ... А дома нет ...] - Как - нет? - Ну (так) ... Зовут ее к телефону - родители говорят: дома нет. Олега позовешь лампочку вкрутить ... - тоже дома нет.

Будучи сигналом затруднения, испытываемого говорящим (в нашем случае - отвечающим), $н\bar{у}_1$ употребляется и в тех предельных случаях, когда затруднение непреодолимо для адресата вопроса и он тем или иным способом уходит от ответа, ср. (4) а. [И, главное, кто пишет? ... Люди, которым в силу возраста это уже давно не доступно! ...] - Что "недоступно"? - не понял Юра. - Ну ... в общем - смутилась Машка. - Короче - ты есть хочешь?; б. [А как ты ушел - и он ушел. Просто негодай] - Почему же негодай? - Ну, в общем, это все как-то ...

Н у " в ы б о р а " (н у₂). Если $н\bar{у}_1$ сигнализирует о затруднениях в поиске единственно правильного ответа и его формулировке, то $н\bar{у}_2$ связано с затруднением иного рода, возникающим при наличии нескольких правильных ответов, ср. (5а,б).

(5) а. - А как ее отвлекать, Алину? - спросил он. - Ну скажи, что о ней спрашивал один человек. Высокий, скажи, спортивный.

б. /Катя/ Какой вы странный ... Что ж я расскажу?

Я много чего могу рассказать ... Я не знаю, что вам интересно. /Олег/ Ну про школу хоть ...

В основе употреблений такого рода лежит в н б о р из некоторого в той или иной степени фиксированного множества объектов, элементы которого должны быть по возможности известны участникам ситуации общения. Это множество можно назвать с и т у а ц и о н н ы м. Наиболее существенной частью сферы действия ну "выбора" является составляющая, соответствующая выбранному элементу из ситуационного множества. Сочетание акта выбора с ситуационным множеством - характернейший признак контрастивности, ср. употребление контрастивно-ограничительных частиц только, даже, лишь, хоть и др. Однако в рассматриваемых контекстах ну нельзя назвать контрастивным в общепринятом понимании этого термина. Мы ограничимся здесь сопоставлением ну "выбора" с одним из значений частицы хоть, реализующимся в контекстах типа (6) - На чем поедешь-то? - Хоть на телеге.

Для анализа примеров такого рода весьма существенным оказывается способ построения ситуационного множества X, его структурирования, а также характер указания на равноправность элементов из X относительно пропозиции p (т.е. признак, определяющий соотношение элемента ситуационного множества с другими его элементами). Использование частицы хоть в (6) позволяет говорящему при указании на способ построения ситуационного множества "средства передвижения" опереться на энциклопедические знания партнера по коммуникации. Кроме того, хоть требует такой иерархизации искомого множества, при которой самым низшим членом в иерархии оказывается концепт, соответствующий именной группе, находящейся в сфере действия хоть: в данном случае этим низшим членом оказывается элемент "телега". Тем самым, если уж говорящий готов ехать на телеге, то он поедет на чем угодно, то есть указание на то, что все элементы из X подходят в p осуществляется здесь в форме ссылки на самый

низший член иерархии в Х. Ну "выбора" отличается от хоть прежде всего структурированием ситуационного множества Х, что влечет изменение способа указания на возможность подстановки любого элемента из Х в пропозицию р. При употреблении ну в таких контекстах все элементы множества Х оказываются р а в н о п р а в н ы м и, тем самым указание на возможность подстановки x_1 в р влечет возможность подстановки любого х из Х, ср. (7) - На чем поедешь-то? (на телеге или на тарантасе) - Ну на телеге. Ну "выбора" неконтрастивно по той причине, что в ситуации его употребления говорящий затрудняется найти существенные в данной ситуации критерии, по которым выбранный концепт может быть противопоставлен другим элементам множества Х. При употреблении частицы хоть критерий такого рода легко выводится из иерархического строения ситуационного множества.

Следует упомянуть еще одно важное различие между ну "выбора" и частицей хоть в рассматриваемом значении. Представленный в ответе с хоть элемент ситуационного множества, вообще говоря, может не отражать реальных намерений отвечающего, поскольку это самый низший член иерархии множества Х и цель его использования заключается лишь в указании на прочие члены иерархии. Более того, соответствующий ему объект часто вовсе отсутствует в актуальной ситуации общения. Так, в (6) р е а л ь н ы й выбор может быть, например, между "волгой" и "жигулями", если в такой ситуации предложить ответившему в качестве средства передвижения телегу, то он, скорее всего, будет оскорблен. Ситуационное множество при употреблении ну "выбора", в противоположность хоть, включает только р е а л ь н ы е элементы. Рассматриваемые различия характеризуют ну "выбора" в сопоставлении со значением хоть, представленным в примере (6). Однако хоть, по видимому, имеет еще одно значение, весьма близкое к ну "выбора", которое реализуется в пред-

ложениях типа (7) - Что тебе дать на завтрак? - Хоть яичницу; его можно назвать "экземплифицирующим". Соотношение семантики ну "выбора" и "экземплифицирующего" хоть требует особого анализа.

В первом приближении ну "выбора" может быть описано следующим образом: Ну р (х) = 'говору р(х), потому что ты спросил; думаю, что ты понимаешь, что я (с тем же успехом) мог бы сказать р (х), так как все элементы х в некотором смысле равны'.

Проведенный анализ ну "выбора" позволяет выявить наиболее существенные условия его употребления. К ним в первую очередь относится наличие ситуационного множества, элементы которого известны участникам ситуации общения и равноправны по отношению к замещению переменной вопроса. В первом случае при отсутствии согласия о составе ситуационного множества ответ будет неуспешен, поскольку адресат либо распространит его на то, то не имелось в виду говорящим, либо сопоставит ну другое значение. Во втором случае интерпретация ну "выбора" в другом значении абсолютно неизбежна. Следует отметить, что равноправность элементов ситуационного множества органично вписывается в контексты неопределенности, предположительности, создаваемых категориями наклонений, модальности, будущего времени и т.п. и выбор часто сопровождается соответствующими пояснительными конструкциями, ср. (8а) - Ты когда поедешь в Киев? - Ну, может быть/скажем, в четверг. Конкретизация срока и устранение неопределенности "снимает" контекст выбора и частица ну требует иной интерпретации, ср. (8б) - Ты когда поедешь в Киев? - Ну в четверг, в 10 вечера. В последнем примере ну, скорее, понимается как ну "признания" или "вызова", но никак не "выбора".

Этим же объясняется невозможность интерпретации ну как ну "выбора" в ответах на общие вопросы, ситуационное множество которых состоит из двух взаимоисключающих альтернатив;

одна из которых уже реализована: (9) - Ты прочитал эту книгу? - Ну, прочитал/не прочитал (здесь только ну "непонимания"), ср. (10) - Ты будешь читать эту книгу? - Ну, буду (вполне возможно как ну "выбора").

Сфера применимости ну "выбора" ограничена ответами на вопросы. В некоторых случаях появление частицы ну в этом значении возможно в ситуациях скрытого вопроса, то есть когда по форме инициативная реплика по сути является ответом на имплицитный вопрос, ср. в ситуации полного молчания реплику (II) Ну, может быть, почитаем? (без выраженной паузы между частицей и вводным оборотом).

Н у " п р и з н а н и я " (н у₃). Как мы уже говорили, одна из ментальных процедур вербализации ответа заключается в соотносении потенциального ответа с интересами отвечающего. Противоречие между интересами отвечающего и этикетно-обусловленной необходимостью отвечать - это основа еще одного вида "затруднения", определяющего употребление ну. Ну в ответе в контекстах такого рода означает, что говорящий преодолевает свое нежелание делать соответствующую информацию достоянием слушающего или третьих лиц, то есть здесь мы сталкиваемся не просто с ответом, а с ответом-признанием (см. толкование глагола признаваться в [II]), ср. (12) - Ты можешь сказать толком, откуда у тебя мой магнитофон? - Ну, мама твоя принесла его ... [только тихо] . Итак, в рассматриваемых примерах значение ну в ответе на вопрос может описываться как элемент модальной рамки вроде "не желая, чтобы это стало известно", а вся модальная рамка в целом имеет структуру "не желая, чтобы это стало известно, я говорю ..., потому что ты спросил", которая отражает тот факт, что отвечающий идет навстречу желаниям спрашивающего вопреки своим собственным интересам.

У этого значения ну есть соответствия в других видах реактивных реплик. Можно показать, что данное значение является адаптацией более общего значения частицы ну приме-

нительно к речевому акту ответа. По сути в том же значении ну выступает в таких типах реактивных реплик, как принятие предложения, разрешение и др. См. примеры (I3) - Можно я пойду погуляю? - Ну, иди; (I4) - Пойдем в кино. - Ну, пойдем; (I5) - Через три года - ты в полном порядке. - Через сколько? - Ну через два с половиной.

То общее, что передает частица ну в приведенных реактивных репликах - это то обстоятельство, что если бы собеседник не сказал того, что он сказал (не спросил, не предложил, не выразил удивления или недовольства и т.п.), то его партнер по коммуникации сам, скорее всего, не захотел бы сообщить соответствующую информацию. Иными словами то, что узнает отвечающий благодаря инициативной реплике собеседника о его желаниях, чувствах и т.п. подается как единственная причина для избираемого им способа регирования. В обобщенном виде вклад ну в модальную рамку можно выразить так: '[поскольку ты сказал х, я говорю у], [хотя] если бы ты не сказал х, я бы не сказал у'. Из такой формулировки вытекает естественное семантическое ограничение на заполнение х и у: речевой акт у должен быть каузирован чем-то, содержащимся в х, и если х - это некоторое желание собеседника, то при нормальных условиях оно каузирует действия партнера в соответствии с этим желанием, а не в разрез с ним, то есть реакция должна быть положительной. Ср. (I6) а. - Пошли в кино. - ?Ну, не хочется что-то; б. - Можно взять эту книгу? - ?Ну, не бери.

Конкретные реализации рассматриваемого общего значения для примеров с речевыми актами разрешения и принятия предложения достаточно очевидны. Более подробного анализа требует пример (I5). Здесь реплика спрашивающего, будучи вопросом по форме, по содержанию в данном контексте оценивает срок "три года" как слишком долгий. Отсюда вполне естественно употребление ну в реплике отвечающего в рассматриваемом значении; реплика в целом получает следующую ин-

терпретации: 'поскольку ты сказал, что три года - это слишком много, я говорю два с половиной, [хотя] если бы ты не сказал этого, я бы не сказал три года'. Из примеров видно, что функция ну в этом типе контекстов заключается в указании на то, что данная реакция является уступкой, актом, идущим навстречу ожиданиям собеседника.

Может показаться, что использование ну в диалогах типа - Ты напишешь ей еще раз? - Ну нет. Больше я ей писать не намерен противоречит этому тезису. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, ну здесь имеет'иную фонетическую характеристику (повышение тона), и, во-вторых, что оно в этом примере является фразеологически связанным: так, нельзя употребить с той же интонацией сочетания Ну да, Ну не напишу, кроме того, использование Ну нет ограничено ответами на вопросы о втором лице - и то не любые - или о событии в будущем, ср. - Ты согласился с ним? - Ну нет и - Ты написал ей? -?Ну нет. Частица ну здесь близка по форме и содержанию к ну в оценочных реакциях, ср. Ну Иван! Ну сказал! Таким образом ну "признания" представляет собой вариант обобщенного значения ну "уступки". Отметим, что уступительная семантика усматривается у ну далеко не во всех существующих описаниях, а там, где уступительный компонент выделяется, он привязывается к очень узкому кругу контекстов (см., например, [6]).

Ну "не понимания цели" (ну₄).
Еще одна ментальная процедура вербализации ответа - выявление стратегической цели вопроса - то есть уяснение того, как спрашивающий намерен использовать ответ. Неспособность отвечающего определить цель вопроса также может быть причиной "затруднения", сигнализируемого частицей ну. Ср. (17а,б).

(17) а. - В какой день недели родился ваш сын? - Ну в среду.

б. - ... у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии? - ... Ну есть, а что? (Гоголь).

Типичные, хотя и факультативные распространители ответной реплики с ну - А какое это имеет значение?; и что с того?; а что такое? и т.п. Это значение характерно не только для ответов на вопрос. Оно встречается также в реакциях на речевые акты констатирующего типа - в репликах-подтверждениях, ср. (18) - Петя приехал. - Ну, приехал (и что с того?).

Ну "вывоза" (ну₅). Еще один вид затруднений при вербализации ответа представлен ситуацией, когда говорящий, считая, что его ответ может быть использован против него или третьего лица (например, для того, чтобы уличить его в чем-либо), приписывает спрашивающему соответствующую стратегическую цель. В этом случае использованием ну отвечающий дает понять, что ответ не является достаточным основанием для достижения этой цели, ср. (19) - Ты читал "Волшебную гору"? - Ну не читал. Модификация модальной рамки ответа применительно к этому примеру может быть представлена следующим образом: '[поскольку ты спросил меня об этом, я говорю: я не читал "Волшебную гору"] и полагая, что ты отрицательно оценишь этот факт и используешь его против меня, я даю понять, что не считаю такую оценку обоснованной'.

Ну₅ встречается и в других видах реактивных реплик, а также в нарративных контекстах, ср. пример из [6]: Знаю, что поступил плохо. Ну ошибся человек. Ну не святой я, не святой. Ну₅ семантически сближается с ну₄, благодаря тому, что в обоих случаях в поле зрения коммуникантов вводится стратегическая цель вопроса (или другого предшествующего речевого акта). Эта близость отражается и в сходстве интонационных контуров соответствующих реплик: для них харак-

терно повышение тона (ср. ИК-4), что указывает на незавершенность диалога и ожидание его продолжения (в случае непонимания цели вопроса ожидается ее прояснение, а в случае "вызова" ожидается дополнительная аргументация). В отличие от прочих прямых ответов с ну, ответы с ну₄ и ну₅ не относятся к числу чистых закрывающих диалогических реакций, приобретая качества промежуточных реакций дополняющего типа [14].

Завершая исследование первой группы употреблений ну (ну ... Р и ну, Р), можно выделить то общее, что позволяет их рассматривать в одном контексте. Во-первых, эти употребления объединяет то, что они связаны общей идеей преодоления затруднений в процессе вербализации речевого акта: в ну "поиска" – это трудность обнаружения необходимой информации, в ну "выбора" – затруднение при выборе из множества практически равноправных альтернатив; ну "признания" и ну "вызова" характеризуются преодолением собственного нежелания сообщать невыгодную в каком-то отношении для себя информацию; в ну "непонимания цели" преодолевается состояние затруднения, вызываемое неясностью намерений собеседника.

Во-вторых, этим контекстам присущ общий признак, который можно описать как соответствие речевого акта (либо самого факта говорения, либо содержания речи) ожиданиям адресата (так, тот, кто просит разрешения, ожидает его получить; тот, кто задает вопрос, рассчитывает, во-первых, получить ответ, и во-вторых, имеет некоторое предположение о том, каким он будет (ср. понятие исходного предположения или установки вопроса) и т.д. Ср. неправильность диалогов: (20) – Ты разбил чашку? – а? Ну, не скажу; б.?Ну, не я; в.?Ну, Катя; г. Ну, я; (21) – Ты поедешь с нами? – а. Ну, поеду; б.?Ну, не поеду. В последнем примере отрицательный ответ может расцениваться как правильный только при интерпретации ну как ну "вызова". Подчеркнем, что и в этом

случае сохраняется идея соответствия реплики ожиданиям собеседника, но ожидания здесь "замаскированы", то есть противоположны тем, которые закодированы в языковой форме ответа.

Это свойство роднит реактивные употребления ну с инициативными, а также с нарративными употреблениями. Инициативные реплики вводятся с помощью ну тогда, когда либо сам речевой акт, либо его содержание соответствует ожиданиям, порождаемым фреймовыми структурами модели мира человека, описывающими действительность и правила речевого поведения. Ср. (22) — Ну здравствуйте [если приход ожидался]; (23) Ну, сейчас весь дом будет в курсе дела [о болтливом человеке, только что узнавшем новость]; (24) Уроки мы сделали, посуду помыли. Ну, теперь можно пойти погулять.

Ну "отсылки к упомянутому" (ну, — НУ Р); да "отсылки к фонду знаний" (да, — ДА Р); да "отсылки к упомянутому" (да, — ДА Р). Употребление ну, образующее вторую группу (НУ Р), отражено в примерах (25а-в).

(25) а. [— Слушай, — сказала она вдруг, — может, к вам податься, а?] — Куда? — не понял Сергей. — Ну в Рудный. б. [— Слушай, а что они все такие злощие?...] — Кто? — не понял шофер. — Ну, те ... В очереди. в. — Почему он не пришел? — Ну не мог он.

Ну в имеющихся описаниях приписывается усилительная, эмфатическая функция. Однако, в приводимых иллюстрациях обычно имеются, помимо ну, и другие средства усиления и эмфатического выделения (вводные слова, специфическая интонация и т.п.). К тому же остается неясным, что подвергается усилению и эмфазе.

Сходная, усилительно-выделительная, семантика приписывается в аналогичных контекстах частице да. Действительно, эти частицы близки по смыслу. В частности, во всех

приведенных примерах возможна замена ну на да без существенных изменений смысла. Более внимательный анализ показывает, что ну₆ и да₂ (акцентирующее) совпадают по значению, да₁ (неакцентирующее) отличается от них. Это различие проявляется в следующих контекстах. Допустим, что двое знакомых встречаются на улице. Тогда ответ на вопрос в примере (26) нормален с да неакцентирующим и странен с ну и да акцентирующими: (26) - Куда ты идешь? а. - Да на работу (в магазин и т.д.); б. - ? Ну на работу; в. - ? Да на работу. Ответ с ну и да акцентирующими будет приемлем, только если предположить, что незадолго до этой встречи отвечающий уже говорил спрашивающему, что собирается на работу, в магазин и т.п., или что спрашивающий уже много раз задает в аналогичных условиях свой вопрос и получает всегда один и тот же ответ.

Изменим условия ситуации общения: пусть два знакомых встречаются после летнего сезона. Здесь уже нежелательны и ответы с ну и да акцентирующими, и ответы с да неакцентирующим, ср. (27) - Ты где провел отпуск? а. - ? Да на Гаваях (на Земле Франца-Иосифа); б. - ? Ну на Гаваях (на Земле Франца-Иосифа). Причина неестественных ответов с ну и да акцентирующими та же, что и раньше - они были бы уместны только в том случае, если ранее между участниками диалога уже состоялся разговор на ту же тему, но ситуация первой встречи это исключает. Причина же неестественности ответа с да неакцентирующим другая - а именно, необычность, неожиданность, непредсказуемость ответа. Ср. естественные ответы - Да на Черном море, Да на даче. В данном диалоге реплика с да неакцентирующим может быть осмыслена как навязывающая собеседнику представление об обычности описываемого положения дел (например, с целью поднятия своего престижа и т.п.).

Итак ну и да акцентирующие используются в ответах, сообщающих факты, которые спрашивающий, по мнению отве-

чающего, уже знал раньше (чаще всего со слов самого отвечающего), или которые он мог "вычислить" на основе информации, находящейся в поле зрения коммуникантов. Иначе говоря, они вводят только актуализованную информацию. Акцентирование пропозиции ответа получает при этом естественное объяснение - если некоторый фрагмент информации, присутствующий в поле зрения, не был замечен спрашивающим, то надо его подчеркнуть, что и делается с помощью акцентного выделения. То, что ну и да акцентирующие отсылают к тождественному сегменту информации, проявляется в их сочетаемости с частицей же, которая, как показано в исследовании Пайара [15], выражает именно идею тождества. Следует отметить, что ну и да "отсылки к упомянутому" вполне уместны и в других типах речевых актов, ср. императивные реплики типа Иди, да/ну иди (же) сюда! Связь да с категорией "ожидания" проявляется в невозможности употребления неакцентирующего да с оценочными наречиями высокой степени - тем самым, экстремальные оценки - "очень плохое" и "очень хорошее" исключаются как то, что как правило, не ожидается, ср. (28) - Как ты добрался до места? а. - Да хорошо/плохо; б. -? Да великолепно/отвратительно.

В целом реактивные реплики с обоими рассмотренными вариантами употребления да и ну "отсылки к упомянутому" противостоят прочим употреблением ну как реплики быстрой реакции репликам замедленной, затрудненной реакции, ср. (29) - Кто может сделать это? - Ума не приложу. Ну, может быть, Иван/? Да, может быть, Иван. Кроме того, если ну, как отмечалось выше, в неакцентирующих употреблениях регулярно предваряет полипропозициональные ответы (см. пример (3)), то да никогда непосредственно не присоединяется к развернутому ответу - попробуйте в примере (3а) заменить ну на да; однако появление да вполне возможно в составе предваряющей основной ответ ремарке (часто оценочной, характеризующей легкость получения ответа) типа Да очень просто ср.

вариант ответа в (За) ...-Да очень просто: у меня были деньги ... С другой стороны, реплики указывающие на нарушение собеседником условий успешности речевых актов и других законов коммуникации, часто вводятся с помощью да. Это вполне понятно, так как выполнение условий успешности речевых актов коммуникантами относится к числу естественно ожидаемых событий (ср. принцип кооперации Грайса), и их нарушение одним из участников ситуации общения обычно вызывает быструю корректирующую реакцию со стороны другого участника (см. подробнее [16]), ср. (30) - Пусть эту статью переводит Петров. - Да (?Ну) он языка не знает.

Частица а. В имеющихся толковых словарях, в противоположность собственно грамматической традиции [4], у а не усматривается значения модальной частицы. Между тем, наш материал показывает, что а в прямых ответах на вопрос относится к тому же семантико-синтаксическому классу, что и частицы ну и да, ср. (31), (32).

(31) - Бензину, спрашиваю, тебе сколько? - А под завязку.

(32) - И чудной ты! - проговорил вдруг Егоркин. - Чем чудной?

- А всем.

Наличие частицы а в прямом ответе на вопрос может одновременно указывать на различные степени агрессивности ответа, его ультимативности, полемичности, категоричности и т.п. Основной компонент значения частицы в этих употреблении в первом приближении можно представить следующим образом: "говору р, потому что ты спросил, и как бы ты не отнесся к этому, я все равно скажу р". Легко видеть, что последняя часть толкования "ответственна" за указанные выше семантические свойства ответов с частицей а. Кроме того, эта же часть толкования объясняет явное тяготение соответствующих реплик к просторечию, поскольку именно для просторечия характерно "грубоватое" игнорирование мнения адресата.

Категоричность и некоторая повышенная эмоциональность ответов с частицей а проявляется также в частом употреблении кванторных средств интенсификации типа все, ничего и т.п.

Заключение.

В данной статье для исследования были выбраны частицы ну, да и а, употребляющиеся в прямых ответах на вопрос. Анализ показал, что целый ряд формальных противопоставлений, характеризующих использование этих частиц (ударность/безударность, тип интонационного контура и т.д.), находят отражение в их семантике. Резко противопоставлены по смыслу конструкции с частицей ну - НУ ... Р и НУ, Р (наличие паузы между ну и последующим предложением), с одной стороны, и НУ Р (пауза отсутствует) - с другой. Для первой группы интегральным семантическим компонентом можно считать 'затруднение'. Вторая группа употреблений ну и "акцентирующее" да обращают внимание адресата, 'отсылают' его, к актуальной информации, имеющейся в данной ситуации общения. Да "неакцентирующее" ориентирует слушающего на необходимость привлечения информации из его фонда знаний (тезауруса). В обобщенном виде результаты проведенного исследования представлены на таблице 2.

Из таблицы видно, что проверенный нами языковой материал (прямые ответы на вопрос) не дает оснований для заключения о наличии общего значения у частицы ну. Однако интуитивно ощущаемая связь значений ну между собой получает подтверждение в форме "фамильного сходства" по Витгенштейну [17] (или "цепочечной полисемии") - каждое из значений связано, по крайней мере, по одному признаку с другим, при том что нет признака общего для всех значений частицы ну. Разумеется, не следует исключать возможности выявления такого признака при привлечении более широкого языкового материала, однако есть все основания для предположения, что он будет весьма абстрактным, а это

Таблица 2.

Семантико-прагматические характеристики модальных частиц

Семант. признак Значе- ние час- тицы	Затруд- ненность ответа	Соотв. ожида- н. спраши- вающего	Введение в поле зрения коммуникан- тов стратеги- ческой цели вопроса	Очевид- ность от- вета с точки зре- ния отве- чающего	Наличие "выпада" по отно- шению к спраши- вавшему
НУ "поиска"	+	0	0	-	0
НУ "призна- ния"	+	+	0	-	0
НУ "выбора"	+	0	0	-	0
НУ "непони- мания"	+	0	+	0	+
НУ "вызова"	+	+	+	0	+
НУ "отсылки к упомя- нутому"	-	0	0	+	+
ДА "отсылки к фонду знаний"	-	0	0	+	+
ДА "отсылки к упомя- нутому"	-	0	0	+	+
А	-	0	0	0	+

ставит под вопрос оправданность построения подобного описания ну с привлечением слишком общих семантических категорий.

Вырисовывающаяся картина употребления модальных частиц поражает разнообразием семантических и прагматических факторов процесса коммуникации, учет которых необходим для адекватного описания этой группы служебных слов. Выбранная методика исследования, ориентированная на фиксацию иллюкутивной силы высказывания с частицей, несомненно, помогает установить релевантные семантические параметры и выявить тот вклад, который вносит семантика частицы в план содержания предложения. Однако остается открытым вопрос о соотношении семантики интонации и семантики частицы в точном смысле. В этом одна из "естественных" трудностей изучения модальных частиц, определяемая особенностями их функционирования (и в частности, широким использованием в разговорной речи).

Представленные в экспликациях семантические категории – такие, как 'затруднение', 'выбор', 'положительная/отрицательная реакция/оценка', 'соответствие/несоответствие ожиданиям', 'актуализованность–неактуализованность информации' и др. – образуют концептуальную основу метаязыка описания модальных частиц. Его разработка должна основываться на изучении соответствующего языкового материала. Данная статья является одним из первых шагов в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
3. Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка. // Вопросы языкознания, 1987, № 1, с.106–120.

4. Русская грамматика, т. I. М., 1980.
5. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
6. Vasilyeva A.N. Particles in Colloquial Russian. М., 1972.
7. Словарь русского языка /Под ред. Евгеньевой А.П., т. I-4. М., 1981-1984.
8. Якубинский Л.П. О диалогической речи. // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986.
9. Евграфова С.М. Структурно-семантическая организация минимального диалогического единства (анализ координационной связи), АКД, М., 1986.
10. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 14. М.: Прогресс, 1986.
11. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt a.M., 1972.
12. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
13. Виноград Т. Программа, понимающая естественный язык. М.: Мир, 1976.
14. Гафт Р.И. Диалогические реакции как отражение восприятия речевого акта. // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
15. Paillard D. Le ou la sortie impossible. // Les particules les énonciatives en russe contemporain. Vol.2, Paris, 1987.
16. Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значения частицы да: материалы к изучению семантики и прагматики диалога. // Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 751, Тарту, 1987, с. 32-48.
17. Витгенштейн Л. Философские исследования. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ

О прагматике синтаксиса, или один способ разрешения синтаксического конфликта.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в запатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

С точки зрения синтаксической теории эти строки Б. Пастернака содержат грубейшее нарушение главного свойства русских сочинительных конструкций, которое гласит: элементы предложения, образующие сочинительную конструкцию, должны иметь одинаковые синтаксические функции. В частности, в правильно построенном предложении с союзным соединением не..., а... однофункциональными должны быть элементы, идущие за не и за а. Поэтому предложение (1а) правильно, а (1б) нет:

(1а) Падают не хлопья, а небосвод.

(1б) *Падают не хлопья, а в небе зажглись звезды.

Почему же пастернаковская фраза, синтаксически весьма близкая к (б), не производит впечатления столь же грубой языковой ошибки? Благодаря чему это и подобные ему предложения оказываются возможными? В частности, это делает абсолютно правильным предложение (2), в котором компоненты союза либо... либо... либо... стоят перед элементами, имеющими три разные синтаксические функции?

- (2) Единственно доброкачественными историческими сочинениями являются те, которые написаны были либо людьми, которые сами вершили эти дела, либо причастны были к руководству ими, либо на долю которых выпало по крайней мере вести другие подобного же рода дела (Монтень, в пер. Ф.Коган-Бернштейн).

Ответ на эти вопросы и составляет содержание настоящей работы.

Итак, речь пойдет о некоторых типах конструкций, которые мы относим к классу неканонических сочинительных. Поэтому сначала следует остановиться на том, что такое каноническое и неканоническое сочинение. Этот вопрос уже рассматривался нами подробно в работе [1], что позволяет нам здесь лишь кратко воспроизвести один из ее тезисов.

Как хорошо известно, "абсолютная идея" сочинения состоит в том, что сочиненные элементы занимают одно и то же место в ситуации и выполняют одну и ту же синтаксическую функцию. Давно известны и некоторые типы предложений, не укладывающихся в это представление, например: Никто и никогда об этом не думает. Он поет, и неплохо.

Вопрос о том, имеется ли сочинение в подобных предложениях, допускает два противоположных ответа. Оба из них представлены в литературе, и оба, очевидным образом, уязвимы. Нам представляется, что не следует стремиться получить на этот и другие подобные вопросы однозначный ответ. Как кажется, более адекватно суть дела отражает следующая гипотеза.

Семантическая и синтаксическая однофункциональность элементов составляет ядро понятия сочинения. Конструкции, обладающие этим признаком, образуют сочинительный канон. Конструкции, в которых этот признак отсутствует или проявляется не в полном объеме, не обязательно лежат вне понятия сочинения. Они могут иметь промежуточную природу, возникая в

результате действия разнонаправленных тенденций. Другими словами, существуют определенные деканонизирующие факторы, которые, взаимодействуя с каноном, приводят к его искажению. В этой перспективе мы и рассмотрим интересующие нас конструкции.

1. Союзные соединения и одноместные союзы.

С точки зрения типологии отклонений от канонического сочинения особый интерес представляют предложения, содержащие — по терминологии [2] — неодноместные союзы (т.е. союзы, занимающие в предложении более чем одно место) и союзные соединения. В дальнейшем и те и другие мы будем называть просто "союзные соединения". Сюда относятся, во-первых, союзы, образованные воспроизведением одного и того же или функционально близких компонентов (и... и..., или... или..., то... то... а то..., либо... либо... или..., или... или... а может быть... и др.), а во-вторых, союзы и союзные соединения, составленные из разнородных элементов. В их состав наряду с союзами могут входить также частицы и наречия (как... так и..., не столько... сколько..., насколько... настолько..., не... а..., не только... но и..., если не... то... и др.).

Союзные соединения указанного типа обладают одной чертой, делающей их актуальными для целей настоящей работы и одновременно отличающей их от одноместных союзов: они маркируют первый элемент сочиненного ряда. В самом деле, если предложение начинается так:

(3) Я испеку пирог или...

то единственное, что можно сказать о его предложении, это то, что после союза должен идти элемент, имеющий ту же синтаксическую функцию, что и одно из слов, стоящих левее или. Какое именно из этих слов — я, испеку или пирог — открывает сочиненный ряд, пока сказать невозможно. Предложение (3)

допускает (при соответствующей интонации) любое из продолжений (4а) – (4в) (сочиненные члены заключены в скобки):

(4а) Я испеку [пирог] или [печенье].

(4б) Я [испеку пирог] или [куплю торт].

(4в) [Я] испеку пирог или [Мама].

Таким образом, одиночное или, как и любой другой одноместный союз, однозначно определяет положение лишь второго члена: тот должен следовать (с точностью до вставных элементов) непосредственно за союзом. Что же касается первого сочиненного члена, то его положение относительно союза никак не конкретизировано.

Другое дело – союзные соединения. Если мы заменим в (3) одноместный союз или ближайшим к нему неодноместным союзом (или... или...), то нам придется поставить первый компонент союза перед элементом, открывающим сочиненный ряд, и неопределенность, которая была в (3), сразу исчезнет. Возможное продолжение предложения будет предопределено практически однозначно: ¹

(5а) Я испеку или пирог, или печенье.

(5б) Я или испеку пирог, или куплю пирожных.

(5в) Или я испеку пирог, или Мама.

Если первый и второй компоненты союза окажутся перед элементами, имеющими разные синтаксические функции, предложение станет аномальным:

(6а) *Я испеку или пирог, или куплю пирожных.

(6б) *Я или испеку пирог, или Мама.

То же самое можно наблюдать и тогда, когда первым компонентом союзного соединения служит не союз, а частица или сочетание частиц:

(7а) Он плавает не только в бассейне, но и в пруду.

(7б) Он не только плавает в бассейне, но и играет в городки.

(7в) *Он плавает не только в бассейне, но и играет в городки.

Помимо предложений с союзными соединениями (типа (5) и (7)) нас будет интересовать еще один класс предложений. Это предложения с союзом а, в которых соединяемые союзом компоненты содержат слова или сочетания, определенным образом семантически связанные между собой (в примерах (8) они выделены)

(8а) Профессор слушал нас вначале рассеянно, а потом внимательно.

(8б) Родительница его, из фамилии Колязиных, в девицах Agathe, а в генеральшах Агафоклея Кузьминична Кирсанова, принадлежала к числу матушек-командиш (Тургенев).

Некоторые из подобных пар, такие, как с одной стороны – с другой стороны, в одном случае – в другом случае, на первый взгляд – на самом деле и др., выделяются в академической грамматике (3, с.170) в качестве "специальных конкретизаторов при союзе". Парам же типа в девицах – в генеральшах и даже снаружи – внутри грамматика в этом статусе отказывает – во-видимому потому, что члены этих пар не обнаруживают достаточно тесной корреляции друг с другом.

С большей глубиной предложения типа (8) проанализированы в статье [4]. Авторы показывают, что предложения с союзом а (в сопоставительном значении) должны содержать две пары ассоциативных связей – между темами и между ремами соединяемых компонентов. Авторы перечисляют все типы связей, возможных между соединяемыми компонентами. Например, в (8а) ассоциативная связь между элементами рассеянно и внимательно основана на антонимии, а связь между элементами вначале и потом – на так называемой тезаурусной, или, как мы будем говорить, тематической соотнесенности. Под тематической соотнесенностью понимается семантическая связь между такими словами или сочетаниями, которые входят в одну рубрику некоторого тезауруса. Например, члены пар вначале – потом, утром – вечером (после обеда) объединяются в рубрику 'время', члены пар дома – в лесу, в Москве – за границей – в

рубрику 'пространство', а члены пары в девицах - в генеральшах - в рубрику 'социальный статус'. Итак, элементы, подчеркнутые в предложениях (8), обладают свойством тематической соотнесенности.

Предложения типа (8) представляют для нас интерес по следующей причине. Несмотря на то что в них выступает одноместный союз, они обнаруживают большое сходство с предложениями, содержащими союзные соединения. Сравним предложения (7) и (9).

(9а) Он плавает зимой в бассейне, а летом в саду.

(9б) Он зимой плавает в бассейне, а летом играет в городки.

(9в) *Он плавает зимой в бассейне, а летом играет в городки.²

Положение первого из тематически соотнесенных элементов, подобно первому компоненту союзного соединения, однозначно задает левую границу сочиненной группы. Изменение этого положения лишает предложение правильности (об отклонениях от этого правила см. ниже).³

Сходство предложений с союзными соединениями (типа (7)) и предложений с союзом а и тематически соединенными элементами (типа (9)) идет дальше, чем это непосредственно видно из приведенных примеров. Поэтому для удобства дальнейшего изложения мы условно объединим их под шапкой "предложения с союзными соединениями" и будем рассматривать совместно.

То обстоятельство, что в предложениях с союзными соединениями маркируется первый член сочиненного ряда, накладывает дополнительное ограничение на сочинительную конструкцию в целом. Она становится более жесткой, в ней остается меньше степеней свободы. Ведь чем больше ограничений, тем больше мыслимых способов их нарушить. Иными словами, появляется новая точка, в которой можно ожидать отклонения от канонической синтаксической конструкции. Рассмотрим открывающиеся здесь новые возможности.

2. Неканонические сочинительные конструкции с союзными соединениями.⁴

Каноническая сочинительная конструкция с двухместным союзным соединением имеет вид⁵:

(10) α_1 X... α_2 Y,

где α_1 и α_2 — компоненты союзного соединения, стоящие непосредственно перед словами или словосочетаниями X и Y, имеющими одинаковые синтаксические функции. В случае предложений с союзом ^а и тематически соотнесенными элементами под α_1 и α_2 мы будем понимать сами тематически соотнесенные элементы.

Возможны два типа отклонений от структуры (10), различающиеся положением первого компонента союзного соединения относительно X. Этот компонент может быть сдвинут относительно X влево (α_1 ...X α_2 Y) или вправо (X... α_1 α_2 Y).

Первая возможность иллюстрируется примерами (11), а вторая — (12).

(11a) Актуальное членение активно взаимодействует с другими аспектами структуры предложения, что заставляет либо $[\alpha_1]$ признать гораздо большее число [X] "дефектных" АЧ-парадигм, либо $[\alpha_2]$ гораздо большую степень [Y] абстрактности того объекта, который является инвариантом АЧ-парадигмы.

(11б) Соотносительной видовой парой глагола считаются не только $[\alpha_1]$ формы, образованные суффиксацией [X], акцентуацией, меной тематического гласного и другими общепризнанными способами видообразования, но и $[\alpha_2]$ префиксацией [Y].

(11в) Последнее обстоятельство играет большую роль не только $[\alpha_1]$ с точки зрения механизации [X], но и $[\alpha_2]$ оздоровления [Y] условий и полной безопасности труда.⁶

(11г) Киевлянину не только $[\alpha_1]$ удалось забить [X] гол, но и $[\alpha_2]$ вызвать [Y] нервозность у своего опекуна.⁶

- (11д) Ежели бы он не только [α_1] потребовал закуски [X] и
хересу, но [α_2] ванну [Y] из шалфея с духами, она бы
не удивилась, не обвиняла бы его и была бы твердо
уверена, что это так нужно и должно (Л.Толстой).
- (11е) Деление по значению основано не [α_1] на наблюдении
над [X] языком, а [α_2] над [Y] чем-то, не имеющим к
языку непосредственного отношения (Потебня).
- (11ж) Память о них нетленна как [α_1] в сердцах советских лю-
дей [X], так и [α_2] французских боевых товарищей [Y].⁶
- (12а) Все это сотворено [X] не [α_1] природой, а [α_1] предс-
тавляет собой [Y] позднее и преходящее создание че-
ловеческой воли (Г.Гессе, в пер. Д.Каравкиной и
Вс.Розанова)
- (12б) Межзвездный газ в диске распределен [X] не [α_1] рав-
номерно, а [α_2] сосредоточен [Y] преимущественно в
ветвях спиралей.
- (12в) В этой семантической концепции подобные лексические
параметры отсутствуют [X] не [α_1] по недосмотру, а
[α_2] исключены [Y] вполне сознательно.
- (12г) [Песню начинал голосистый дуэт, и сотни голосов под-
хватывали ее дружным хором...] пели [X] ее то [α_1] как
торжественный и устрашающий гимн, то как песню печа-
ли, тоскуя о погибших, то [α_1] снова звучала [Y] в ней
вера в победу.
- (12д) Понемногу, трудным путем вырабатывается [X] в челове-
ке или [α_1] покорность судьбе - и тогда организм мед-
ленно и постепенно вступает во все свои отправления,
- или [α_2] горе сломит [Y] человека, и он не встанет
больше, смотря по горю, и по человеку тоже (Гонча-
ров).

Конструкции типа (11) и (12) мы будем в дальнейшем назы-
 вать рассогласованными. Прежде чем переходить к обсуждению
 рассогласованных конструкций необходимо остановиться на од-

ном существенном вопросе, решение которого должно предшествовать описанию материала. Это вопрос о корректности этого материала. Читатель, несомненно, уже обратил внимание на то, что по крайней мере часть приведенных примеров (а все они взяты из письменных источников) могла бы быть подвергнута редакторской правке. Недаром единственное известное нам обсуждение подобных примеров [7, с. 158-160] ориентировано именно на проблему нормы. В.А.Ицкович констатирует, что нарушение правила однофункциональности элементов, соединенных двойными и повторяющимися союзами, "создает противоречие между формой и смыслом высказывания, ... ведет к искажению синтаксической перспективы предложения, что затрудняет правильное восприятие высказывания" [7, с. 158]. Поэтому несмотря на то, что такие предложения и не противоречат языковой норме, по мнению В.А.Ицковича, их следует считать дефектными и неприемлемыми в письменной форме литературного языка [7, с. 155].

Вывод В.А.Ицковича касается кодифицированного литературного языка в его письменной форме. Между тем, главным источником рассогласованных конструкций является разговорная речь, синтаксис которой также подлежит научному изучению. Но даже и для кодифицированного литературного языка приговор, вынесенный В.А.Ицковичем, представляется нам чересчур суровым. Хотя во многих случаях рассогласованные конструкции, восходящие к разговорной речи, выдают небрежность стиля, имеется немало и таких примеров, когда такие конструкции, особенно относящиеся к типу (12), выступают в стилистически беспорных и даже художественных текстах.

Однако как бы ни решался вопрос о кодификации, такие конструкции реально существуют, ими активно пользуются говорящие и пишущие, их оставляют в неприкосновенности редакторы. При этом они занимают в синтаксической системе языка весьма своеобразное положение. С одной стороны, в них имеется явное отклонение от стандартного синтаксиса, приводя-

щее в ряде случаев к стилистическим неудачам. С другой стороны, это отклонение не настолько велико, чтобы вывести конструкции за рамки грамматической правильности. Имплицитное признание такой двойственности можно найти и в академической грамматике [8], где примеры (12г,д) приводятся мелким шрифтом, но без сомнений в их приемлемости.

Двойственный, промежуточный характер рассогласованных конструкций интересен и сам по себе, но не в нем заключается их основная теоретическая ценность. Она определяется самой природой присутствующего в них синтаксического дефекта.

Перейдем теперь непосредственно к обсуждению синтаксической природы рассогласованных конструкций. Естественно исходить из предположения о том, что они возникают в результате некоторого возмущающего преобразования над структурой, в которой рассогласования нет. Основной вопрос состоит в том, что представляет собой структура, исходная для такого преобразования.

Мы видим два возможных ответа на этот вопрос, которые будут изложены в двух следующих разделах.

2.1. Смещение

Первый ответ на вопрос, поставленный выше, таков: исходной структурой для рассогласованных конструкций типа (11) и (12) служит структура (10). В этом случае соответствующее преобразование сдвигает первый компонент союзного соединения в ту или другую сторону относительно канонического положения при X. По существу, именно такой синтаксической трактовки рассогласованных конструкций придерживается В.А.Ицкович в цитированной работе.

Обратимся сначала к предложениям (11), в которых элемент α сдвинут относительно X влево. В результате такого сдвига он оказывается в позиции перед словом, которое синтаксически подчиняет — прямо или косвенно — слово X. Это позволяет

предположить, что перед нами так называемая ситуация смещения, хорошо известная по другим примерам (см. [5], [6], [9], [10]). Суть ее состоит в том, что лексическая единица L, которая "по смыслу" имеет основания быть синтаксически связанной с некоторым словом W, вместо этого оказывается связанной со словом G. При этом во всех известных нам случаях G синтаксически подчиняет, быть может, не непосредственно, слово W. Например:

(13а) Ключ лежал не [L] на [G] своем [W] месте ('ключ лежал на не-своем месте')

(13б) Он случайно [L] решал [G] ту [W] же задачу, что и вы ('задача, которую он решал, случайно была той же, что и задача, которую решали вы') (пример из [10]).

(13в) Если [L] бы с ним поговорить..., я уверен [G], что он резко изменился [W] бы (Булгаков) ('я уверен, что если бы с ним поговорить, он бы резко изменился').

Итак, некоторые частицы, наречия, союзы при определенных условиях обладают способностью передвигаться вверх по синтаксической структуре, не вызывая (или почти не вызывая) при этом ощутимых семантических изменений. Это же явление в применении к первому компоненту союзного соединения можно видеть и в предложениях типа (11).

Необходимо отметить, что разные единицы допускают смещение в разной степени. Так, способность к смещению у отрицания довольно сильно ограничена. Нередко такое смещение либо вовсе невозможно, либо приводит к стилистической неудаче. Ср. для примера французское сочетание не рав... mais..., соответствующее русскому не... а..., в котором отрицатель-

ный элемент смещается с обязательностью (см. (14a)), в то время как в русском смещение вряд ли возможно (см. (14б)-(14в)):

(14a) Le réalisme ne consiste pas à copier les apparences sensibles mais à prolonger l'acte créateur de l'homme (R.Garudy).

(14б) Реализм состоит не в том, чтобы копировать образы, воспринимаемые чувствами, а в том, чтобы продлить творческий акт человека.

(14в) ?? Реализм не состоит в том, чтобы копировать образы..., а в том, чтобы продлить творческий акт человека.

С другой стороны, союзные соединения с тематически соотнесенными членами смещают первый элемент с большой готовностью:

(15a) Я прочитаю сначала текст, а потом комментарий.

(15б) Я сначала прочитаю текст, а потом комментарий.

Другая, в известном смысле противоположная картина наблюдается в предложениях (12), в которых элемент α_1 сдвинут относительно X вправо. Рассмотрим для определенности предложение (12a), но такие же рассуждения можно провести и для всех остальных предложений.

Первая часть этого предложения предсказывает, что после союза а будет идти именная группа в творительном падеже (например, такая: ...не природой, а человеческой волей). Однако на деле союз а вводит не именную группу, а глагольную. Самым простым способом восстановить в (12a) согласование синтаксических функций без изменения лексического состава предложения было бы перемещение частицы не к глагольной словоформе:

(16) Все это не сотворено природой, а представляет собой позднее и преходящее создание человеческой воли.

Если считать, что предложение (12a) синтаксически производно от (16), то преобразование (16)---->(12a), осуществля-

щее перенос частицы не от глагола к его дополнению, окажется новой разновидностью смещения: смещаемый элемент движется не вверх по синтаксической структуре, а вниз.

Представляется, однако, что такое описание, обладая достоинством симметричности относительно описания, предложенного для примеров группы (11) (тоже смещение, но в другую сторону), все же неадекватно отражает положение вещей.

В частности, это описание локализует специфику предложения (12а) в его первой части — именно там можно говорить о смещении. Между тем, интуитивно более правдоподобно, что первая часть предложения не содержит никаких особенностей, в то время как во второй части действительно происходит нечто необычное. О том, что в первой части нет смещения, свидетельствуют, например, попытки поставить первый компонент союзного соединения "на свое место", т.е. в такую позицию, в которой исчезает рассогласование синтаксических функций. Например:

(17а) Молодой драматург А.Буравский написал пьесу "Говори..." не только по мотивам очерков "Районные будни", но и вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора, используя его дневники и записные книжки ("Досуг в Москве")——> Молодой драматург А.Буравский не только написал пьесу "Говори..." по мотивам очерков "Районные будни", но и вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора...

(17б) В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а исключены вполне сознательно——>??..параметры не отсутствуют по недосмотру, а исключены вполне сознательно.

(17в) Я искренне удивляюсь той привередливости, тому фигуринию со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо (Зощенко)——>——> ?

Как легко видеть, в первых двух примерах повышение син-

таксической позиции первого компонента союзного соединения не приводит к более прозрачному построению и не облегчает "правильное восприятие высказывания", как это должно было бы произойти в соответствии с цитировавшейся точкой зрения В.А.Ицковича.

В последнем примере эта операция и вовсе невозможна. Дело в том, что сочетание *либо которые с жиру бесятся неправильно синтаксически. В этой неправильности проявляется более общая закономерность, которая, насколько нам известно, еще не была отмечена: в литературном языке относительные предложения, начинающиеся с который, не могут связываться союзным соединением.

Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить грамматичное предложение с одноместным союзом (18а) и неграмматичные предложения с союзными соединениями (18б) – (18г).

(18а) Это люди, которые уже бывали в Москве или которых мы знаем заочно.

(18б) *Это люди, или которые бывали в Москве, или которых мы знаем заочно.

(18в) *Это люди, и которые бывали в Москве, и которых мы знаем заочно.

(18г) *Это люди, не только которые бывали в Москве, но и которых мы знаем заочно.

Указанный запрет может ослабляться, если придаточное не начинается со слова который; ср., например, предложение (2). Запрет, естественно, не распространяется на случаи, когда придаточные имеют местоименные корреляты в главном предложении – тогда союз соединяет не придаточные, а соответствующие элементы главного предложения:

(20) Это или те люди, которые бывали в Москве, или те, которых мы знаем заочно.

Запрет не действует также тогда, когда соединяемые придаточные подверглись сочинительному сокращению – тогда союз соединяет не придаточные, а соответствующие глагольные группы внутри придаточного:

(21) Это люди, которые или бывали в Москве или знакомы нам звочно.

Для того чтобы понять, что именно происходит в предложении (12а), мы его несколько преобразуем: заменим выражение представляет собой создание чего-то практически синонимичным выражением сотворено чем-то. (При таком преобразовании не находят себе места определения к существительному создание - позднее и преходящее. Мы их просто опустим).

(22а) Все это сотворено не природой, а сотворено человеческой волей.

Предложение (22а) стилистически существенно хуже, с одной стороны, предложения (12а), а с другой стороны, предложения

(22б) Все это сотворено не природой, а человеческой волей.

В (22а) имеется ничем не оправданное повторение одного и того же слова - сотворено - в обеих частях предложения. Такие слова обычно подлежат "выносу за скобку", или, иначе, - сочинительному сокращению. Одна из особенностей сочинительного сокращения состоит в том, что оно стремится пройти в максимально полном объеме. Это значит, что должно быть "вынесено за скобку" максимальное число повторяющихся элементов (см. [5, с.161, 181, 191]). Предложения, в которых эта тенденция не соблюдена, часто бывают стилистически дефектны. Ср. помимо пары (22а)-(22б) также пары:

(23а) Увеличились поставки нефти в развивающиеся страны, и увеличились поставки газа в развивающиеся страны.

(23б) Увеличились поставки нефти и газа в развивающиеся страны.

(24а) Дай мне ручку или дай мне карандаш.

(24б) Дай мне ручку или карандаш.

Впрочем, возможны ситуации, когда повтор в сочинительной конструкции, возникающий в результате недосокращения, оказывается приемлемым и даже желательным. С помощью повтора говорящий может решать определенные коммуникативные и стилис-

тические задачи, такие, например, как подчеркивание коммуникативно важных значений, обеспечение смысловой и ритмической параллельности конструкции и т.п.:

(25а) Прошло полчаса, прошел час (Тургенев).

(25б) Я так был весел и горд весь этот день, я так живо сохранял на моем лице ощущение Зинаидных поцелуев, я с таким содроганием восторга вспоминал каждое ее слово, я так лелеял свое неожиданное счастье, что мне становилось страшно (Тургенев).

(25в) Но если бы удалось укрепить эту основу, если бы удалось довести до конца осознание ее, если бы удалось столкнуться в ее формулировке, здание осталось бы на своем месте и потребовало бы, может быть, только частичного ремонта.

Одним из важных стимулов для повтора является синтаксическая громоздкость предложения. Чем дальше друг от друга отстоят сочиненные члены, тем в большей степени говорящий вправе прибегнуть к повтору, как бы помогая слушающему не потерять нить синтаксической связности, например:

(26а) Все это сотворено не природой, которая может не торопиться, создавая, ибо она творит веками и на тысячелетия, а сотворено человеческой волей, создающей хрупкое и преходящее.

(26б) Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, вдумывались в слова, в их смысл и связи (Щерба).

(26в) Наташа настояла на том, чтобы... говеть не так, как говели обыкновенно в доме Ростовых, то есть отслушать на дому три службы, а чтобы говеть так, как говела Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени (Л.Толстой).

Заметим, что в усложненных конструкциях повтор возможен не только при сочинении, но и вообще всегда, когда синтаксически связанные элементы оказываются разведенными достаточно далеко друг от друга, например:

- (27) Он слышал их... и от своего домашнего учителя, старого Елизера - не следует путать его (как это порой случалось путать Иосифу и даже самому этому старику, к его удовольствию), не следует путать его с Елизером, старшим рабом урского странника... (Т.Манн, в пер. С.Апта).

Сказанного, думается, достаточно, чтобы убедиться в принципиальном сходстве между предложениями типа (12а) и (26а). Существо явления, которое интересует нас в (12а), очевидным образом, не менялось при переходе от (12а) к (26а): предложение (12а) дало (22а) посредством квазисинимической замены, а различие между (22а) и (26а) сводится к тому, что неполное сокращение сочинительной конструкции, стилистически неудачное в случае (22а), в (26а) оказывается оправданным - благодаря тому, что между сочиненными сочетаниями, имеющими тождественную синтаксическую функцию, располагается большое число других слов.

Между предложениями (12а) и (26а) имеется и различие. В предложении (26а) сокращению помешала причина стилистического характера, причем этот запрет не слишком категоричен. Если сокращение все же провести дальше, предложение останется синтаксически правильным:

- (28) Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории...

Предложение (12а) несократимо по сугубо синтаксической причине: сокращение с необходимостью требует тождества лексического состава сокращаемых элементов.

Все эти рассуждения приводят нас к следующему выво-

ду. Если для примеров группы (11) синтаксическое описание, предполагающее смещение первого компонента союзного соединения, представляется приемлемым, то для примеров группы (12) оно удовлетворительно в гораздо меньшей степени. По своей синтаксической природе они сближаются с предложениями, в которых не полностью прошло сочинительное сокращение. Именно на этом пути и следует искать структуру, исходную для рассогласованных конструкций обоих видов.

2.2. Асимметричное сокращение

Обратимся прежде всего к каноническому сочинительному сокращению, с тем, чтобы на его фоне отчетливее представить рассогласованные конструкции.

Как известно, для того чтобы сочиненную конструкцию можно было сократить, должны выполняться, в частности, следующие условия (подробнее см. [5, с.161-192]):

(а) сочиненные компоненты должны содержать лексически или референционно тождественные составляющие;

(б) эти составляющие должны быть синтаксически однотипны и грамматически тождественны (под грамматическим тождеством здесь понимается совпадение значений семантически наполненных грамматических категорий);

(в) сочиненные компоненты должны допускать членение на синтаксически однотипные компоненты, следующие в одинаковом порядке, то есть первая, вторая и т.д. составляющая первого сочиненного компонента должна быть однотипна соответственно первой, второй и т.д. составляющей второго компонента.

Всем этим условиям удовлетворяет, например, структура
(30) [Я испеку][пирог] или [я испеку][печенье]

Здесь в сочиненных предложениях имеется лексически, синтаксически и грамматически тождественная составляющая я испеку. Оба предложения делятся на две составляющие

(заключенные в скобки), причем как первые, так и вторые составляющие в этих предложениях однотипны.

При выполнении указанных условий одна из тождественных составляющих опускается. При этом опущении должно соблюдаться свойство сочинительной проективности. Оно состоит в том, что слово, связанное по смыслу с обоими сочиненными членами, находится либо слева, либо справа от сочиненной группы, но не внутри ее. Именно в силу этого условия предложение *Это омрачило мою жизнь и моей дочери неправильно. В случае (30) опущение повторяющейся составляющей с сохранением сочинительной проективности дает

(4а) Я испеку пирог или печенье.

В случае неодноместного союза сокращение происходит несколько иначе. Обратимся еще раз к предложению

(5а) Я испеку или пирог, или печенье.

Если (4а) получено из (30), то (5а) естественно получать из

(31) Или [я испеку][пирог], или [я испеку][печенье].

Как мы уже говорили, первый компонент союзного соединения является левой границей сочиненных элементов. Это значит, что левее этого компонента не может оказаться элементов, семантически связанных лишь с одним из сочиненных членов. Предложения, в которых это требование не выполнено, обычно отклоняются от нормы, например:

(32) На метроном нужно не смотреть, а слушать (Цветаева).

Сочетание на метроном, оказавшееся здесь левее сочиненных членов смотреть и слушать, необходимо воспринимается как относящееся к ним обоим, в то время как по своей форме оно может относиться лишь к первому из них. Это несоответствие между позицией управляемого сочетания и управляющей способностью глагола можно снять двумя способами — возвращением управляемого сочетания внутрь сочинительной цепочки (см. (33а)) или выравниванием управляющих свойств сочиненных глаголов (см. (33б)).

(33a) Нужно не смотреть на метроном, а слушать (его).

(33б) На метроном нужно не смотреть, а молиться.

Из сказанного следует, что при преобразовании (31)--->(5a) необходимо не только устранить второе вхождение повторяющейся составляющей я испеку, но одновременно и перенести первое вхождение этой составляющей левее первого или.

В схематическом виде этот процесс можно изобразить как переход от исходной структуры (34) к результирующей структуре (35)

(34) $\alpha_1[P][X]$ $\alpha_2[P][Y]$

(35) $[P]$ $\alpha_1[X]$ $\alpha_2[Y]$

Этот переход складывается из двух преобразований:

А. Второе вхождение составляющей P опускается.

Б. Первое вхождение этой составляющей переносится влево и ставится перед α_1 .

Другой вариант сокращения с сохранением сочинительной про-ективности возникает при исходной структуре вида

(36) $\alpha_1[X][P]$ $\alpha_2[Y][P]$

и состоит лишь из одного преобразования – опущения первого вхождения составляющей P . В результате этого преобразования возникает структура

(37) $\alpha_1[X]$ $\alpha_2[Y][P]$

Вот пример такого преобразования:

(38) Не только [Маша][испечет пирог], но и [Даша][испечет пирог]-----> Не только Маша, но и Даша испечет пирог.

Причина того, что сокращение структуры (36) (в отличие от (34)) содержит лишь одно преобразование, совершенно ясна: левая граница сочиненных членов (в отличие от правой границы) ничем не маркируется, и поэтому нет необходимости синтаксически оформлять тот факт, что оставшееся вхождение P относится уже не только к Y , но и к X . В дальнейшем нас

будет интересоваться лишь двухчастное преобразование (34)--->(35).

Итак, каноническая сокращенная конструкция с неодноместным союзом возникает из структуры, в которой он связывает целые пропозиции, в результате одновременного выполнения двух преобразований - А и Б - затрагивающих обе соединяемые пропозиции.

Отдельно следует рассмотреть сокращение таких конструкций, в которых в качестве союзного соединения выступает союз а в сочетании с парой тематически соотнесенных членов типа днем - ночью, дома - на работе и т.п. (см. выше примеры (8) - (9)). Такие члены имеют двойственную природу, сказывающуюся и на характере сокращения.

С одной стороны, оба члена такой пары сохраняют значение и (в определенной степени) синтаксические свойства, присущие им в тех предложениях, в которых они выступают не в паре, а порознь. Благодаря этому они имеют более свободное положение в предложении, чем неодноместные союзы. Например, обстоятельства места и времени типа днем <ночью>, дома <на работе> обычно располагаются в начале и в конце предложения: Днем <на работе> он спит. Он спит днем <на работе>. В соответствии с этим допустимы сочиненные предложения

(39а) Днем <на работе> он спит, а ночью <дома> работает.

(39б) Он спит днем <на работе>, а работает ночью <дома>.

С другой стороны, вхождение в состав союзного соединения придает тематически соотнесенным членам ряд новых свойств, сближающих их с неодноместными союзами (см. выше примеры (9)). В частности, они приобретают способность находиться в позициях, исконно им не свойственных. Так, например, в предложении (41а) порядок слов явно не нейтральный и требует интонационной компенсации, в то время как предложение (41б) вполне стандартно.

(41а) ?Он пьет дома кофе.

(41б) Он пьет дома кофе, а на работе чай.

Соотношение предложений в этой паре осложняется следующим. Если во втором из сочиненных предложений не опущены повторяющиеся слова, то постановка слов типа дома <на работе> в то место, в котором они допустимы в (41б), окажется невозможной, несмотря на то, что тематически соотнесенные пары налицо:

(42) *Он пьет дома кофе, а он пьет на работе чай.

Как указывают Г.Е.Крейдлин и Е.В.Падучева [4], чтобы сделать предложение (42) с неопущенным подлежащим правильными, необходимо изменить порядок слов:

(43) Дома он пьет кофе, а на работе он пьет чай.

Двойственный характер членов тематически соотнесенных пар приводит к тому, что при сокращении сочинительных конструкций возможны два пути, эксплуатирующие разные ипостаси этих членов.

Во-первых, можно проводить сочинительное сокращение так, как сокращаются предложения с одноместными союзами или бессоюзные, т.е. просто устраняя повторяющиеся составляющие. В этом процессе элементы тематически соотнесенных пар участвуют на правах соответствующих членов предложения (в наших примерах – обстоятельств). Такой путь приводит к предложениям типа (39).

Во-вторых, можно проводить сокращение по образцу предложений с союзными соединениями, т.е. по схеме (34)--->(35). Тогда члены тематически соотнесенных пар будут играть роль компонентов союзного соединения. Пусть, например, исходная структура имеет вид

(44) Дома [α_1] он пьет[P] кофе, а на работе [α_2] он пьет [P] чай.

Обратим внимание на то, что в обоих простых предложениях слова дома и на работе занимают нормальную для подобных обстоятельств – начальную – позицию. В ходе применения к (44) преобразования (34)--->(35) второе вхождение он ^{пьет} опускается, а первое переносится влево и ставится перед дома. Тем самым

мы получили предложение (41б) и одновременно объяснили, каким образом слово дома оказалось в необычной для себя позиции. Теперь совершенно ясно и то, почему предложения (41а) и (42а) неправильны в отличие от (41б). Положение слова дома между пьет и кофе может возникнуть только в результате преобразования (34)---->(35). Если этого преобразования не было, то такой порядок слов не получает оправдания.

Таким образом, объяснение необычной позиции тематически соотнесенных элементов автоматически вытекает из предложенного описания структуры предложений с союзными соединениями, что является серьезным дополнительным доводом в пользу этого описания.

Перейдем теперь к возможным неканоническим сокращениям конструкций с союзными соединениями.

Как мы помним, каноническое преобразование (34)---->(35) складывается из двух элементов – опущения (А) и переноса (Б). Представим себе, что осуществляется лишь одна из этих процедур. Про полученную конструкцию будем говорить, что она сокращена асимметрично. Если проведено опущение и не проведен перенос (т.е. А без Б), структура примет вид

$$(45) \alpha_1 P X \quad \alpha_2 Y$$

Если же, наоборот, осуществлен перенос и не осуществлено опущение (т.е. Б без А), структура примет вид

$$(46) P \alpha_1 X \quad \alpha_2 P Y$$

В случае (31) результат этих двух видов асимметричного сокращения выглядит следующим образом:

(47а) ?Или я испеку пирог, или печенье.

(47б) *Я испеку или пирог, или я испеку печенье.

Оба эти предложения, очевидно, нельзя признать правильными, однако, как мы убедимся, имея другое лексическое наполнение и, главное, более развернутую структуру, предложения аналогичного строения вполне могут оказаться приемлемыми.

Прежде чем переходить к рассмотрению таких предложений,

необходимо провести важное различие между асимметричным и неполным сокращением. Асимметричное сокращение состоит в том, что вместо двух разных преобразований – опущения и переноса – проводится только одно. Отсюда ясно, что оно возможно только в предложениях с союзным соединением, так как при одиночном союзе или бессоюзии осуществляется только опущение. Неполное сокращение характеризуется тем, что некоторое преобразование (неважно, опущение или перенос) распространяется не на все те элементы предложения, к которым оно могло бы примениться, а лишь на некоторые из них, например:

(48) Ребенок все видит и все слышит.

Здесь в исходных сочиненных пропозициях – 'ребенок все видит' и 'ребенок все слышит' – есть два общих элемента ('ребенок' и 'все'), но опущению подвергся только один из них.

Из сказанного следует, что свойства асимметричности и неполноты не зависят друг от друга и что, в частности, можно ожидать существования как полного, так и неполного асимметричного сокращения.

Рассмотрение асимметрично сокращенных предложений начнем с первого типа – "Опущение без переноса".

По существу, структуру вида (45) имеют предложения (11), то есть, такие, которые выше описывались через смещение влево первого компонента союзного соединения. Отличие нашей новой трактовки от первоначальной состоит в следующем. В предложении (11а), например, раньше мы считали исходной структуру

(49) ...заставляет признать либо гораздо большее число "дефектных" АЧ-парадигм, либо гораздо большую степень абстрактности...

и посредством переноса либо через признать получали из нее

(11а) ...заставляет либо признать гораздо большее число "дефектных" АЧ-парадигм, либо гораздо большую степень абстрактности...

Теперь же мы считаем исходной структуру

(50) ...заставляет либо признать гораздо большее число "дефектных" АЧ-парадигм, либо признать гораздо большую степень абстрактности...

и получаем из нее структуру (11а) посредством опущения второго вхождения слова признать, а также посредством переноса первого вхождения признать налево через либо. Итак, вместо переноса либо через признать — отсутствие переноса признать через либо.

Каноническое (симметричное) сокращение в предложениях с союзными соединениями предполагает, что переносу через α_1 подвергаются все повторяющиеся элементы. "Чистое" асимметричное сокращение требует, чтобы ни один из повторяющихся элементов не был перенесен через α_1 . Между этими крайними ситуациями располагаются случаи неполного сокращения, когда одни повторяющиеся элементы перенесены, а другие нет. Чем более полно был осуществлен перенос, тем ближе предложение к каноническому образцу. В предложении (11в), например, общим для обоих сочиненных членов является сочетание последнее обстоятельство играет большую роль с точки зрения, часть которого подверглась переносу. И только тот факт, что сочетание с точки зрения осталось правее не только, придает сокращению в этом предложении асимметричность и отделяет его от канонического. То же самое можно сказать и о других предложениях группы (11б)–(11ж).

Обратимся теперь ко второму типу асимметрично сокращенных конструкций. Они построены с помощью "Переноса без опущения", то есть имеют вид (46). Этот тип конструкций иллюстрируют предложения (26). Первые части этих конструкций содержат элементы (сотворено, важно, чтобы говеть), перенесенные через первый компонент союзного соединения. Тем самым они семантически распространяются и на ту часть предложения, которая следует за вторым компонентом. Между тем, после него они повторяются еще раз.

3. Асимметричная конструкция типа "Перенос без опущения"

3.1 Разновидности этой конструкции

От предложений (26) можно сделать следующий шаг в сторону удаления от канонической конструкции. Как отмечалось в разделе 2.1, они находятся в ближайшем родстве с предложениями группы (12). Напомним, что предложение (22а), имеющее точно такое же строение, как и (26а), отличается от (12а) простой квазисинонимической заменой. Это отличие сказывается в том, что опущение во второй части конструкции, превращающее ее в каноническую, в (22а) возможно и даже желательно, а в (12а) невозможно — просто в силу того, что для опущения необходимо наличие лексически и синтаксически тождественных элементов.

Таким образом, предложения типа (26) и типа (12) объединяет следующее свойство. Первая часть этих предложений построена так, как бывают построены конструкции с каноническим сокращением, описываемым преобразованием (34) —> (35). Это порождает определенные синтаксические ожидания во второй части предложения. Они обусловлены тем, что элемент Р, находящийся перед первым компонентом союзного соединения, должен синтаксически одинаково соотноситься с элементами X и Y. Поэтому, например, начало предложения (12а) предсказывает, что после союза а должно следовать имя в творительном падеже. Вторая часть этих предложений не оправдывает ожиданий, заложенных в первой. Элемент Р, стоящий перед первым компонентом союзного соединения, не может одинаково относиться к тем элементам, которые следуют за первым и вторым компонентами.

Выше было предложено считать, что предложения (26) построены с помощью асимметричного сокращения: в них осуществлен перенос первого из повторяющихся элементов, но не опу-

щен второй. Строго говоря, мы не вправе автоматически переносить это описание на предложения типа (12), поскольку в них нет повторяющихся элементов, а значит и нет формальных оснований для сокращения, пусть даже асимметричного. Тем не менее, несмотря на эти различия, в основе предложений обоих типов можно видеть общий механизм. Первая часть предложения строится "по сценарию" сочинительного сокращения: некоторый элемент переносится налево от первого компонента союзного соединения в предположении, что он окажется общим для обеих частей предложения. Между тем во второй части этот сценарий наталкивается на те или иные препятствия (на которых мы остановимся ниже). В силу этого он не доводится (как в (26)) или даже не может быть доведен (как в (12)) до конца.

Очевидно, что такой механизм возможен лишь тогда, когда первая и вторая части предложения содержат тождественные или очень близкие смысловые компоненты. Именно это дает основания "запланировать" сочинительное сокращение. Величина этого семантического сходства в значительной степени определяет приемлемость всей конструкции. Чем ближе по смыслу соответствующие элементы, тем конструкция более допустима. Чем они дальше, тем труднее слушающему, по выражению А.М.Пешковского, "подвести их под общую рубрику", тем более рискованным и авторским становится все построение. Отсюда – возможные различия в оценке приемлемости тех или иных предложений разными носителями языка.

Рассмотрим подробнее, какие типы предложений здесь возможны. При этом, естественно, наибольший интерес представляют предложения, в которых сокращение не только не доведено, но и не может быть доведено до конца. Это бывает лишь тогда, когда требования (а) – (в) (см. п.2.2), нормально предъявляемые к структуре (34), подвергающейся сокращению, в данном предложении выполнены не полностью.

Ослабление этих требований может касаться двух аспектов – семантического и синтаксического.

Распатывание структуры (34) в семантическом аспекте состоит в том, что опускаемый элемент Р в составе второй части конструкции перестает быть лексически тождественным переносимому влево элементу Р в первой части (ср. требование (а)). Синтаксический аспект распатывания заключается в нарушении синтаксического параллелизма между первой и второй частями сокращаемой конструкции, в частности, в несовпадении синтаксической функции двух вхождений Р (ср. требования (б) и (в)).

Предложения, в которых представлено лишь семантическое распатывание структуры (34), имеют вид

(51) Р α_1 X α_2 Р' Y

где Р и Р' – лексически не совпадающие, но сходные по смыслу и синтаксической функции составляющие, а X и Y – элементы, выполняющие относительно Р и Р' одинаковые или близкие синтаксические функции.

(52а) Не только $[\alpha_1]$ административные реформы [X] первого консула всегда приводили [Р] (и продолжают приводить) в восторг буржуазных идеологов во Франции и вне Франции, но $[\alpha_2]$ их всхищает [Р'] также и создание [Y] условий, обеспечивающих спокойное наживание денег в торговле, в промышленности... (Тарле).⁷

(52б) Не $[\alpha_1]$ новое [X] хочу я им сказать [Р], а $[\alpha_2]$ повторить [Р'] известные всем вам мысли [Y] о том, что такое книга (Герцен).

(52в) Известно, что функциональный анализ предложения направлен [Р] не только $[\alpha_1]$ на [X] поиски членов предложения, но $[\alpha_2]$ представляет собой [Р'] процедуру приписывания [Y] предложению его синтаксической структуры.

(52г) Эти речи воспламенили [Р] не только $[\alpha_1]$ Пирра [X], но и $[\alpha_2]$ эпиротам [Y] внушили [Р'] нетерпеливое желание выступить в поход (Плутарх, в пер. С.Ошеров).

В этих примерах семантически близки глагольные выражения P и P' : приводить в восторг – восхищать, сказать – повторить, быть направленным (на что-то) – представлять собой процедуру (чего-то), воспламенить – внушить нетерпеливое желание. Слова и сочетания, помеченные символами X и Y , выполняют относительно этих выражений одинаковые или близкие синтаксические функции: функцию подлежащего в (52а) и функции дополнения того или иного типа в (52б)–(52г).

Несмотря на то, что выражения P и P' не тождественны, можно утверждать, что выражение P' почти опустимо в следующем смысле: если его опустить, то в силу своей синтаксической однотипности элементы X и Y вступят в сочинительную связь, синтаксическая правильность предложения только возрастет (так как сочинительная конструкция станет канонической), а его значение изменится лишь в той мере, в какой P и P' различаются по смыслу. Ср., например, (52а) и

- (53) Не только [α_1] административные реформы [X] первого консула всегда приводили [P] в восторг буржуазных идеологов, но [α_2] также и создание [Y] условий...

При таком преобразовании, естественно, может потребоваться изменение предложно-падежной формы элемента Y ; ср. (52г), где Y выполняет функцию косвенного дополнения и стоит в дательном падеже, и

- (54) Эти речи воспламенили [P] не только [α_1] Пирра [X], но и [α_2] эпиротов [Y],

где Y превратился в прямое дополнение и получил форму винительного падежа.

Имеются, однако, и такие предложения – и здесь мы переходим к синтаксическому аспекту расщепления структуры (34), – в которых нельзя выделить пары P – P' и X – Y , обеспечивающие допустимость подобного преобразования. Иначе говоря, в этих предложениях первая и вторая части конструкции синтаксически не параллельны. Такие предложения имеют вид

- (55) P $\alpha_1 X$ $\alpha_2 Q$,

где семантическая близость характеризует сочетания $P+X$ и Q в целом. Приведем несколько примеров.

(56a) Слова в языке живут [P] не [α_1] изолированно [X], а [α_2] вступают [Q] в определенные отношения между собой, уточняющие их функции и значение.

(56б) Хлопья снега становились мельче, суше и падали [P] на землю не [α_1] прямо [X] и медленно, а [α_2] стали [Q] кружиться в воздухе тревожно, суетливо и еще более густо (Горький).

(56в) Ниже мы рассмотрим [P] понятие семантических валентностей слова сначала [α_1] безотносительно [X] к форме их описания в виде моделей управления, а затем [α_2] займемся [Q] самой этой формой.

(56г) Большинство сочинений Агриппы Неттесгеймского представляет собой [P] либо [α_1] блестяще развитые парадоксы [X], либо [α_2] обильно ими пронизано [Q].

В этих примерах, так же, как и в примерах (52), легко обнаружить "общую рубрику", под которую подводится содержание первой и второй части конструкции. Как мы уже говорили, чем труднее установить такую общность, тем дальше предложение отклоняется от нормы. Таковы, например, строки

(57) Что поле во ржи и пшенице Не только зовет к молотьбе, Но некогда эту страницу твой предок вписал о тебе (Пастернак).

В примерах, приводимых до сих пор, в качестве вынесенного влево элемента P выступало какое-нибудь предикатное слово. Это не обязательно. В этой роли могут выступать и актанты. В этом случае также возможны конструкции, в которых нет формальных препятствий для симметричного сокращения. Например, в предложении

(58) Иван не только знает наизусть все стихи своей любимой поэтессы, но он еще и превосходно читает их вслух

можно сократить слово он во второй части конструкции, коррелентное со словом Иван из первой части.

Наряду с конструкциями типа (58) существуют и такие, в которых симметричное сокращение невозможно. При этом может сохраняться лексическое тождество вынесенного элемента Р с некоторым элементом из второй части конструкции. Исчезает лишь тождество их синтаксических функций. Ср. элементы он - его в

- (59) Он не только утратит свое искусство, свой талант и не создаст ничего жизнеспособного, но даже его прежние произведения, созданные еще не под знаком этой вины и некогда добротные, перестанут быть добротными и превратятся в прах в глазах человечества (Т.Манн, в пер. С.Апта).

В следующих примерах отсутствует и лексическое тождество:

- (60а) [Произошла интерференция соединяющих морфов,] они не соприкоснулись, а один "наехал" на другой (ср. каноническую конструкцию: не соприкоснулись, а "наехали" один на другой).

- (60б) [А в иных домиках с закрытыми наглухо ставнями стояла такая тишина, что еще страшнее материнского плача,] - дом или вовсе опустел, или, может быть, одна старуха-мать, проводив всю семью, опустив черные руки, неподвижно сидела в горнице, не в силах уже и плакать, с железной мукой в сердце (Фадеев).

При переносе актанта в асимметричных конструкциях скорее всего существенна его синтаксическая роль. Подлежащие, по-видимому, допускают перенос с большей легкостью, чем дополнения. В этом легко убедиться, сравнив предложения (58)-(60) с (32) и

- (61) [Советский Союз внес весомые предложения.] ??От них не удастся ни отмахнуться, ни затуманить их смысл путем поспешных полемических высказываний ("Правда", 27.12.82).

3.2 Конструкция "Перенос без опущения" как способ разрешения синтаксического конфликта

Формально говоря, синтаксическое описание асимметричных конструкций можно было бы ограничить теми сведениями, которые были сообщены выше. Мы охарактеризовали класс союзных средств, формирующих данные конструкции, указали вид исходной структуры, лежащей в их основе, и то асимметричное преобразование, которое строит из нее эти конструкции. Было отмечено, в частности, и семантическое условие, необходимое для того, чтобы это преобразование могло быть применено — подводимость под единую рубрику содержания первой и второй части исходной структуры. Тем самым сочинительные конструкции с союзными соединениями укладываются в следующую картину.

Имеется основная, каноническая, продуктивная модель, построенная с помощью симметричного сокращения и сохраняющая свойство синтаксической однофункциональности сочиненных членов. Наряду с ней имеются и другие, неканонические, периферийные, непродуктивные модели, образующиеся с помощью двух типов асимметричного сокращения. Эти асимметричные типы характеризуются тем, что в них применяется лишь одно из двух преобразований, составляющих в совокупности симметричное сокращение — перенос влево или опущение. Такое сокращение, естественно, приводит к рассогласованию синтаксических функций элементов, вводимых союзным соединением.

Это описание, формально вполне правомерное и достаточное, представляется все же искажающим действительное соотношение симметричных и асимметричных конструкций. Во всяком случае это можно утверждать про асимметричные конструкции типа "Перенос без опущения", на которых мы в дальнейшем и сосредоточимся. Возможно, что сказанное (с соответствующими изменениями) будет справедливо и для конструкций типа "Опущение без переноса".

В самом деле, это описание по существу означает, что мы постулируем разные самостоятельные модели построения сочинительных конструкций. Между тем, кажется более адекватным не считать модель "Перенос без опущения" синтаксически самостоятельной (хоть и непродуктивной) моделью. Скорее, она представляет собой не дошедшую до конца попытку реализации основной, симметричной модели.

Для обоснования этого утверждения следует обратиться к более общей перспективе синтаксического описания. Если оставить в стороне черты, различающие существующие синтаксические модели, то можно утверждать, что во всех них синтаксическая структура предложения предстает как результат последовательного применения к некоторой исходной структуре ряда преобразований, ответственных за появление конкретных синтаксических конструкций данного языка. С каждым преобразованием связаны определенные условия, без выполнения которых оно не может примениться. Приведем один простой пример — обычную определительную конструкцию, образованную существительным и определяющим его причастием.

Исходной для этой конструкции является структура, в которой определением к существительному служит предикация, формируемая личным глаголом.

(62a) 'мальчик, (такой, что) этот мальчик подарил певичке
лилию' ----> мальчик, подаривший певичке лилию

(62б) 'лилия, (такая, что) мальчик подарил певичке эту лилию' ----> лилия, подаренная певичке мальчиком.

Как известно, для того чтобы глагол мог принять форму причастия, необходимо, в частности, чтобы определяемое существительное заполняло у него валентность субъекта (как в (62a)) или прямого объекта (как в (62б)), а сам он стоял в изъявительном наклонении. Если это условие в исходной предикации выполнено, то она может подвергнуться преобразованию, превращающему ее в причастный оборот. Если же указанное условие не выполняется или (что то же самое) выполня-

ется не в полном объеме, то преобразование с самого начала блокируется. В этом случае структура должна реализоваться каким-то другим способом, например, с помощью относительно-го придаточного:

(62в) 'певица, (такая, что) мальчик подарил этой певице
лилию' —> певица, которой мальчик подарил лилию.

Таков обычный механизм осуществления всех синтаксических, да и не только синтаксических, преобразований: невыполнение хотя бы одного из требований, накладываемых на преобразование, делает это преобразование безусловно неприменимым.

Вернемся к асимметричным сочинительным конструкциям типа (12), иллюстрирующим "Перенос без опущения". Представляется, что здесь картина принципиально другая. Условия, необходимые для сочинительного сокращения, явно не выполнены: сочиненные члены не содержат тождественных составляющих. А тем не менее часть работы по сокращению — перенос влево через первый компонент союзного соединения — была осуществлена. Правдоподобным выглядит предположение о том, что преобразование начало проводиться в жизнь до того, как были проверены все накладываемые на него ограничения. Проследим этот процесс на одном наглядном примере.

(63) [Овальный пруд обступили кольцом старые ветлы, такие густые и поникшие, что сквозь их зелень не мог пробиться лунный свет, — он играл далеко на середине пруда, где в скользящей стеклянной зыби плавала не то утка, не то грачонок еле держался на распластанных крыльях — нахлебался воды (А.Толстой).

Очевидно, что первая часть конструкции (плавала не то утка) построена в предположении о том, что после второго компонента союза будет указан объект, в некотором отношении равноправный с уткой. А именно, про него также можно было бы сказать, что он плавает по воде (например, не то утка, не то чайка). Это было бы построение в соответствии с основной, симметричной моделью. Однако, дойдя до второго не

то, говорящий как бы спохватывается: он обнаруживает, что утверждать про грачонка, что он плавает, как это вытекает из постановки глагола плавала левее первого не то, было бы неправильно. О нем нужно сказать иначе, чем об утке. Возникает конфликт между уже выбранной синтаксической конструкцией и смыслом, подлежащим выражению, конфликт, который в данном случае разрешается за счет искажения наполовину готовой конструкции. Нормальное продолжение начатой конструкции требует опущения глагольной группы при слове грачонок, поскольку на грачонка уже распространяется действие глагола плавать. Однако это противоречит намерению говорящего сказать про грачонка нечто иное – то, чего он не учитывал в тот момент, когда строил первую часть конструкции. Это намерение оказалось для говорящего важнее, чем требования синтаксической нормы, и он отказался от симметричного построения. Таким образом, на синтаксическом строении предложения непосредственно сказалось то обстоятельство, что, принимая решение о выборе данной конструкции, говорящий имел лишь общее, довольно приблизительное представление о том, что он собирается сказать. Это представление конкретизируется по ходу продвижения от начала предложения к его концу, и говорящий все время должен считаться с тем, что часть предложения уже произнесена.

Подчеркнем, что предложенная интерпретация не претендует на отражение реального процесса порождения предложения (63). Утверждается лишь, что это предложение построено (возможно, намеренно) так, как если бы говорящий действительно додумывал предложение на наших глазах.

Хорошо известно: в реальной речевой практике человек часто начинает говорить, не зная еще точно, во всех деталях, что именно он собирается сказать. Пока он произносит начало предложения, он одновременно додумывает то, что должно быть сказано дальше. Имеется даже целый комплекс языковых средств, – вспомним хотя бы ситуацию экзамена, – кото-

рые помогают говорящему "потянуть" время, необходимое для поиска даже не формы выражения, а самого содержания.

Признавая в теории существование этого и подобных явлений, на практике синтаксисты от них отвлекаются. Современная синтаксическая наука, за редкими исключениями, по существу продолжает разделять тезис Хомского, выдвинутый им в 1965 году в "Аспектах теории синтаксиса" об относительной автономности языковой компетенции (*competence*) и процесса использования языка (*performance*). Позднее обнаружилось, что эта автономность, если и существует, то в гораздо более слабой степени, чем это предполагал Хомский. Было осознано, что язык насквозь пронизан прагматикой. Однако при очень существенных успехах, которые были достигнуты прагматикой во многих областях, приходится констатировать, что собственно синтаксической проблематики прагматизация лингвистики коснулась весьма слабо.

Анализируя синтаксическую структуру предложения, исследователи почти полностью абстрагируются от реальной ситуации общения, в которой эта структура строится говорящим. Сейчас нас интересует, в первую очередь, тот аспект ситуации общения, который связан с разворачиванием речи во времени. Принято исходить из того, что этот аспект не оказывает влияния на синтаксическое строение предложения. И это в очень значительной степени справедливо.

Действительно, если мы изучаем уже готовое правильное предложение с точки зрения того, что оно значит и как оно синтаксически построено, мы вправе абстрагироваться от того факта, что произнесение предложения говорящим занимает некоторое время, которое он может использовать для формирования и уточнения своего замысла. Это позволяет нам иметь дело с уже полностью готовым смысловым заданием и ориентировать весь процесс построения синтаксической структуры лишь в одном направлении - "снизу вверх" ("от глубины к поверхности"), отвлекаясь от разворачивания речи во времени. Та-

кая абстракция оправдана в той мере, в какой указанное обстоятельство не накладывает отпечатка на готовый результат. В большинстве случаев это, действительно, так.

Однако, как и все лингвистические дихотомии, противопоставление языковой компетенции и употребления языка не следует абсолютизировать. Имеются области, и асимметричные конструкции составляют одну из них, когда описание синтаксического строения предложения – классическая задача языковой компетенции – предполагает обращение к процессу реального производства текста говорящим, а именно – к фактору линейного развертывания предложения.

Синтаксическая структура предложения создается не только в ходе движения "снизу вверх", но и в ходе движения "слева направо" (от начала предложения к его концу).

Говоря о конкретизации первоначального замысла в процессе построения предложения с сочинением, не следует думать, что она затрагивает только вторую часть конструкции. Рассмотрим пример (64), в котором речь идет об общении человека и машины.

(64) Не человек должен выучить машинные языки, а машина должна овладеть хотя бы основами такого универсального средства общения, каким является естественный язык.

Представляется, что это предложение замыслено как содержащее сочиненную группу не человек, а машина. В первоначальном смысловом задании, послужившем основанием для этой сочиненной группы, с человеком и машиной связывается одно и то же свойство. Если бы это задание осталось неизменным, то получилось бы что-то вроде

(65) Не человек должен выучить язык партнера по общению, а машина.

Между тем, при реализации этого задания уже в первом сочиненном члене происходит естественная конкретизация: для человека язык партнера по общению – это машинный язык. Конф-

ликт возникает при переходе ко второму сочиненному члену, когда выясняется, что свойство 'должен выучить машинные языки', появившееся в результате конкретизации свойства 'должен выучить язык партнера по общению', не распространяется на машину. Другими словами, сохранить симметрично сокращенную конструкцию после конкретизации, прошедшей в ее первой части, невозможно, поскольку при этом сильно исказилось бы значение:

(66) Не человек должен выучить машинные языки, а машина.

Итак, двигаясь от начала предложения к его концу и одновременно конкретизируя его содержание, говорящий может сталкиваться с затруднениями: то, что уже произнесено, иногда оказывается в том или ином конфликте с тем, что он планирует сказать. Эти затруднения могут иметь три исхода.

Первый из них состоит в том, что говорящий находит такое продолжение начатого предложения, которое полностью согласуется со всеми языковыми нормами. Широкие возможности для этого предоставляет перифрастическая система языка. Одну из таких возможностей — трансляцию, т.е. перевод слова из одной категории в другую — обнаружил и подробно исследовал еще Л.Теньер в своих "Элементах структурного синтаксиса": "Человек, хорошо владеющий каким-либо языком, всегда сумеет завершить начатое им предложение и никогда не окажется в тупике только из-за того, что нужное ему слово относится к такой категории, синтаксические возможности которой не согласуются с возможностями уже произнесенных слов. Дело здесь в том, что как бы ни начал говорящий свое предложение, он всегда найдет способ его завершить, прибегнув в нужный момент к трансляции. Если слово, которое просится ему на язык, синтаксически не соединимо с тем, что уже было сказано, с помощью трансляции всегда можно так изменить его категорию, чтобы это несоответствие исчезло" [11, гл.153, пп.3-4]. Для слушающего такие предложения могут быть неотличимы от тех, которые построены по заранее

готовому плану. При изучении таких предложений мы имеем полное право абстрагироваться от этого аспекта их происхождения, поскольку он никак не отразился на их строении. Именно на основе таких предложений и составляется обычно синтаксическое описание.

При втором исходе говорящий не находит способа снять возникший конфликт, оставаясь в рамках нормальных синтаксических средств. Тогда он либо бросает неполучившееся предложение и начинает новое (это характерно преимущественно для письменного языка, где можно что-то зачеркнуть), либо завершает его как получится, жертвуя языковыми нормами. Последний случай в изобилии встречается в разговорной речи с ее спонтанным и одновременно окончательным характером. Такие построения известны под названием "гезитация-самоперебив" [12, с. 67]:

(67а) Одно стихотворение я им на... посвятила.

(67б) И там была такая солистка / причем... две солистки у них. (Примеры из [12]).

(67в) А у него не было никакого отношения к лингвистике он не имел. (Пример из [13 с. 154]).

В этих примерах намерения говорящего изменились в процессе самого говорения — тогда, когда часть высказывания уже произнесена и не может быть взята обратно. В результате этого самоперебива структура деформируется таким образом, что становится абсолютно несовместимой с синтаксической нормой. Такие структуры не могут и не должны систематически каталогизироваться в синтаксическом описании.

Третий исход, иллюстрируемый асимметричными сочинительными конструкциями, компромиссен и совмещает в себе преддущие два. С одной стороны, предложение завершается благополучно. Оно не выходит за рамки языковой системы. С другой стороны, структура подверглась деформации, которая оставила на ней шов. Явственно ощущается отклонение от стандартных синтаксических моделей, некий синтаксический пируэт. Эта

двойственная природа ставит асимметричные конструкции в совершенно особое положение.

Отклонение от стандартной структуры, наблюдаемое в асимметричной конструкции, не произвольно – в том смысле, в котором произвольны синтаксические разрывы в примерах (67). Предложения с асимметричной конструкцией образуют достаточно компактную и однородную группу, чтобы можно было утверждать, что в них применен один и тот же прием, который тем самым является достоянием всех говорящих на русском языке. По-видимому, каждому языку свойственна определенная совокупность способов оперативного выхода из синтаксически трудных ситуаций. Асимметричная конструкция представляет собой грамматикализованный, узаконенный системой языка путь разрешения некоторых конфликтов, возникающих при сочинении.

Грамматикализация приводит к тому, что асимметричная конструкция появляется не только тогда, когда конфликт возник неожиданно для говорящего и он реально менял свои намерения по ходу произнесения предложения. Такие ситуации, по нашему мнению, действительно лежат в основе конструкции, мотивируют ее возникновение в языке, но никоим образом не исчерпывают всех случаев ее употребления. Получив права гражданства в качестве аварийного приема, конструкция расширяет сферу своей применимости.

Первое направление экспансии асимметричной конструкции связано с тем, что она позволяет говорящему, не строя симметрично сокращенной конструкции, частично воспользоваться ее плодами. А именно: асимметричная конструкция дает возможность в какой-то степени сохранить семантическую связь между элементом, вынесенным за пределы сферы действия союзного соединения, и вторым сочиненным членом. Например, в предложении (63), с одной стороны, грачонок непосредственно характеризуется сочетанием еле держался на распластанных крыльях. С другой стороны, наличие глагола плавать слева от первого не то заставляет нас видеть где-то на заднем плане сообщения значение 'грачонок плавает'.

Второе направление обусловлено тем, что в силу своей нестандартности конструкция приобретает некоторую экспрессивность и придает речи эффект спонтанности и разворачивания на наших глазах. Примеры использования конструкции в художественных текстах мы уже приводили – см. (12г), (12д), (56в), (60б) и (63).

Как стилистический прием, имитирующий передумывание на ходу, анаколүф, то есть искажение синтаксической конструкции, известен очень давно. Вот что пишет С.И.Соболевский об анаколүфах у латинских авторов: "По большей части это бывает тогда, когда предложение прерывается вводными или придаточными предложениями, так что автор в конце фразы **как бы забывает** (выделено мной – И.Б.), какую конструкцию он избрал в начале ее... *Homines maritimi Syracusis quum ejus cruciati atque supplicio pascere oculos animumque vellent, potestas aspiciendi nemini facta est* (Cicero) 'Приморские жители в Сиракузах, хотя желали насытить зрение и душу мучительной казнью его (атамана разбойников), никому не дана была возможность взглянуть на него'. – Здесь именительный падеж *homines maritimi* не имеет в продолжении фразы сказуемого. Автор имел в виду сказать: *homines maritimi aspiciere non potuerunt*, но потом изменил начатую конструкцию" [14, с.394].

Следующая ступень грамматикализации конструкции проявляется в том, что возникают и относительно стертые, стилистически нейтральные употребления; ср. например, (12б), (12в), (52в), (56а), (56в), (60а).

И все же, это следует подчеркнуть, грамматикализация не дошла до конца. Конструкция не стала полностью автоматической. Пользоваться ею надо умеючи. Отсюда – определенная поляризация предложений с асимметричной конструкцией и их стилистическая дифференциация.

На одном полюсе разговорная речь – естественный источник

асимметричных построений. Предложения, сохраняющие живую связь с разговорной речью, в письменном языке нередко производят впечатление небрежности стиля и нуждаются в редакторской правке. Такие примеры обсуждаются в уже упоминавшейся работе В.А.Ицковича:

- (68а) Метод позволяет не только увеличить урожай грибов, но и значительно облегчает их сбор.
- (68б) Космические лучи несут информацию не только об источниках, которые их излучают, но и могут рассказать о том, что встретилось им в пути.
- (68в) Методы освоения должны быть не столько новыми, сколько учитывать и народный опыт, и исторически сложившиеся взаимосвязи.

На другом полюсе — художественный текст, в котором стилистически сомнительное построение превращается в изысканный анаколуп. В промежуточной между этими полюсами области располагаются предложения нейтрального стиля.

Эффект доводки предложения на ходу, иногда присутствующий в предложениях с асимметричным сокращением, интересным образом связан с основным семантическим свойством таких предложений — близостью значения вынесенного элемента со значением второго сочиненного члена. При всем различии этих свойств они, по-видимому, не являются независимыми. Можно думать, что они находятся в динамическом равновесии: ослабление одного компенсируется усилением другого. Чем ближе значения, тем меньше ощущается эффект додумывания на ходу. В предельном случае, когда налицо полное совпадение значений, особенно если оно поддерживается лексическим тождеством (см., например, (26)), этого эффекта нет вовсе.

С другой стороны, если соответствующие значения достаточно далеки друг от друга (что, как мы знаем, обычно приводит к аномальности предложения, ср. (57)), то естественное и отчетливо выраженное изменение первоначального проекта предложения может его спасти. Например, такое начало предложе-

ния Вам следует либо обратиться к врачу, либо... заставляет ожидать в качестве продолжения, скорее всего, инфинитив (...либо лечиться самостоятельно), или, во всяком случае, выражение, в другой форме сообщающее, что следует делать слушающему (...либо, может быть, стоит поехать отдохнуть). Возможно, однако, и такое продолжение, в котором об этом речь не идет:

(69) Вам следует либо обратиться к врачу, либо я даже не знаю, что вам посоветовать.

Здесь намерения говорящего резко изменились. Он не дает еще одной рекомендации слушающему, как собирался, а сообщает о своем внутреннем состоянии. Тем не менее, предложение допустимо, так как такая смена мотивирована: начиная предложение, говорящий считал, что может дать несколько рекомендаций, а затем понял, что только одну. Поэтому предложение (69) лучше, чем, например, (57), где такой мотивации нет. Ср. также пример (17в), аналогичный (69).

5. Источники конфликта

Итак, выше был предложен следующий взгляд на природу асимметричных конструкций типа "Перенос без опущения". Ядро этого класса конструкций составляют конструкции с ярким прагматическим компонентом. В них отпечатался процесс конкретизации и модификации смыслового задания по мере продвижения от начала предложения к концу. Имея первоначально лишь приблизительный проект того, что будет сказано в данном предложении, говорящий начал строить сокращенную сочинительную конструкцию. Он поместил некоторый элемент предложения вне сферы действия союзного соединения (чаще всего это соответствует позиции слева от первого компонента союзного соединения, но это не обязательно, ср. (52а,б), (64) выше) в предположении, что этот элемент относится к обоим сочиненным членам. Однако в дальнейшем по мере конкретиза-

ции своего замысла говорящий обнаружил, что это предположение вступает в тот или иной конфликт с тем, что он собирается сказать дальше, и поэтому требует пересмотра. Легализованный русским языком способ такого пересмотра состоит в том, что при втором сочиненном члене можно еще раз выразить с необходимыми уточнениями то же значение, что и значение, уже относящееся к обоим сочиненным членам (или значение, близкое к нему).

Какого рода конфликты могут здесь возникать? Мы выделим – с некоторой долей условности – несколько источников конфликта. Следует иметь в виду, что в реальных примерах часто можно усмотреть одновременное проявление нескольких источников.

5.1. Семантический источник конфликта.

Сюда относятся ситуации, когда сохранение симметрично сокращенной конструкции не позволяет выразить тот смысл, который возник в ходе конкретизации смыслового задания.

Этот новый смысл может в разной степени не укладываться в симметричную конструкцию. Выше, в разд.3, мы говорили о том, как в асимметричной конструкции могут нарушаться требования, предъявляемые к структуре, подвергаемой симметричному сокращению. В частности, были выделены два типа предложений: предложения структуры (51), в которых симметричное сокращение "почти возможно", и предложения структуры (55), в которых оно немыслимо. Это различие определяется тем, в какую синтаксическую форму отливается новый смысл, а это, в свою очередь, связано с тем, насколько круто повернулась мысль автора. Так, в примерах (52) говорящий скорее варьирует одну и ту же мысль, лишь слегка ее модифицируя. В примерах (56) изменение смысла носит более кардинальный характер, в результате чего синтаксическое строение второй части конструкции оказывается непараллельным строению пер-

вой. Чем больше приращение смысла, тем легче конструкция выходит за пределы правильности. Поэтому чаще всего предложения с большим смысловым приращением можно встретить в художественных текстах. Из уже приводившихся примеров можно отметить предложения (12г), (12д), (57), (60б).

5.2. Синтаксический источник конфликта

Отметим два типа предложений с конфликтом такого рода.

Первый тип образуют предложения, в которых симметрично сокращенная конструкция, будь она реализована, не давала бы синтаксической возможности употребить в предложении нужное слово, возникшее в ходе конкретизации смыслового задания. Пояснить сказанное удобнее всего сравнивая предложения о разными источниками конфликта.

Рассмотрим предложения (72а) и (72б).

(72а) Эти факты свидетельствуют не только о существенных упущениях в работе со стороны указанных должностных лиц, но и способствуют обогащению спекулянтов ("Известия", 12.08.87).

(72б) В докладе были вскрыты недостатки в работе не только командиров и штабов, но и серьезные упущения в деятельности партийных организаций.

В (72а) в первой части конструкции вне сферы действия первого компонента союзного соединения находится значение 'эти факты свидетельствуют (о чем-то)'. В результате додумывания смыслового задания говорящий решает говорить во второй части конструкции о другом: не о том, о чем эти факты свидетельствуют, а о том, к чему они могут привести. Этот семантический конфликт и мотивирует отказ от симметричной конструкции.

Иначе обстоит дело в предложении (72б). Скорее всего, отказ от симметричной конструкции вызван здесь не семантическими причинами. Вряд ли говорящий руководствовался тем, что

значение 'недостатки в работе' не подходит для второй части конструкции и требует замены на 'упущения в деятельности': различие между этими значениями слишком мизерно. Скорее, говорящий столкнулся с тем, что симметричная конструкция не позволяет отразить тот факт, что упущения в деятельности (или недостатки в работе – все равно) партийных организаций были серьезными, в отличие от, возможно, более мелких упущений командиров и штабов. Итак, если бы смысл 'недостатки в работе / упущения в деятельности' не был повторен во второй части конструкции, то не было бы синтаксической возможности выразить значение 'серьезный', относящееся, по мысли говорящего, лишь к упущениям партийных организаций.

Такое же рассуждение можно провести и для примера (12а) – Все это сотворено не природой, а представляет собой позднее и преходящее создание человеческой воли – уже разобравшееся в другой связи выше: симметричное построение сотворено не природой, а человеческой волей не дает возможности выразить значение, вносимое прилагательными поздний и преходящий.

Другой тип предложений с синтаксическим источником конфликта возникает тогда, когда симметричное построение влечет нарушение какого-либо синтаксического запрета. Например:

(68в) Методы освоения должны быть не столько новыми, сколько учитывать и народный опыт, и исторически сложившиеся взаимосвязи.

Первая часть предложения предполагает, что после слова сколько будет следовать адъектив, синтаксически однородный с прилагательным новыми. От глагола учитывать нужен адъектив образовать можно (учитывающий), но беда в том, что в русском языке действительные причастия плохо сочетаются со связкой быть; ср. учитывать опыт – *быть учитывающим опыт, любить мороженое – *быть любящим мороженое, стоять у окна – *быть стоящим у окна. Автор предложения (68в) столкнулся с конфликтом двух синтаксических требований: симметричная конструкция требует адъектива в творительном падеже, а на-

личие связки слева от не столько не допускает в этой позиции причастия. Не найдя возможности разрешить конфликт бескровно, автор выбрал меньшее зло – воспользовался асимметричной конструкцией как легализованным аварийным средством.

5.3. Сочетаемость источник конфликта

К этому классу относятся ситуации, когда сохранение симметричной конструкции вступает в противоречие с каким-либо сочетаемым запретом.

Рассмотрим пример:

(73) Судья обязан решать дело исходя не из симпатий или антипатий, а на основании закона.

Чем вызвана асимметричная конструкция в данном случае? Или, иначе, чем не устроила говорящего симметричная конструкция (74)?

(74) Судья обязан решать дело исходя не из симпатий или антипатий, а из закона.

Очевидно, ни семантических, ни синтаксических возражений (74) вызывать не должно. Сомнительность этого предложения связана с имплицитно присутствующим в нем сочетанием исходя из закона. Видимо, стремление избежать этой сочетаемой неловкости и мотивирует переход к асимметричной конструкции, где использован предлог на основании, по смыслу весьма близкий к исходя из, но лучше сочетающийся со словом закон.

Еще одним примером может служить предложение (12в), уже приводившееся выше. Сравним асимметричное (12в) и симметричное (75).

(12в) В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а исключены вполне сознательно.

(75) *В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а вполне сознательно.

В (75) нарушена семантическая сочетаемость наречия сознательно. Оно сочетается лишь с такими глаголами, которые обозначают действия мыслящего субъекта. Поэтому нельзя сказать *Лексические параметры отсутствуют сознательно, но можно - Я отсутствовал на собрании сознательно. Этим и объясняется тот факт, что во вторую часть предложения (12в) введен глагол исключать, в котором к идее отсутствия добавлена идея целенаправленной каузации.

Б.4. Коммуникативный источник конфликта

К этому классу мы относим предложения, в которых отступление от симметричной конструкции вызвано стремлением примирить сочинительное сокращение, предполагающее однократное выражение повторяющегося смысла, и потребность в повторе, дублировании. Выше, в разделе 2.1, уже говорилось о двух стимулах для повтора.

С одной стороны, это потребность в подчеркивании, выделения коммуникативно важных компонентов значения. Например:

(76) И вдруг из Парижа грянуло известие, которого не ждала не только далекая южная провинция, но не ждала и сама столица: пришла поразительная весть об аресте в день 9 термидора Максимилиана Робеспьера, Сен Жюста, Кутона и их приверженцев (Тарле).

С другой стороны, в распространенном предложении сочиненные члены могут оказаться разделенными большим числом других слов. В этом случае бывает уместно повторить (напомнить) общий элемент, чтобы облегчить слушающему установление синтаксической связи. Ср. примеры (26).

6. Другие способы разрешения конфликта

Построение асимметричной конструкции - не единственное из возможных синтаксических решений в ситуации, когда сим-

метрично сокращенная конструкция по каким-то причинам затруднена.

Априори можно мыслить две стратегии поведения в подобной ситуации.

Первая из них состоит в том, что говорящий может в большей или меньшей степени пожертвовать целостностью симметричной конструкции ради интересов передаваемого содержания. Асимметричная конструкция – это реализация одной из возможностей на этом пути. Вторая возможность предполагает еще один шаг в сторону распада симметричной конструкции: союзное соединение разрушается, и образуются два отдельных предложения, связанные бессоюзно. Например:

(77а) Его заявление кажется нам не только эгоистичным и оторванным от жизни, оно еще кажется дурацким самообманом, свидетельством тупости и ничтожества (Т.Манн, в пер. Н.Ман).

(77б) Но Кочубей богат и горд Не долгогривыми конями, Не златом, данью крымских орд, Не родовыми хуторами, Прекрасной дочерью своей Гордится старый Кочубей (Пушкин).

Такая возможность имеется, естественно, не при любых союзных соединениях. Она отсутствует, когда союзное соединение построено из одних союзов (и...и..., или...или..., ни...ни..., то...то... и др.). В этом случае первый компонент союзного соединения не способен употребляться без второго.

Вторая, противоположная стратегия поведения говорящего заключается в том, что он сохраняет симметрично сокращенную конструкцию и мирится с теми издержками, которые при этом возникают.

Рассмотрим предложение⁸

(78) А дождь все усиливался, и уже не капли, а струи потекли по оконному стеклу.

В более полном виде, исходном для операции сочинительного сокращения значение (78) содержит две пропозиции — потекли не капли и потекли струи. В них слова капли и струи выполняют тождественные роли по отношению к глаголу потекли, что и обеспечивает возможность сочинительного сокращения.

Обратимся теперь к предложению

(79) А дождь все усиливался, и уже не капли, а стремительные струи со свистом впивались в землю (Окуджава).

Это предложение, очевидно, построено точно так же, как и предыдущее, за одним исключением: слова капли и струи одинаково относятся к глаголу лишь синтаксически. Если бы это предложение было параллельно (78) и семантически, то свойство 'со свистом впиваться в землю' в равной степени относилось бы и к струям, и к каплям. Между тем, очевидно, что к каплям говорящий это свойство не относит, оно характеризует только струи. При этом, конечно, нельзя сказать, что каплям приписывается какое-то совершенно другое свойство, не имеющее к этому свойству никакого отношения. Разумеется, имеется в виду очень близкое свойство (что-то вроде 'падать на землю'), но только лишенное той интенсивности падения, которая свойственна струям.

Можно предположить, что при построении предложения (79) вновь вступили в игру прагматические факторы.

Первоначально, приступая к построению предложения, говорящий исходил из такого смыслового задания, в котором для обоих существительных речь идет об одном и том же свойстве — типа 'падать на землю'. Это и дало ему основания для того, чтобы построить симметрично сокращенную конструкцию не капли, а струи. С другой стороны, параллельно с этим, по мере продвижения к концу предложения шел процесс уточнения и конкретизации первоначального смыслового задания. У говорящего появилось намерение приписать струям более точную характеристику ('струи впивались в землю'). Возникает конф-

ликт между этим намерением и тем обстоятельством, что эта характеристика будет автоматически перенесена и на капли, а это, очевидно, не входит в цели говорящего.

Этот конфликт автор разрешает в пользу внесения уточнения в первоначальный замысел, как бы забывая, что он уже связан некоторыми обязательствами перед первым сочиненным членом.

Здесь стоит сделать ту же оговорку, которую мы уже делали выше в аналогичной ситуации. Сказанное не претендует на отражение реального хода мысли Б.Окуджавы. Мы делаем более слабое утверждение. Ничего не говоря о реальном процессе порождения предложения (79), мы утверждаем лишь, что оно (возможно, сознательно) построено так, как если бы его автор действительно "забыл" о каплях.

Следует подчеркнуть, что, подбирая словесное воплощение для глагольной группы, автор ориентируется именно на ближайший к ней сочиненный член, игнорируя более далекий. Это подтверждается тем, что изменение порядка слов немедленно делает предложение неправильным (или, во всяком случае, не позволяет осмыслить его в прежнем значении):

(80) *Со свистом впивались в землю уже не капли, а стремительные струи.

Хорошей аналогией может служить явление синтаксического согласования сказуемого с ближайшим из однородных подлежащих:

(81a) Надломился < *надломилась > дуб, а не сосна.

(81б) Надломилась < *надломился > не сосна, а дуб.

Интересно обратить внимание на то, что при том же первоначальном смысловом задании и том же запоздалом уточнении, касающемся струй, было бы возможно и асимметричное построение – в случае, если бы значение 'падать' было выражено уже в начале предложения.

(82) С неба падали уже не капли, а стремительные струи со свистом рассекали воздух и впивались в землю.

Различие между двумя стратегиями, запечатленными в пред-

ложениях (79) и (82), наглядно отражается квазипсихологическими ярлыками "забывание" и "спохватывание". В (79) говорящий, построив симметричную конструкцию, "забывает" о первом сочиненном члене. В (82) он поторопился отнести значение "падать" к обоим сочиненным членам, а затем, как бы спохватившись, исправляет сказанное.

Заключение

Подведем итоги. В данной работе вынесен на обсуждение класс синтаксических конструкций – так называемые асимметричные конструкции – интересные в нескольких отношениях.

Они близко родственны сочинительным конструкциям, хотя и не сохраняют их важнейшее свойство. Они занимают промежуточное положение между стандартным синтаксисом и языковой неправильностью.

Предложено синтаксическое описание, эксплицирующее их сходства и отличия от стандартных – симметричных – сочинительных конструкций. Из двух преобразований, необходимых для построения симметричных конструкций, в асимметричных используется только одно. Отсюда возникает два подкласса асимметричных конструкций – конструкции типа "Опущение без переноса" и типа "Перенос без опущения".

Подкласс "Перенос без опущения" ярко окрашен прагматически. Ядро этого подкласса составляют "неполучившиеся" симметричные конструкции. Говорящий начал реализовывать конструкцию как симметричную, но, столкнувшись с препятствиями, не довел свой замысел до конца. Конструкции типа "Перенос без опущения" – легализованный языком способ преодоления синтаксических конфликтов.

В заключение нам хотелось бы привести слова И. Бродского, сказанные им на недавних торжествах в Стокгольме и неожиданно перекликающиеся с нашей темой: "Начиная стихотворение,

поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее".

Примечания.

1. Остающаяся неоднозначность связана с тем, что слово, перед которым стоит первое или, может не быть вершиной словосочетания, открывающего сочиненный ряд; ср. (5в) и предложение Или (я испеку пирог, или [Маша сходит за пирогами]).

2. Предложение (9в) становится возможным при постановке сильного фразового ударения на глагол плавает. Однако при таком ударении слово зимой синтаксически относится к плава-ет, а нас интересует лишь такое прочтение, при котором зимой относится к сочетанию в бассейне, как в (9а).

3. Говоря более технически, в (9в) нарушается требование о том, чтобы в сочиненных отрезках соответствующие друг другу составляющие занимали одинаковые места. Подробнее об этом см. в книге [5, с.182].

4. В данном разделе использованы некоторые примеры и рассуждения из [6, с.49-53].

5. С точки зрения синтаксического поведения более чем двухместные союзные соединения (или... или... или..., то... то... то..., не то... не то... не то... и др.) можно свести к двухместным.

6. Пример заимствован из [7].

7. В предложениях (52а,б) несколько другой порядок слов:
 $a_1 X P \quad P' a_2 V$.

8. Здесь с некоторыми уточнениями воспроизводится пример из [1].

Список литературы.

1. Богуславский И.М. О некоторых типах неканонических сочинительных конструкций. - В кн.: Проблемы разработки формальной модели языка. М., 1987 (Серия "Вопросы кибернетики").

2. Русская грамматика. Том. 1. М.: Наука, 1980.

3. Русская грамматика. Том.2. М.: Наука, 1980.

4. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом А. — Бюл. НТИ, сер.2, 1974, № 10.

5. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

6. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.

7. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.

8. Грамматика русского языка. Том. 2., М.: Изд-во АН СССР, 1960.

9. Богуславский И.М. О понятии смещенного отрицания. Предвар. публикации Ин-та русского языка АН СССР. М., 1978, вып.107.

10. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-синтаксического компонента модели "Смысл — Текст". — Wiener Slawistischer Almanach, 1980, S. — Bd 1.

11. Tesnière L. Elements de syntaxe structurale. P., 1976.

12. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

13. Левин Ю.И. Некоторые замечания о применении трансформаций для описания синтаксиса русской разговорной речи. — В кн.: Семиотика и информатика. Вып.8, М.: М.: 1976.

14. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. М.: Учпедгиз, 1938.

Р.М.ВОЛЬФ

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И СЕМАНТИКА ПРОПОЗИЦИИ

1. Субъективная модальность и картина мира. Интерес к "человеческому фактору" и к субъективным аспектам языка способствует изменениям в трактовке целого ряда лингвистических категорий. Так, в частности, все больше внимания привлекает изучение модальностей, в первую очередь субъективных, и все более широким становится представление о них.

Субъективные модальности отражают различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания. Они весьма разнообразны по своей природе и в языке обозначаются самыми разными способами. Исчислить систему этих модальностей — задача трудно выполнимая [1].

Как правило, субъективные модальности описываются в связи с исследованием обозначающих их средств языка. Так, например, описание конструкций модус — диктум (пропозициональная установка — пропозиция) и их синтаксических реализаций включает перечисление значений, выражаемых модусами [2,3], или перечисление самих модусов, которое дает представление о разнообразии и многочисленности соответствующих смыслов [4, 5]. Модальные значения описываются в исследованиях вводных слов [6,7], модальных

частиц [8,9] . Однако, эти конструкции лишь частные виды субъективных модальностей, имеются и другие способы выразить подобные значения. Полное описание субъективных модальностей и средств их выражения в языке – дело будущего.

Очевидно, однако, что модальных значений меньше, чем обозначающих их языковых единиц, и что субъективные модальности объединяются в подклассы, которые характеризуются некоторыми общими свойствами. Один из таких подклассов образует модальность собственно оценки "хорошо/плохо" и ряд других, объединенных с оценкой общими признаками. Это, в частности, модальности "странности", "удивления", "неожиданности". Их сближает общность структуры модальной рамки.

В модальную рамку оценки, как и в модальные рамки других модальностей, входит целый ряд элементов [10,11] Основные из них это субъект оценки, ее объект (в том числе и целая пропозиция) и объединяющий их оценочный предикат. Кроме того, в модальную рамку входит ряд других составляющих, и в первую очередь фрагмент картины мира, – это система ценностей субъекта, включающая как систему ценностей социума, к которому принадлежит субъект, так и связанную с ней индивидуальную систему ценностей самого субъекта. Так, например, говоря Вася хороший инженер, мы представляем себе, какими свойствами должен обладать Вася, чтобы его можно было оценить как хорошего инженера. Когда говорят: А. Люба мне очень нравится. Б. Она не дураха. А. И не вылезла (пример заимствован из записей разговорной речи), предполагается, что отправитель и получатель сообщения знают, какими свойствами должен обладать человек, характеризующийся таким образом. Часто фрагмент картины мира эксплицируется в контексте: Нужно вам знать, что память у меня, невозможно сказать, что за

дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что в решето воду лей (Гоголь).

Важно подчеркнуть, что ценностная картина мира в представлении говорящих соотнесена с нормативной картиной мира, с ее стереотипными ситуациями и их характеристиками и с соответствующими шкалами оценок, где признаки движутся в сторону "+" или "-" с учетом нормативных свойств объектов. В системе собственно оценки "хорошо/плохо" норма, как известно, сдвинута в сторону "+" от нейтральной точки на шкале, где признаки уравновешены: в социальной картине мира оценка "хорошо" может совпадать с нормой или быть близкой к ней (ср. Как живешь? Хорошо, нормально), в то время как оценка "плохо" всегда подразумевает отклонение от нормы. Взаимопонимание в процессе коммуникации, где участвуют оценочные высказывания, невозможно без общих для говорящих представлений о ценностной картине мира. В случае, если у собеседников они различаются, неизбежны коммуникативные провалы. Это особенно заметно при эстетических оценках.

Модальность оценки – не уникальна. Есть множество других модальностей, построенных по типу оценки, то есть включающих в свою модальную рамку различные аспекты нормативной картины мира. Так, модальность "странности" (странно, что ...) включает представление о нормативной картине мира и отклонениях от нее: Странно, что в августе так холодно – высказывание предполагает знание "нормы" для погоды в августе в данном месте; Странно, что троллейбус стоит на тротуаре – предполагается, что говорящий (и соответственно адресат) знают, что троллейбус ездит по мостовой и на тротуаре стоять не должен. Ср. также: Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге (Булгаков); в чем заключается "странность" формы, сообщается в контексте. Еще пример: Странно было, что они собрались разом все, точно по зову,

хотя князь никого не звал (Достоевский); здесь нарушение нормативных представлений касается конкретной ситуации: так как князь никого не звал, собраться все разом не должны были; в подобных случаях модальность "странности" близка, как можно заметить, к модальности "ожидания".

Имеет много общего со "странностью" модальность "удивления", которая включает дополнительный элемент субъективной оценки: ср. Удивительно, что в августе так холодно; И что самое удивительное – вместо того, чтобы насторожиться, подумать, отчего здесь вдруг оказались волки, – этот чудак пошел к волчатам, ласково протягивая руки (Айтматов).

Во многих случаях вполне возможна замена выражений "странности" на выражения "удивления" и наоборот с небольшим изменением смысла, о котором шла речь выше: Где отряд? Где неприятель? Странно, что как будто бы в тылу стреляют (Булгаков); ср. Удивительно, что как будто бы в тылу стреляют (замене модуса несколько мешает другое модальное выражение как будто). Ср. также: Поэтому нет ничего удивительного в таком, хотя бы, разговоре (Булгаков) и Поэтому нет ничего странного в таком, хотя бы, разговоре. Ср. также замены в глагольных конструкциях: – Признаюсь, этот ответ меня удивил – мягко заговорил прокуратор (Булгаков) и Признаюсь, этот ответ мне показался странным – замена возможна при условии введения дополнительной субъективности (показался).

Представляется, что замена "странности" на "удивление" не только добавляет элемент субъективности, но и вводит интенсификацию. Это подтверждается возможностью употребления даже с фиксированным порядком элементов: ср. Объяснение было странное, даже удивительное и ? Объяснение было удивительное, даже странное. Ср. также: Все это показалось ему странным, даже удивительным и ? Все это показалось ему удивительным, даже странным.

Очевидно, сначала отмечается отклонение от нормы, а затем уже возникает обусловленное им субъективное эмоциональное состояние удивления — "удивление", таким образом, следует за "странностью", но не наоборот.

"Странность" может появляться и как мотивировка "удивления": Но он в удивлении смотрел на Аглаю: странно ему было признать, что этот ребенок давно уже женщина (Достоевский).

К этой же группе модальностей относится модальность "неожиданности". Она включает в свою модальную рамку представление об ожидаемом ходе событий с точки зрения модального субъекта, что также подразумевает знание нормального положения вещей: Вхожу по лестнице. Вдруг сзади какой-то гражданин в тужурке назад кличет (Зощенко); И вдруг, совершенно неожиданно, он вытащил из своего верхнего бокового кармана ...пакет (Достоевский). Как показало исследование употребления наречий вдруг, внезапно, неожиданно, семантика этих наречий (очевидно, как и других способов обозначения "неожиданности") связана с ожиданиями субъекта. Так, в толкование наречия вдруг включается семантический компонент "Р и непонятно, почему Р" [12]. Очевидно, это "непонятно" связано с представлениями субъекта о естественном ходе событий в соответствующей ситуации и соотнесено с нормой в ее динамике.

Существует, таким образом, класс субъективных модальностей, содержащих в своих модальных рамках представления о нормативных связях вещей и отклонениях от них и о нормальном ходе событий. К этому классу относится модальности "оценки", "странности", "удивления", "неожиданности" и, вероятно, ряд других. Отметим, что модальные выражения, связанные с нормой, в первую очередь указывают на отклонения от нее, что представляется вполне естественным: соответствие норме как бы входит в фоновые знания [13].

Существуют, однако, и модальные выражения, указывающие на нормальное положение вещей и естественный ход событий: естественно, что ..., как и следовало ожидать и т.п.

Особенностью субъективных модальностей является то, что они легко сближаются друг с другом и даже перекрещиваются по тем или иным признакам. Тем не менее, модальности "оценки" и "странности", "странности" и "удивления", "удивления" и "неожиданности", "неожиданности" и "ожидания" нельзя идентифицировать, они отражают разные фрагменты картины мира и разное отношение к норме, а в языке обозначаются разными способами.

Модусы как бы выстраивают события в ряды, помещая их в модальные рамки и связывая с другими событиями. Рассмотрим ряд примеров с еще одним модусом - "важности" [8], который близок к оценке и предполагает включение события в ряд, где имеется субъективная шкала иерархического расположения событий и их роли в развитии действия с точки зрения субъекта. Ср. следующие два примера, в которых показано место события в ситуации: Один московский врун рассказывал, что якобы во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из "Горя от ума" этой самой тётке, раскинувшейся на софе. А впрочем, черт его знает, может быть и читал, не важно это! А важно то, что в настоящее время владел этим домом тот самый МАССОЛИТ, во главе которого стоял несчастный Михаил Александрович Берлиоз до своего появления на Патриарших прудах (Булгаков); - Ты, Иван, - говорил Берлиоз - очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Атгис (Булгаков).

Модальность "важности" подразумевает тесную связь зависимой пропозиции с контекстом и присутствие дополнительных мотивировок. Так, в следующих примерах в зависи-

мой пропозиции находится оценка и здесь же мотивировки, подтверждающие и оценку, и ее важность для развития событий: Главное, что в Лугу съездить – сущее наказание.

Народу больно много (Зощенко); А самое главное, что дома в такое времечко именно лучше не сидеть, а находиться в гостях. А еще самое главное, и делать нечего (Булгаков).

Существуют, разумеется, как в реальном мире, так и в "возможных мирах", области, которые находятся за пределами модальных рамок и в них не входят; таковы, например, высказывания, "безразличные" к оценке: обозначаемые ими ситуации не включаются в ценностную картину мира. Это высказывания, истинные во всех возможных мирах, (так называемые \perp – истинные высказывания, это прежде всего законы логики и математики, см. о них [14] . ср. ? хорошо, что дважды два четыре), а также высказывания, относящиеся к одному из возможных миров, но не входящие в его мир ценностей: ? хорошо, что солнце садится на западе. Впрочем, по-видимому, любое высказывание можно, при определенных условиях, включить в ценностную картину мира (см. ниже).

Фрагменты картины мира входят в модальные рамки не только описанных выше субъективных модальностей. Так, например, "классическая" модальность – "возможности" включает фоновые знания о возможности осуществления того или иного события в данном "возможном мире". Отметим, что в других "возможных мирах" эти фоновые знания могут быть совсем другими: ср. Возможно, что придет Вася и ? Возможно, что придет умывальник. Первое высказывание в реальном мире представляется естественным, второе нет. Однако, если событие переносится в другой "возможный мир", например, в мир сказки, то такое высказывание становится возможным: Вдруг из маминой из спальни/Кривоногий и хромой/Выбегает умывальник/и качает головой (Чуковский).

Характерный сдвиг в картине мира происходит в метафорических высказываниях, где не вызывают удивления и становятся возможными события, не допустимые в реальности: Глядите, глядите, вон идет ветряная мельница (Гоголь), наименование метонимическое, относится к человеку.

Представление о событиях возможных и невозможных часто связано с реальными ситуациями и сопровождается мотивировками:

Вспоминая свое отрочество и особенно то состояние духа, в котором я находился в этот несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самого ужасного преступления, без цели ... (Толстой); Отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас (Булгаков).

Фоновые знания входят, как можно предположить, и в другие модальные рамки, например, "необходимости", "желания", отражая разные аспекты отношения модального субъекта к миру.

2. Модальность "невьясненной причины". Обратим внимание еще на одну субъективную модальность, которую можно назвать модальностью "невьясненной причины". Она включает, с одной стороны, представление о стереотипных связях объектов, а с другой – о нормативном ходе событий, связанном, как и в предыдущих модальностях, с "ожиданием". Основной способ ее выражения – модальное слово почему-то [15], обозначающее как отклонение от стереотипной картины мира, так и предполагаемые в данной ситуации скрытые причины событий. Ср. следующий пример, где почему-то указывает на отклонение от нормы: Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец (Булгаков); в норме глаза, составляющие парный объект, должны быть одинаковыми. От-

метим, что во втором предложении отклонение от нормы обозначается другим способом - союзом но [16], причем здесь возможна перефразировка: Брови черные, одна почему-то выше другой с изменением модальности - вводится указание на "невнятную причину". Ср. также: За столом председателя почему-то сидел секретарь (Можаев). Почему-то указывает на нарушение стереотипа: ожидается (а ожидание обычно соответствует стереотипу), что за столом председателя в норме должен сидеть сам председатель.

Почему-то широко сочетается с глаголами, обозначающими действия (при этом обязательна пресуппозиция фактивности): Вася почему-то не пришел - предполагалось, что Вася придет, но этого не произошло. Вероятно, в сложную модальную рамку "невнятной причины" входит дополнительная модальность предположения или ожидания. Ср. Вася почему-то пришел. Такое высказывание кажется менее естественным, чем предыдущее, хотя и допустимым, так как несостоявшееся событие реже включает имплицитную модальность предположения или ожидания. Но ср. Мы думали, что Вася не придет, но он почему-то пришел; здесь модальность предположения эксплицитна и высказывание вполне допустимо.

Высказывания с почему-то можно, вероятно, истолковать следующим образом: "Имеет место событие Р, а не не-Р, причем говорящий считает, что можно было ожидать не-Р и/или, что не-Р соответствует норме; при этом для Р имеется причина, которая не высказана, а возможно и неизвестна говорящему, но ее можно угадать на основе знания картины мира или ситуации". Иногда этому способствует контекст. Ср. в приведенном выше примере из М.Булгакова: Словом - иностранец. В картине мира данного социума иностранцу могут быть приписаны всевозможные отклонения от нормы; в данном случае: правый глаз черный, левый - зеленый. Определение иностранец оказывается мотивировкой для

нарушения стереотипа внешности. Следует, однако, отметить, что часто указание на причину служит лишь для того, чтобы подчеркнуть, что событие Р, которое имеет место, не является само собой разумеющимся, у него есть альтернатива – не-Р: могло быть не Р, а не-Р. "Невыясненная причина" вводит в контекст элемент "загадочности".

Рассмотрим ряд примеров: Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана (Булгаков). Ср. тот же пример, откуда устранен модальный элемент: Санитары вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана. Здесь налицо естественная последовательность событий, которая не предполагает ни альтернатив, ни вопросов об их причинах. Почему-то показывает, что соответствующих действий (Р) могло и не быть (не-Р) и что для данного положения дел имеются неназванные причины. Еще один пример: Швейцар двинулся было к привидению с явной целью преградить ему доступ в ресторан, но почему-то не сделал этого (Булгаков). Ср. при устранении почему-то: Швейцар двинулся было к привидению с явной целью преградить ему доступ в ресторан, но не сделал этого. Почему-то вносит в контекст дополнительную модальность, которая связана, подчеркнем, не с пропозицией, а со скрытой пропозициональной установкой – ожиданием: можно было ожидать, что он сделает Р (преградит привидению доступ в ресторан), но по невыясненной причине не сделал.

Ср. также: С первого момента я почему-то подружился с Бомбардовым. Он произвел на меня впечатление очень умного наблюдательного человека (Булгаков). Почему-то обозначает, что соответствующего действия могло и не произойти, но по невыясненной или невысказанной причине оно произошло. В дальнейшем контексте приводится мотивировка, намекающая на возможную область причин: Он произвел на меня впечатление очень умного наблюдательного человека. Ср., однако, пример, где событие Р плохо мотиви-

ровано картиной мира и при устранении почему-то кажется логически неоправданным. Мотивировок в контексте нет, о них можно лишь гадать: - Нарзану нету - ответила женщина в будочке и почему-то обиделась (Булгаков). Следует отметить, что актуализация элементов модального значения почему-то зависит от предиката, к которому почему-то присоединяется: так, действия предполагают в первую очередь альтернативу: произошло Р, а не не-Р, которого также можно было ожидать; состояния: имеет место Р, а не не-Р, которое соответствует норме. Ср. следующий пример, где положение дел связано с модальностью долженствования: надо Р, а не не-Р: Прибейте войлоком (говорят, непременно надо войлоком почему-то) (Достоевский); здесь почему-то предполагает альтернативный выбор: прибить надо войлоком (а не чем-либо другим), причём причины выбора неизвестны и самому говорящему, мотивировки приписываются третьим лицам: говорят ...

И, наконец, обратим внимание на пример, где возникает сложная игра причинных связей: Шурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он это прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост (Булгаков). В первой фразе причина действия шурился, высказанная в контексте, отрицается: не оттого, что ... нет! В следующей вводится указание на другую причину: не хотел ... видеть, но в свою очередь отмечается существование "невьясненной" причины для этого нежелания: не хотел почему-то видеть - почему-то указывает как бы на причину второго порядка, входящую не в пропозицию, а в модальную рамку. Намеком на скрытую причину, не соответствующую видимой, создается типичный для М.Булгакова иронический контекст.

Отметим, что смысл "невьясненной причины" (непонятно, почему) присущ не только данной модальности, где он явля-

ется основным, но входит как дополнительный элемент и в другие модальные рамки. Так, например, акцент на неясности причин реализации события Р присутствует в семантике слова вдруг [12], которое выражает модальность "неожиданности". Ср. следующий пример, где вдруг и почему-то в одном контексте дополняют и усиливают друг друга:

"Ненавистный город, - вдруг почему-то пробормотал прокуратор (Булгаков). Вдруг и почему-либо - вопросительный аналог почему-то - часто сопутствуют друг другу: Вдруг он почему-либо не придет? Ср. однако, *Разве он почему-либо не придет? [17]. Как можно видеть, для субъективных модальностей характерно переплетение элементов их семантической структуры: центральный элемент одной модальности предстает как периферийный в другой.

Типичное свойство субъективных модальностей - многообразие средств выражения каждой из них. Приведем ряд примеров, где модальность "невнятной причины" выражена другими способами, которые подчеркивают разные ее аспекты: потому что неизвестно почему вдруг возьмет - поскользнется и попадет под трамвай (Булгаков); ср. вдруг почему-то возьмет - поскользнется ... Неизвестно почему подчеркивает "невнятность" причины. Отметим, что там, где действие логически вытекает из предыдущего, возможность употребления почему-то и его аналогов сомнительна: ? вдруг возьмет-поскользнется и почему-то попадет под трамвай. Ср. еще пример: Кирпич ни с того, ни с сего - внушительно перебил незнакомец, никому и никогда на голову не свалился (Булгаков). Здесь возможна замена на неизвестно почему, но не на почему-то: этому препятствует смысл отсутствующей причины. И наконец: Вслед за тем, откуда ни возьмись, у чугунной решетки вспыхнул огонечек (Булгаков). Здесь, как и в предыдущем примере, модальность "невнятной причины" сближается с "неожиданностью". "Невнятная причина", как говорилось выше, может быть представлена и как отсут-

ствующая. Отсюда возможность замены (разумеется, со сдвигом в значении) в следующем примере: Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки (Булгаков); ср. Берлиоза почему-то охватил столь сильный страх.

Модальностей такого рода и соответственно модальных рамок, включающих различные фрагменты картины мира и фрагменты ситуаций, которые извлекаются из текста, чрезвычайно много. Исследование их структуры и взаимодействия позволит сделать шаг в направлении раскрытия модального аспекта текста, который, как представляется, может быть вычленен из сложного переплетения контекстных элементов и описан как некоторое самостоятельное целое, взаимодействующее с дескриптивным его аспектом.

3. Субъективная модальность и виды пропозиций. Все модусы неразрывно связаны по семантике с пропозициями, которые находятся в модальных рамках, причем в этих связях отражаются общие свойства и тех, и других. Так, например, пропозиция, соединяясь с модусом оценки, согласуется с ним по оценочному знаку в силу собственной семантики или приобретает соответствующий оценочный знак в контексте. Хорошо, что Вася просидел весь день дома подразумевает, что то, что Вася просидел весь день дома хорошо с точки зрения говорящего в пределах данной ситуации. Событие "просидеть весь день дома" само по себе не является ни хорошим, ни плохим, но, присоединяясь к модусу оценки, оно получает свое место в ценностной картине мира (разумеется в ограниченной ситуации, в данном месте, при данных условиях, для данного индивидуума). Столь же осмысленно противоположное по оценке высказывание: Плохо, что Вася просидел весь день дома. Существуют, однако, высказывания, обозначающие положения дел, которые сами по себе занимают определенное место в ценностной

картине мира: Вася смог поступить в Университет с первого захода; Объект был сдан в срок; Все дети знали таблицу умножения. Эти высказывания несут оценочный знак "хорошо" ("+"), потому что такая оценка содержится в ценностной картине мира. Сравним другой ряд: Вася не смог поступить в Университет; Объект был сдан с большим запозданием; Никто из детей не знал таблицу умножения — эти высказывания несут оценочный знак "-". Их можно назвать квазиоценочными — не содержа собственно оценочных модусов, они тем не менее обозначают оценку. Квазиоценочные высказывания, как правило, связаны с миром человека и с положениями дел, которых касаются социальные оценки.

Знак оценки, который имеют такие высказывания, актуализируется в сочетаниях с модусом, имеющим такой же оценочный знак: я рад, что Вася поступил в Университет — это вполне осмысленное высказывание, но ср.: ? Все были огорчены, что объект был сдан в срок? Учитель радовался, что никто из детей не знал таблицы умножения. Здесь знак "+" в модусе не согласуется со знаком "-" в пропозиции.

Рассогласование модуса и пропозиции по оценке нарушает стереотипные представления о мире. Нельзя однако сказать, что высказывания такого рода невозможны. Рассогласование по знаку означает, что в данной ситуации имеются дополнительные обстоятельства, сигнализирующие о нарушении стандартного распределения ценностей: Плохо, что Вася поступил в Университет с первого захода, ему бы не мешало еще набраться ума; Хорошо, что обвалился потолок, теперь нам дадут новое помещение. Без мотивировок эти высказывания вызывают недоумение.

Высказывания, вызывающие недоумение, возникают и в тех случаях, когда пропозиция обозначает положение вещей, не занимающее определенного места в ценностной картине мира. Ср. Я рад, что песок желтый. Хорошо или плохо, что песок желтый и чему здесь радоваться? Такое высказывание

требует мотивировок, вводящих пропозицию в мир ценностей окказиональной ситуации, например, ситуации фотосъемки — на фоне желтого песка лучше видны фигуры. Иными словами, структура высказываний с оценочным модусом отражает мир ценностей, присущий социуму.

Можно однако заметить, что присоединение модуса к пропозиции, которая сама по себе входит в соответствующий фрагмент картины мира, не есть тавтология. Модус действует сам по себе, оценивая пропозициональное содержание в целом; Плохо, что все хорошо кончилось (этим негодям следовало бы узнать, почему фунт лиха); Странно, что Петя вышел на трибуну в пиджаке и при галстуке (обычно он появляется в джинсах и майке). Рассогласование подразумевает, как уже отмечалось, дополнительные мотивировки. Вероятно, мотивировку можно найти всегда, хотя и не без труда, для любого сообщения о положении дел и при любом модусе. Это напоминает ситуацию с высказываниями типа зеленые идеи бешено спят — как известно, можно придумать контексты, где подобные выражения обретают смысл в картине мира.

Фоновые знания, соответствующие той или иной модальности, вероятно, могут быть описаны соответствующими пропозициями. Скорее всего их можно представить с включением модусов, ср. для оценки: Сдавать объекты в срок — хорошо; Поступить в университет с первого захода — хорошо; Не знать таблицу умножения — плохо; Появиться на трибуне в тапочках — странно и т.п. Выражения типа быть здесь, присидеть весь день дома, купаться в реке и т.п. в эту систему не входят.

Аналогичные свойства имеют и другие модальности, например, модальность "странности": Странно, что ты пришел и Странно, что оратор вышел на трибуну босиком. В первом случае пропозиция не соотносена с нормой, т.е. с фоном данной модальности, во втором случае сама по себе

означает отклонение от нормы. Соответственно в первом случае семантическое согласование по "+/- странности" не обязательно, во втором оно необходимо: Странно (+), что оратор вышел на трибуну в пиджаке и галстуке (-). Возможная реакция: Что же тут странного? Ср. также: Странно, что машина едет по тротуару, но? Странно, что трамвай идет по рельсам. Еще пример: Странно, что ты со мной не поздоровался, - здороваться принято согласно социальным нормативам. Но: Странно, что он со мной поздоровался - предполагаются дополнительные условия (отсутствие знакомства, плохие отношения и т.п.). Модус странно, что не присоединяется к пропозициям, которые выражают неоспоримые истины, входящие в стереотипное представление о мире: Странно, что Волга впадает в Каспийское море, Странно, что лошади кушают овес, хотя здесь возможно противоречие между стереотипами и тем, что можно назвать "особым мнением": Странно, что лошади кушают овес, я думал, что их кормят хлебом - мотивировки включают не оценку, а ссылку на другую возможную картину мира с другими нормами.

Специфические соотношения с социальными и индивидуальными представлениями о различных аспектах картины мира отражают и другие субъективные модальности. Так, например, модус "опасения" (боюсь, что ...) предполагает круг явлений, которые могут вызвать опасение, так как из них вытекают плохие следствия: Боюсь, что во дворе злая собака (она может укусить), но: Боюсь, что во дворе зеленая скамейка, вторая фраза требует дополнительных мотивировок (с зелеными скамейками у меня связаны тяжелые воспоминания).

Модусы эмоциональной оценки предполагают положение вещей, которое может, согласно фоновым знаниям, служить источником эмоций, причем характер этих эмоций также

определен ценностной картиной мира, — эмоция, как правило, включает оценочный знак "+" или "-": Я огорчен, что не смог вам помочь: но? Я огорчен, что смог вам помочь предикат смог помочь предполагает желание со стороны субъекта, то есть знак "+". Однако и здесь можно ввести мотивировку: Вы употребили мою помощь во зло. Отметим, что мотивировки, оправдывающие знак оценки, сами по себе должны быть оценочными. Эмоциональные модусы включают также представление о стереотипном положении вещей — отклонения от него вызывают отрицательные эмоции: Я огорчен, что лифт сегодня не работает (согласно норме, он должен работать), но:? Я огорчен, что лифт выкрашен в коричневый цвет — здесь нужны мотивировки. Но можно ли придумать мотивировку, если в модальную рамку эмоциональной оценки помещено L — истинное высказывание? Ср. Я огорчен, что $2 \times 2 = 4$ — поиск мотивировок для модальных объектов — одна из разновидностей семантических "игр".

Таким образом, в разных типах модальностей следует различать пропозиции, где модальный смысл возникает в результате их вхождения в модальную рамку и как следствие связи с модусом, и пропозиции, где модальный смысл присутствует на основе "картины мира". Это свойство — соединяться с двумя видами пропозиций — составляет, как кажется, одну из основных особенностей субъективных модальностей.

Модусы, снижающие категоричность высказывания [18, 19] также сочетаются с определенными видами пропозиций. Их семантика согласуется с прагматической установкой — насколько соответствующее положение дел затрагивает интересы участников акта коммуникации. Ср. Кое-где еще встречаются отдельные грибы — высказывание о мире, лишенное дополнительной модальности — и Кое-где еще встречаются отдельные недостатки — смягчение категоричности.

Различные модальные средства, смягчающие категоричность, выявляют специфику ценностей картины мира – существует, очевидно, общее прагматическое правило "оптимистического взгляда на мир", которое можно сформулировать как "обычно дела идут к лучшему". Рассмотрим следующий пример: ? Кое-где еще встречаются отдельные достижения. В чем его парадоксальность? В том, что слово со знаком "+" достижения оказывается в сочетании с еще и с кванторами кое-где, встречаются: все это предполагает плохое положение вещей, которое изменится в будущем к лучшему. В приведенном примере действует "Закон пессимизма", нарушающий нормативные представления о соотношении хорошего/плохого. Ср. также: У вас сколько имеется сбережений? Вопрос был задан участливым тоном, но все-таки такой вопрос нельзя не признать неделикатным (Булгаков); Здесь прагматическая модальность "смягчение категоричности" выражается целым комплексом средств – все-таки, нельзя не признать и самим оценочным словом неделикатный, где приставка не также смягчает категоричность.

Для модальных рамок "смягчения категоричности" пропозиции с оценочным знаком "-" более характерны, чем пропозиции со знаком "+": говорящий пытается смягчить неприятную для адресата информацию. Смягчение категоричности высказываний положительной оценки чаще всего встречается в ситуации лести [20] .

По-видимому, все показатели субъективных модальностей так или иначе ограничивают круг пропозиций, которые с ними сочетаются. Эти ограничения определяются фоновыми знаниями или элементами прагматической ситуации, входящими в соответствующие модальные рамки: ценностной картиной мира (для оценки), нормативной стереотипной картиной мира (для "странности"), отношением к интересам участников акта коммуникации (для "смягчения категоричности")

и т.п. Иными словами, модальные рамки включают фрагменты концептуальной картины мира, которые отражаются в субъективных модальностях. Если бы удалось построить для них единую систему, то можно было бы получить субъективный аспект картины мира, присущий данному социуму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хинтиikka Я. Виды модальности. Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
2. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
3. Bally Ch. Syntaxe de la modalit  explicite. // Cahiers Ferdinand de Saussure, 1942, N 2.
4. Gross M. Grammaire transformationnelle du fran ais: syntaxe du verbe. Paris, 1968.
5. Casteleiro J. Malaca. Sintaxe transformacional do adjetivo. Lisboa, 1981.
6. Урмсон Дж. О. Парентетические глаголы. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
7. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. О семантике вводного употребления глаголов. // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987.
8. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
9. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. М., 1985.
10. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
11. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
12. Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значения частицы "да": материалы к изучению семантики и праг-

матики диалога. // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1987.

13. Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык. // Язык и логическая теория. Сборник научных трудов. М., 1987.

14. Слинин А.Я. Теория модальностей в современной логике. // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.

15. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой "картины мира"). - Вопросы языкознания, 1987, № 3.

16. Санников В.З. Значение союза но: нарушение "нормального" положения вещей. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986, № 5.

17. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. О семантике частич разве и неужели. - НТИ, сер. 2, 1987, № 10.

18. Huebner A. Understatements and hedges in English. Amsterdam, 1983.

19. Шмайлов Д.Н. Некоторые аспекты семантики и прагматики смягченных утверждений в португальском языке. // Функциональная семантика и проблемы синтаксиса. М., 1987.

20. Pomerantz A. Compliment responses: Notes on the co=operation of multiple constraints. // Studies in the organization of conversational interaction. Ed. J. Schenkein. N.-Y. et al. 1978.

Н.И.ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА
К ПРОБЛЕМЕ ИЛЛОКУТИВНОЙ ЛОГИКИ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В
РЕЧЕВОМ АКТЕ)

Известно, что вопросительные предложения могут использоваться в иллокутивных актах вопроса, просьбы, приказа, неуверенного утверждения и др. Иначе говоря, с помощью вопросительных предложений можно производить все основные действия, которые осуществляются посредством языка вообще — "мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир" [1, с.194]. Наша задача состоит в том, чтобы попытаться прояснить механизм использования вопросительного предложения в прямых и косвенных речевых актах.

1. Вопросительное предложение в иллокутивном акте вопроса. Исходными в этой связи представляются два положения: 1) разграничение иллокутивного акта и пропозиционального содержания иллокутивного акта, пропозиционального показателя и показателя иллокутивной функции [2, с.156-157]; 2) приводимое Р.Конрадом положение Д.Вундерлиха о том, что вопросительное предложение содержит "открытую"

пропозициональную структуру [3, с.358-359]¹⁾ Полагаем, что именно своей "открытостью" пропозициональная структура (совокупность пропозициональных компонентов) вопросительного предложения принципиально отлична от пропозициональной структуры повествовательного (или утвердительного) и побудительного предложений²⁾. Остается, однако, неясным, каким именно образом в пропозициональной структуре вопросительного предложения формируется эта "открытость", соответствующая "состоянию незнания" спрашивающего.

По-видимому, "открытость" пропозициональной структуры вопросительного предложения обусловлена особым характером замещенности (или незамещенности) одного из компонентов его пропозициональной структуры. Этот особый характер замещенности создается, как будет показано, несколькими способами, но каждый раз в результате вопросительное предложение с "открытой" пропозициональной структурой является собственно вопросом (или чистым вопросом, или реальным...). Возьмем пропозициональную структуру 'вы идете в театр'. Определенные показатели иллокутивной функции дают возможность этой пропозициональной структуре быть пропози-

¹⁾ По мнению Р.Конрада, "... для описания вопросительных ситуаций... следует вводить в качестве дополнительного условия указание на исходное "состояние незнания". То, что говорящий уже знает, когда задает вопрос "?р", содержится в пропозиции "р", которая является открытой структурой в том смысле, что "р" определенным образом должна быть расширена до ответного предложения $p_A(p)$ " [3, с.362]. Кроме того, положение о возможном, "открытом", характере пропозициональной структуры вопроса согласуется, на наш взгляд, с мнением Дж.Серля и Д.Вандервекена о том, что "некоторые иллокутивные силы накладывают ограничения на пропозициональные содержания" [4, с.258].

²⁾ Ср. точку зрения Е.В.Падучевой: "смысл вопросительного предложения разлагается на пропозициональную компоненту и показатели иллокутивной функции, а пропозициональные компоненты утвердительных, вопросительных и побудительных предложений одни и те же" [5, с.17].

циональной структурой прямых иллокутивных актов утверждения (Вы идете в театр.) и вопроса (Вы идете в театр?). В русском языке пропозициональная структура вопросительного предложения Вы идете в театр? может сделаться "открытой" тремя способами – посредством такого показателя иллокутивной функции как сочетание т.н. вопросительной интонации и т.н. логического ударения: Вы идете в театр?; Вы идете в театр?. "Открытость" пропозициональной структуры вопросительного предложения Вы идете в театр? предопределена тем, что возникает смысл 'вы или кто-нибудь другой, не вы: он, они, они...'. При этом, как представляется, местоимение вы теряет свою дейктическую сущность и начинает выполнять функцию, близкую к функции кванторных местоимений – указателей лишь денотативного статуса того или иного выражения. В иллокутивном акте этот процесс может быть эксплицирован с помощью собственно кванторного местоимения и тогда вопросительное предложение принимает следующий вид: Кто идет в театр? Вы? (=Вы идете в театр?). Аналогичным образом формируется пропозициональная структура вопроса Вы идете в театр? (в театр или куда-нибудь в другое место, не в театр: в кино, концерт, парк...) → Куда вы идете? в театр?/= Вы идете в театр?).

В связи с изложенным становится, на наш взгляд, понятным, каким образом "открывается" пропозициональная структура т.н. вопросительного предложения с вопросительным словом, где "вопросительное слово" – кванторное местоимение указывает лишь на денотативный статус выражения, не называя его (Кто идет в театр?). Указание на денотативный статус может присутствовать в виде ряда пропозициональных компонентов Куда вы идете? В кино, (или) театр, (или) на концерт? (=Куда вы идете?), Вы идете в театр, кино, (или) концерт? (=Куда вы идете?). Таким же образом осознается как "открытая" пропозициональная структура вопросительного предложения типа Вы много зарабатываете?

(=Сколько вы зарабатываете?, т.к. много является здесь указателем денотативного статуса и поэтому близок по смыслу к сколько), Ты завтра туда идешь? (завтра = когда: Когда ты туда идешь?).

Несколько более сложно "открывается" пропозициональная структура в вопросительных предложениях типа Вы идете в театр? . Наличие т.н. логического ударения на глаголе-сказуемом в вопросах такого типа – не универсалия, а специфика русского языка (для французского, например, это совершенно не характерно: Allez-vous au théâtre?; Est-ce que vous allez au théâtre?; Vous allez au théâtre?³). Такое замечание потребовалось сделать в связи с тем, что, как представляется, "открыть" пропозициональную структуру данного вопросительного предложения можно через фрейм 'поход-в-театр', который представлен в вопросе двучленным рядом 'идете-в-театр' / 'не-идете-в-театр'. Этот ряд может быть в вопросе эксплицирован следующим образом: Вы идете в театр или не идете (в театр)? (= Вы идете в театр?), Вы идете в театр или нет? (= Вы идете в театр?) / во французском языке – точно также, несмотря на отсутствие логического ударения на глаголе-сказуемом: Vous allez au théâtre ou vous n'y allez pas? (=Vous allez au théâtre?); Vous allez au théâtre ou non? (=Vous allez au théâtre ?) / . Также "открытые" пропозициональные структуры, как представляется, имеют вопросы-сопоставления (Павел идет в театр. А вы?) и вопросы-отождествления (Павел идет в театр. И вы?)⁴.

3) Показатели иллокутивной функции (или, по крайней мере, их комбинации) могут варьироваться в зависимости от языка или от социолингвистической разновидности одного и того же языка (например, показатели иллокутивной функции иллокутивного акта вопроса – во французских литературном кодифицированном языке, разговорной речи, просторечии). Пропозициональные структуры должны обладать более универсальным характером.

4) В изложенном автор опирается на анализ собственно вопросительных предложений с точки зрения неизвестного [6,7].

II. Вопросительные предложения в косвенных иллокутивных актах: Вопросительное предложение начинает реализовать свой косвенный иллокутивный потенциал в том случае, когда его пропозициональная структура теряет свое свойство "открытости" и уже не отличается от пропозициональной структуры повествовательного (утвердительного) и побудительного предложений, а в вопросительном предложении остается тот или иной показатель вопросительной функции. В этом случае и говорится об употреблении вопросительного предложения в косвенном речевом акте.

Каким же образом пропозициональная структура вопросительного предложения теряет свою "открытость"? На наш взгляд, это происходит именно в процессе и в силу употребления вопросительного предложения в самих актах—"невопросах" ⁵⁾. Пропозициональная структура вопросительного предложения "закрывается" в том случае, если вопросительное предложение используется не по своему прямому назначению — таков механизм функционирования вопросительных предложений, который проявляется только при анализе с точки зрения теории речевых актов. Например, пропозициональная структура 'кто идет в театр' может быть пропозициональной структурой вопросительного предложения Кто идет в театр?, используемого в разных иллокутивных актах. Во-первых, в иллокутивном акте вопроса, и здесь имеет, как уже было показано, пропозициональную структуру, "открытую" посредством кванторного местоимения кто (это — употребление вопросительного предложения в прямом для него иллокутивном акте). Во-вторых, в иллокутивном акте "заглавия" Кто идет в театр./?

⁵⁾ Связь между возникновением "косвенного значения" вопросительного предложения и употреблением этого предложения в косвенном иллокутивном акте видит, например, Р. Конрад: "Осмысление же в качестве косвенной просьбы возникает только в том случае, когда речевая ситуация... сама по себе становится ситуацией просьбы" [3, с. 354].

(= Вот кто идет в театр.), и здесь обладает обусловленной самим его употреблением "закрытой" пропозициональной структурой – за счет "дейктического" употребления местоимения кто (= вот кто, вот те, кто), потерявшего свои "кванторные" свойства. В-третьих, в иллокутивном акте "утверждения противоположного" пропозициональная структура вопросительного предложения (Кто идет в театр? = Никто не идет в театр./!) "закрывается" во многом за счет перехода кто из одного разряда кванторных местоимений, вопросительных, в другой, местоимения отрицательные (кто = никто).

Косвенный иллокутивный потенциал вопросительных предложений, по-видимому, практически не ограничен. Его представление в виде списка иллокутивных актов, в которых вопросительное предложение может употребляться, зависит в большой степени от представления в виде списка самих иллокутивных актов. Пока, однако, общепринятой классификации иллокутивных актов, насколько нам известно, не имеется.

В лингвистической литературе о речевых актах нередко так или иначе затрагивается использование вопросительных предложений в косвенном иллокутивном акте просьбы [3, 8, 9]. В этой связи представляет интерес одна проблема, поставленная Д.Гордоном и Дж.Лакоффом: «Любопытно, что нет способа выразить отрицательную просьбу посредством вопроса, относящегося к будущему. Иными словами, нельзя передать смысл приказа Don't take out the garbage! 'Не выноси мусор' ни с помощью вопроса Won't you take out the garbage! 'Не вынесешь ли ты мусор?', ни с помощью вопроса Will you take out the garbage! 'Вынесешь ли ты мусор?'. Мы не знаем, чем это объясняется» [9, с.300]. Нам представляется, что это можно объяснить, привлекая понятие т.н. гибридного речевого акта, представляющего собой "теоное сцепление и взаимное наложение двух различных акторечевых ситуаций" [3, с.378].

В данном случае мы имеем дело с гибридным речевым актом вопроса-просьбы (а не с косвенным речевым актом!). "Теосному сцеплению" и "взаимному наложении" вопроса и просьбы способствует использование здесь ряда глаголов специфической семантики, в примере Гордона – Лакоффа глагола выносить. В гибридном иллокутивном акте просьбы-вопроса используется "открытая" пропозициональная структура (в отличие от косвенных иллокутивных актов – см. выше): 'вынесешь – мусор' / 'не вынесешь – мусор'. Здесь не потеряло свою "отрицательную силу", как и в иллокутивном акте вопроса, где: Он выносит мусор? = Он не выносит мусор?; Он вынесет мусор? = Он не вынесет мусор? (ср.: Вы идете в театр? = Вы не идете в театр?; Вы пойдете в театр? = Вы не пойдете в театр?). Именно в связи с такой потерей "отрицательной силы" не вопросительные предложения типа Вынесешь (ли) ты мусор? и Не вынесешь (ли) ты мусор? не способны передать смысл приказа Don't take out the garbage! 'Не выноси мусор'. В этих вопросительных предложениях могут употребляться лексические иллокутивные показатели функции, например: Пожалуйста, ты не вынесешь (вынесешь) мусор?; Please, will you get me a glass of water?; Will you get me some water, please? (примеры Гордона – Лакоффа); Gibst du mir bitte mal das Buch? (пример Конрада).

Действительно косвенным (а не гибридным) иллокутивным актом является иллокутивный акт предположения, догадки ⁶⁾. Вопросительные предложения, используемые в этом акте, имеют "закрытую" пропозициональную структуру (как предложения в иллокутивном акте утверждения) и парентетически употребленные разнообразные лексические показатели функции. В русском и французском языках в этом иллокутивном акте могут встречаться, например, следующие вопросы-

⁶⁾ "Предположение – положение, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина" [10, с.474].

тельные предложения: Вы идете в театр, не правда ли?; Вы идете в театр, не так ли?; Вы идете в театр, правда?; Вы идете в театр, да?; Вы идете в театр, верно?; Вы идете в театр, что ли?; Вы идете в театр, так?; Вы идете в театр, кажется?; Вы идете в театр, я полагаю?; Вы идете в театр, как я полагаю?; Вы идете в театр, как я понимаю?; Вы идете в театр, наверное?; Вы идете в театр, надеюсь?; Вы идете в театр, стало быть?; Вы идете в театр, очевидно?; Ведь вы идете в театр?; Значит, вы идете в театр?; Вы, должно быть, больны?; Vous allez au théâtre n'est-ce pas?; Vous allez au théâtre, pas vrai?; Vous allez au théâtre, non?; Vous allez au théâtre, hein?; Vous allez certainement au théâtre?; Vous allez au théâtre, j'espère?; Vous allez au théâtre, je parie?; Vous allez au théâtre, je crois?; Vous allez au théâtre, je présume?; Vous allez au théâtre, je pense?; Vous allez au théâtre, au moins?; Vous allez au théâtre, naturellement?; Vous allez au théâtre, sûrement?; Vous allez au théâtre, sans doute?; Par conséquent, vous allez au théâtre?; Alors vous allez au théâtre?; Donc vous allez au théâtre?; Ainsi vous allez au théâtre?; Vous allez au théâtre, à ce qu'il paraît?; Vous allez au théâtre, à ce que je comprends?; Vous devez être malade?; Il faut que tu sois malade?

Сопоставление списков вопросительных предложений, используемых в обоих языках в иллюкутивном акте предположения, догадки, выявляет одну особенность показателей иллюкутивной функции во французском языке: для того, чтобы служить показателем иллюкутивной функции, не всем французским лексическим единицам необходимо находиться в парентетической позиции, они могут быть в той позиции, которая не лишает их дескриптивного смысла. Например, глаголы devoir 'долженствовать' и falloir 'надлежать', наречия naturellement и sûrement используются так, что возможно и парентетическое (1) и дескриптивное (2) толкование: Il doit

vous rendre heureuse, mon enfant? = Должно быть, вы с ним очастливы, детка? (1) / Он должен вас сделать счастливой, детка? (2); Il faut que tu sois malade ? = Ты, наверное, заболел? (1) / Нужно, чтобы ты заболел? (2); Elle est naturellement blonde?, Elle est blonde naturellement ? = Она, конечно, блондинка? (1) / Она - натуральная блондинка? (2); Il marche sûrement sur la glace?, Il marche sur la glace sûrement? = Он, конечно, идет по льду? (1) / Он уверенно идет по льду? (2) ⁷⁾. Дескриптивное употребление указанных лексических единиц может иметь место в иллокутивном акте вопроса (но не только, например: Elle est naturellement blonde, n'est-ce pas ? 'Она - натуральная блондинка, правда?'; Il doit vous rendre heureuse, pas vrai? 'Он ведь должен сделать вас счастливой, верно?'), а парентетическое - только в косвенных речевых актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
2. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Там же.
3. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
4. Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

⁷⁾ Более подробно о французских лексических показателях иллокутивной функции в иллокутивном акте предположения, догадки см. [7, с. 70-93].

6. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977; Она же. Русская грамматика. М., 1980, т.2, Синтаксис. §2629-2640.
7. Голубева-Монаткина Н.И. Французская диалогическая речь в сопоставлении с русской (Вопросительное предложение). М., 1985.
8. Вежицка А. Речевые акты.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
9. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения.// Там же.
10. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, М., 1975.

Т.М.НИКОЛАЕВА
"ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДЕМАГОГИЯ"¹⁾

I. Многие науки, считающиеся особенно точными и почитаемыми, изучают подвластный им объект с одной точки зрения: "Как это устроено?". Условно говоря, это науки, относящиеся к неживой природе. Биологам же уже недостаточно знать о своем объекте, как он устроен, знать его "морфологию", необходимо понять и внутренний механизм функционирования различных компонентов изучаемой системы. Им важно знать и "Как это устроено?" и "Как это функционирует? Зачем оно?". Счастливая особенность лингвистики – в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Таким образом лингвистам необходимо пройти три этажа: "Как это устроено?" + "Как это функционирует?" + "Как можно всем этим манипулировать?". Иначе говоря, лингвистика – наука

¹⁾ Ряд положений, высказывавшихся в настоящей статье, обсуждался ранее в связи с докладами автора на следующих семинарах: "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности." Школа-семинар "Телави-83"; "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности". Школа-семинар "Кутаиси-85"; "Летняя школа по семиотике", Клярику, 1986. См. соответствующие тезисы этих семинаров.

сложная, поскольку ее объект оказывается неизмеримо (точнее, на несколько порядков) сложнее объектов других наук, именующих себя точными.

2. Функция внушения, убеждения, воздействия установлена для языка давно. Интересно понять механизмы этой функции. Воздействие может быть прямым, "лобовым": "Да вы не слушайте! Это же просто глупости!"; "Какой-же он умница"; "Задача слишком простая, а Вы ее не решили" и т.п. Это прямое воздействие в основном осуществляется лексически-ми, словообразовательными средствами — такими, где оценка входит непосредственно в словесную семантику. Однако, оценка может быть "спрятана", "замаскирована". Например: Он получил звание профессора? — Это при его-то знаниях ему все-таки дали. Здесь нет прямого положения: Он мало знает, про-позитивная часть семантически минимальна, а асоертивная часть прячется под пресуппозитивную: факт его невежества всем известен. Подобные явления мы предлагаем называть "лингвистической демагогией". Суть ее — в оценочном воздействии на адресата, не выражающемся прямо, "в лоб". Попытаемся показать некоторые особенности такого перлокутивного феномена, а также — что на наш взгляд более интересно — его социальный генезис.

Как мы полагаем, основной посылкой разбираемых далее "лингводемагогических" феноменов является ощущение социального одиночества. При нетерпимом отношении к этому явлению возникает установка на создание коммуникативно плотного пространства без лично-стно незаполненных лакун. Иначе говоря, за говорящим индивидом должен стоять некий социум. В случае реальной "незаполненности" и/или вербальной невыраженности мнений этого социума в речевом поведении говорящего манифестируются две тенденции: построение максимального социума языковыми средствами и выражение мнения этого социума. Таким образом, "генерируется" позитивная референтная группа. Как внушает го-

ворящий, эта группа мыслит и полагает так, как и он, точнее, он говорит и мыслит как и "все они". Поскольку установочной задачей здесь является плюрализм, то соответствующее отражение он получает и в языковом употреблении.

1. Одним из первых средств "лингводемагогии" являются так называемые "универсальные высказывания". Например, Все мужчины подлецы, Не обманешь — не продашь, На всякого мудреца довольно простоты и т.д. Характерна здесь неоднократно отмечаемая свободная взаимозаменяемость сингуляриза и плюралиса. Эти высказывания универсальны, тем самым, согласно теории К.Поппера, они в принципе не верифицируемы, а потому и не подлежат обсуждению. По нашему мнению, стоящая за ними множественность отражает не столько множественность фактов, сколько множественность носителей сознания, передаваемого в подобных текстах.

2. Универсальные суждения не всегда сообщаются в прямой форме, в которой они были бы особенно уязвимы, адресату часто предлагаются генерализации. Эти скрытые генерализации часто входят в высказывания с частями определенного типа. Например, Работы здесь на полчаса. Но ведь они старики. За этим стоит генерализация: "Старики не в состоянии быстро выполнить даже и легкую работу". Мрачный он что-то. И на толстаков порой находит тоска. Скрытая генерализация: "Толстяки обычно жизнерадостны".

3. К универсальным высказываниям, явным или имплицитным, примыкают и высказывания, за которыми стоит понятие н о р м ы . Норма — это скорее результат биологического существования человека и его этикетного поведения; генерализованные же высказывания, скорее, отражают как бы результат коллективного человеческого опыта. В "лингводемагогических высказываниях" имеет место создание как бы общепризнанной нормы, т.е. мнения формируемого социально плотного пространства. Например, Она уже в десять лет проела всего Тургенева (очевидно, в этом возрасте читать

Тургенева рано). Некоторые высказывания гримируются под норму (на самом деле обычно социально размытую). Например, Она даже волосы не красит (это нужно делать? или уместно оставаться седой?). Вы моетесь уже полчаса (А сколько нужно мыться?) и под. Как известно, высказывания типа Вы даже дверь за собой не закрыли воздействуют сильнее, чем простой императив: Закройте дверь! Частицы также являются одним из активных средств построения квази-нормы формируемого социума. При лингводемагогической установке высказывать свое собственное отношение и мнение, выдавая его за объективную норму, обычно: для каждой субъективной модели существует своя объективная, под которую она гримируется; ср.: У нее высокая температура. Нужно вызвать врача и Уже восемь часов вечера. Не садиться же работать.

4. И генерализация, и норма, создаваемая лингводемагогическими средствами, обычно отражают некий всеобщий социум, глобальный человеческий универсум. Более узкий круг множественного и единого мнения создается особым перлокутивным средством, состоящим в мене ассерции и пресуппозиции. А именно — коммуникативная установка, то, ради чего делается сообщение, маскируется под пресуппозицию, под общеизвестный фонд представлений, тогда как формально утверждаемая часть иллокутивно облегчается и содержательно упрощена. Как известно, ассертивное значение высказывания выражается его пропозициональной частью. Это основные компоненты главного предложения, максимально очищенного от контекстно-модальных коннотаций. Оказывается, что наиболее действенным в лингводемагогическом плане является помещение подлинно ассертивного компонента не в пропозициональную часть высказывания. Какие же именно части синтаксической структуры высказывания его заключают?

1) Обстоятельства. Он все-таки пришел после этой своей выходки. Сообщается: "Его выходка была недостойна". Его,

при всей его бездарности, все-таки выдвинули в Академию. Сообщается: "Он бездарен, и, что самое главное, это все знают". Несмотря на их отношения, их все-таки послали вместе в командировку. Сообщается: "У них "такие" отношения". Естественно, что подобный намек на общеизвестные всем, кроме адресата, сведения, воздействует гораздо сильнее, чем прямое сообщение, например, Он бездарен, Тогда собеседник вполне может возразить: Что Вы, а мне так не кажется.

2) Частицы, вводимые в высказывание об индивиде и также отсылающие к "общему" фонду знаний. Так, введение частицы ведь гасит силу пропозициональной ассертивности (и тем самым дискуссионности), делает высказывание более цельным, воспринимаемым как необсуждаемый факт. Ср. Ведь она жуткая дура! и Она жуткая дура! Сходные функции выполняет и частица же: Он же не знает английского! У него же плохое произношение! и под.

3) Маскируемая под пресуппозицию ассерция помещается в придаточную часть сложного предложения. Например, Ему некогда для Вас написать, так как его всюду приглашают. Сообщается: "Его всюду приглашают".

Во всех указанных случаях воздействие на адресата осуществляется путем отсылки его к создаваемому в процессе коммуникации фантому "общего фонда". Поэтому собеседник не решается оспаривать сообщаемое, уже как бы известное всем, кроме него. Ср. При его трусости... и Он трус. В последнем случае гораздо больше опасности услышать возражение.

Б. Множественность создаваемой референтной группы выражается и в формах глагола-сказуемого типа говорят, считают, сказали, думают и т.д., и во введении в качестве обстоятельства-кулисы при подобных глаголах в форме множественного числа обозначения социальной институции, например, В институте считают, что..., А в классе про тебя говорят,

В секторе не любят... и т.д. (К сожалению, нам пока не удалось решить проблему того, каково реальное соответствие этим создаваемым в коммуникации социумам. То есть: в институте... это кто? и сколько должно быть "их"? Каковы их социальные амплуа?).

6. К этому же виду средств "лингвистической демагогии" примыкает и распространившаяся в последние годы манера (говорить на "они")», при этом местоимение третьего лица множественного числа употребляется и в том случае, когда беседа шла только с о д н и м (причем иногда и всем реально известным человеком). Например, Я была в издательстве "Наука". Они думают дать переиздание моей книги; Зашел я в "Союз композиторов". Они думают пригласить меня на вечер встречи и под. При этом можно вполне услышать: Я зашла к ученому секретарю. - Ну, и что тебе сказали? Что они думают? Подобная структура становится в настоящее время все более активной и вытесняет аналогичную структуру с безличной конструкцией: В Издательстве хотят сделать то и то; Мне звонили из "Союза композиторов" и под.

Представляется, что распространяющаяся конструкция с они в указанном значении употребляется тогда, когда речь идет об акции непрестижного представителя престижной в целом корпорации: употребление подлежащего они вместо безличной конструкции как бы включает в они и самых престижных членов корпорации. Так, человек, поговоривший с Президентом Академии наук, вряд ли употребит они в этом случае (таким образом мы имеем теперь нечто обратное былому они, относящемуся к индивиду - престижной персоне).

7. Как видно из приведенных примеров, множественность как языковая категория совмещается в большинстве подобных высказываний с н е о п р е д е л е н н о с т ь ю, нереферентностью как при названии деятеля, так и при названии действия: Говорят - Кто-то считает - Кое-кто считает - Один человек сказал - Был как-то один случай и под. Все это хорошо известно из фольклористических исследований

так называемых "былиночек", т.е. рассказов о необычайных, сверхестественных явлениях. Таким образом создаются фантомные члены социума: неопределенность выполняет те же социальные "лингводидактические функции", что и плюрализация.

8. Широкое употребление форм множественности глагола и имени, а также активное введение неопределенности совмещаются в высказываниях анализируемого типа с особыми формами глагола, так называемого неактуального статуса: Не обманешь — не продашь, Так принято, Один человек тут рассказывает, Говорят, что... и под. Эти формы глагола не совмещаются обычно с наречиями-локализаторами типа 15 мая 1911 года в селе Петрово и т.д. Подобная несовместимость конкретизирующих наречий с глаголами неактуального статуса является изученным фактом синтаксической семантики.

Таким образом за всеми перечисленными приемами, включающими в себя явления чисто синтаксические, тенденции к предпочтению одних типов высказывания и избеганию других, к выбору одних грамматических категорий и неупотреблению других стоит все та же коммуникативная программа: плотное заполнение социального пространства при перлокутивной установке на убеждение. Плотный социум выгоден говорящему, который его создает и конструирует его мнение. Таким образом формируемое при помощи лингводидактических приемов коллективное сознание предстает воплощенным в высказываниях, денотативный статус которых минимально конкретизирован, не соотносен с реальной действительностью.

9. Все сказанное распространяется не только на языковые формы построения позитивной социальной группы и ее мнения. При помощи плюрализации глагольных форм, неопределенности имени и действия, неактуальности денотативного статуса сказуемого может создаваться социум фанто-

м о о б р а з н о г о п р о т и в н и к а, обычно неединичного (ср. множественное и неиндивидуализированное представление русалок, чертей и под). Существенно, что фантомы коллективного сознания здесь тоже размножены. Даже в науке существуют особые приемы совмещенности в пейоративной номинации неопределенности и множественности типа Некоторые ученые полагают...; В отличие от некоторых лингвистов... и под.²⁾ Таким образом, противостоящий "своему" корпус также плотен и гомогенен.

Если при воздействии на отдельное лицо используются, как мы уже указывали, различные формы создания социума с мнением, совпадающим с мнением говорящего, то при создании негативного плюралиса используются особые приемы плюрализации по отношению к поведению адресата. Интересно, что при подобных, часто встречающихся в коммуникации конструкциях, вполне обычный поступок приобретает пейоративную оценку. Это явление было нами названо "мультипликацией". К средствам мультипликации относятся: умножение имен действия, плюрализация действий, плюрализация ситуаций через превращение в итератив благодаря наречиям типа вечно, постоянно, обычно и под. Например, Вот Вы по театрам все ходите, а я дома сижу — говорится человеку, бывшему в театре, например, один раз. Вы ведь всегда интересуетесь, сколько кому лет — говорится лицу, всего однажды задавшему подобный вопрос. Мультипликация обладает свойством снижать и делать обидными даже и внешние комплиментарные высказывания. Например, Вечно ты в новом платье! Характерно, что к подобной форме мультипликации единичных поступков примыкают и высказывания с глаголами-скажу-

2) ряд развиваемых в данном месте статьи мыслей перекликается с положениями, высказанными А.Б.Пеньковским в докладе на "Реформатских чтениях" 1987 г., посвященном "категории чуждости" в современном русском языке.

емыми типа любишь, предпочитаешь, привык(ла) и т.п. Этот вид "негативной плюрализации" также сочетается с неопределенностью (ср. примеры А.Б.Пеньковского "Ходят тут всякие" - при обращении к одному человеку).

И однако - функции позитивного и негативного плюрализма различаются. Правда, в обоих случаях плюрализация направлена против адресата и - как следствие этого - против индивидуального, но при "лингводемагогическом воздействии" (убеждении) умножается некий фантомный социум, мнение которого как бы отражается, в случае же негативного плюрализма умножаются поступки адресата, ситуация, когда он вел себя, по мнению говорящего, негативным образом.

10. В отношении к отдельному индивиду "лингводемагогической" тенденцией является мультипликация его поступков, оценивающихся как негативные, хотя бы подобный поступок и был единичным. Это приводит к тому, что уже сама по себе мультипликация, отнесенная даже к нейтральному поступку, как бы делает этот поступок если не негативным, то странным или курьезным (например, я была свидетелем обиды по поводу фразы Вы обычно любите в командировках зубную пасту покупать).

Другой стороной той же тенденции является упрощение характеристики адресата, не мультиплицируя признаки, а напротив, минимизируя их. Это можно назвать стремлением к характеристике одним признаком. Так, в частности, происходит характерологическое склеивание ряда оценочных прилагательных, по сути не являющихся синонимами. Нами был собран не приводимый в настоящей статье подробно материал (данные Словарной картотеки словарного сектора Института языкознания АН СССР) по употреблению трех пучков оценочных прилагательных: тихий - скромный, волевой - энергичный, пустой - легкомысленный. Все эти пары-связки совсем не синонимичны. Человек скромный по существу своему может и не быть тихим,

внешне тихий может быть жестоким честолюбцем, энергичный человек вполне может быть безвольным, а волевой — сдержанным, мало тратящим энергию. Однако, как видно по данным картотеки, это объединение в одну характеристику встречается у большинства писателей. Тенденцию к разрушению клише встретили мы только у И.С.Тургенева: Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно ("Первая любовь"); Настасья Карповна клала земные поклоны и вставляла с каким-то скромным и мягким шумом ("Дворянское гнездо"); Он замечательно умный человек, хотя, в сущности, пустой ("Рудин"); Рядом с нею сидела сморщенная и желтая женщина лет сорока пяти, декольтие, в черном токе, с беззубой улыбкой на напряженно озабоченном и пустом лице ("Дворянское гнездо").

Названные пучки оценочных прилагательных-характеристик употребляются в основном в функции предиката или легко могут быть трансформированы в предикат в этом значении. Глубокое коммуникативное различие идентификации и предикации подчеркивалось неоднократно и разными авторами. Действительно, коммуникативные усилия на предикацию и идентификацию затрачиваются разные: так, в любой "средней" беседе огромное значение придается точности идентификации объекта речи, хотя бы объект назывался только для примера и был в сущности для развития беседы безразличен. Иными словами, коммуникативная значимость предиката бывает затемнена и/или аннулирована идентификацией субъекта. Здесь напрашивается аналогия с оценочными характеристиками неодушевленного объекта, которого обычно характеризуют по одному признаку (например, высокий), хотя у него есть и другие измерения. Так и за человеком при коммуникативной характеристике обычно закрепляется одна какая-то черта, которая и сообщается. Таким образом, обилие оценок, предоставляемое лексическим богатством прилагательных, в коммуникативном плане сводится к небольшому числу базовых штампов. Это способствует нивелировке характеризуемых ин-

дивидов и большей свободе манипулирования социальными ролями. Эти тенденции опять возвращают нас к "лингводидагогической" идее обязательного создания плотного коллективного социума.

II. "Лингводидагогические тенденции" можно усмотреть в коммуникативной манипуляции лексической многозначностью. Например, слово настоящий означает не только "соответствующий какому-то эталону, подлинный", но и "позитивный" с очень явной оценкой: Гордость и мужество — основные качества настоящего человека — тот, кто не имеет этих качеств, недостоин уважения. Это слово — настоящий — часто в коммуникации закрепляется за абстрактными родовыми понятиями вроде человек, мужчина, женщина, ребенок и постепенно становится, употребляясь в коммуникации, неким средством семантики убеждения, аналогичным универсальным высказываниям, т.е. неverified коммуникативным приемом. Например (из словарной картотеки ЛО ИЯ): Как все настоящие ученые, он был романтиком. По сути это не вполне очевидно, может быть настоящим ученым и суховатый человек, но слово настоящий в подобных контекстах оказывает гипнотическое действие.

Еще больше можно сказать о слове жизнь. Именно лингводидагогическим приемом является указание на собственную максимальную приближенность к жизни, к реальной структуре мира. Небезынтересно, что как антипод этому сознанию обычно предстает образ некоего мечтателя-ученого, абсолютно далекого от соотнесения с действительностью. Этим обобщенным образом чаще всего бывает тип ученого-астронома или химика. Между тем именно астрономам принадлежат максимально точные и конкретные открытия. Так, открытие планеты на "кончике пера" есть плод оптимальной и точной включенности в действительность. Все факты подобных открытий обычно регистрируются в виде высказываний с языковыми показателями дейктического и конкретного актуального характера.

Например, В перигелии своей орбиты Плутон получает от Солнца света и тепла в 890 раз меньше, чем Земля, а в афелии в 2 450 раз меньше (БСЭ, 2-изд., т.33, с.302) ср. здесь языковые показатели определенности, актуального глагольного статуса, денотативной референтный приближенности и личной соотнесенности актантов.

Итак, в данном случае мы имеем дело с разными значениями слова действительность (реальность, жизнь и под.). С одной стороны, действительность – это окружающий нас материальный мир, а с другой стороны, житейские будни, повседневные приземленные заботы. Таким образом "далекие от жизни" астрономы максимально приближены к конкретной действительности в первом смысле, а создающие фантомные социумы носители "лингводемагогического" поведения – во втором смысле. Точнее, в реальном речевом употреблении обычно представлено перлокутивное изменение: перемещение квалификаций одного типа на объекты, принципиально оценивающиеся другим способом. Эта транспозиция атрибутивных моделей и создает мифологемы социальной оценки.

В настоящей статье было перечислено лишь несколько способов "лингвистической демагогии", т.е. воздействия посредством оценки, осуществляемого не прямым, "лобовым" способом, которые, как нам казалось, нам удалось заметить. Несомненно, что дальнейшие исследования углубят и расширят эту пока только намеченную область лингвистической коммуникации.

ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ: ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ. МОДАЛЬНОСТЬ

М.А. ДМИТРОВСКАЯ
ЗНАНИЕ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

В истории философии проблематика знания всегда разрабатывалась в тесной связи с поисками критериев безошибочного, истинного, абсолютно достоверного знания. В рамках этой главной задачи велся спор между рационализмом и эмпиризмом, выдвигались различные критерии истинного знания (умопостигаемость, проверяемость, фиксируемость органами чувств и т.д.). Однако скептицизм – с одной стороны – и релятивизм – с другой – признавали недостаточными любые критерии истинности знания или, точнее, того, что принимается нами за знание. Этой тенденции противостояло постоянное обращение к "здравому смыслу", что делало настоящим поиском все новых и новых оснований. В неопозитивизме проблематика знания предстала в качественно ином ключе. Развитие этого философского направления шло по линии увеличения интереса к языку: сначала к языку науки, потом к естественному, "обыденному" языку. Рассматривая концепт знания, авторы стали обращаться к употреблению глагола знать. Первая попытка такого рода была предпринята Дж.Э. Муром. В полемике со скептиками он прибег к аргументам чисто языкового характера: мы не можем сказать, что не знаем, что земля существовала задолго до нас, что вот здесь, в зале, находится окно, а напротив него – дверь,

что нас зовут так-то и так-то. Любой из нас, разглядывая свою руку, не может сказать, что не знает, что это — его рука [1; 2]. Как показал Н. Малкольм, аргументацию Мура нельзя считать вполне правильной. Из абсурдности, например, такого утверждения, как Я не знаю, одет ли я, Мур делает вывод о правильности высказывания Я знаю, что я одет [3, 4]. Итак, было обращено внимание на то, что суждения, которые мы никогда не подвергаем сомнению, вообще не могут вводиться выражением Я знаю, кроме того, стало ясно, что критерии "повседневного", "обыденного" знания весьма сильно отличны от критериев научного знания. В естественном языке, в отличие от философии, концепт знания вводится в иные границы. Учет языковых данных повел к изменению самого представления о знании. Это положило начало новому направлению в эпистемологии, основные принципы которой были сформулированы Л. Витгенштейном в работе "О достоверности" [5]. Он указал на необходимость проведения четкого различия между знанием (knowledge), которое не может быть ошибочным, и утверждениями знания (claiming to know), которые не исключают ошибки. Интерпретация понятия знания приводилась в соответствие с нормами языкового употребления [6, 33], и, как следствие, концепт знания постепенно начал уступать место понятию достоверности (certainty), обладающему в известной степени самостоятельным и независимым статусом.

Рассмотрение соотношения концептов знания и достоверности и будет составлять задачу настоящей статьи.

В работе "О достоверности" Л. Витгенштейн говорит о целом ряде пропозиций, по отношению к которым сомнение или бессмысленно, или логически невозможно. Эти пропозиции абсолютно достоверны и отличаются тем, что не могут вводиться выражением я знаю. В зависимости от содержания выделяются следующие классы этих пропозиций:

I) п е р ц е п т и в н ы е п р о п о з и ц и и, от-

ражающие результаты непосредственного наблюдения, напр. Я знаю, что больной лежит вот здесь. Витгенштейн пишет: "Я знаю, что больной лежит здесь? Бессмыслица! Я сижу возле кровати больного и внимательно смотрю на него. - Тогда получается, что я не знаю, что больной лежит здесь? И вопрос и ответ на него одинаково бессмысленны" [5, § 10]. Употребление выражения я знаю в ситуации непосредственного восприятия возможно только в одном случае - когда речь идет о философских проблемах знания: «Я сижу в саду с философом, который все время повторяет "Я знаю, что это дерево", указывая при этом на дерево рядом с нами. Проходит некто и слышит это, и я ему говорю: "Этот человек не сумасшедший, просто мы философствуем» [§ 467];

2) пропозиции, описывающие внутреннее состояние субъекта и носящие характер фиксации ощущения и й (*sense-data*): "Я знаю, где я чувствую боль", "Я знаю, что я чувствую ее здесь" - столь же ошибочно, как и "Я знаю, что мне больно" [§ 41]. От данного типа пропозиций надо отличать близкие к ним по смыслу суждения типа Я заболел, которые содержат элемент диагностики и в силу этого могут быть ошибочными. Если это произойдет, то субъект будет отрицать истинность сделанного вывода, но никак не наличие соответствующего ощущения, ср.: Вчера я думал, что заболел, но, к счастью, ошибся. Однако чувствовал я себя прескверно;

3) априорные (логические, аналитические) пропозиции, напр., *Я знаю, что $2 \times 2 = 4$, и методологические пропозиции (в терминологии Т. Моравца [7]), напр. *Я знаю, что существуют физические объекты. Под этот же случай подпадает и наше знание языка. Л. Витгенштейн отмечал, что "прочность" этих пропозиций заключается в том, что на них строится вся наша практика: "Нечто должно быть преподано нам в качестве основания" [§ 449].

Опираясь на особенности употребления языка, Л. Витгенштейн выявил условия, которые делают возможным использование выражения я знаю. Утверждение знания может быть там, где в принципе возможно и незнание: «Когда не имеет смысла выражение "Я не знаю", то не имеет смысла и выражение "Я знаю"» [§ 58]. Возможность утверждения знания зависит также от уместности вопроса "Откуда ты знаешь?": «Знаю я что-либо, зависит от того, соответствуют или противоречат мне доказательства. Если доказательств привести нельзя, то нельзя и утверждать знание, как это делает, например, Мур в высказывании "Я знаю, что Земля существовала задолго до нас"» [§ 504]. Развивая эти положения, можно добавить, что постановка вопроса "Откуда ты знаешь?" и употребление выражения я знаю возможны только по отношению к тем пропозициям, содержание которых задает некоторую зону выбора в отношении источника. Это позволяет выделить еще два типа пропозиций, которые не могут входить в утверждения знания. Они характеризуются высокой степенью субъективности:

4) пропозиции, в которых отражен собственный опыт субъекта, ср. *Я знаю, что я вчера был в кино;

5) многие пропозиции, фиксирующие результаты принятия решения, осуществление которого зависит только от самого субъекта, ср. *Я знаю [— решил], что завтра не пойду в библиотеку; *Я знаю, что поеду на море.

Невозможность употребления глагола знать с выделенными типами пропозиций не препятствует употреблению с ними других пропозициональных глаголов, указывающих на источник или способ получения информации, а также глагола помнить, ср. Я вижу, как к границе приближается человек; Я чувствую сильную боль; Я точно помню, что ходил в кино не

в четверг, а в пятницу; Я решил, что завтра не пойду в библиотеку. Употребление этих глаголов служит для адресата дополнительным свидетельством в пользу достоверности сообщаемых ему сведений. В случае методологических пропозиций обоснование их истинности или достоверности не имеет смысла, поскольку эти пропозиции входят в сферу знания всех членов социума. Указать на их источник затруднительно. Так, Л.Витгенштейн, рассматривая утверждение Мура, что высказывание Я знаю, что Земля существовала задолго до нас правильно, писал: "... Мур выбирает как раз тот случай, когда мы все, кажется, знаем то же, что и он, но не способны сказать к а к" [5, § 84]. Конечно, перечисленные нами пропозиции привлекали к себе внимание философов задолго до Витгенштейна. Так, например, скептики отмечали абсолютную достоверность показаний наших органов чувств и логических пропозиций, и считали, что только они и могут быть содержанием знания. Если же взять за основу отнесения к сфере знания возможность употребления с пропозициями выражения я знаю, то окажется, что перечисленные нами пропозиции нельзя отнести ни к знанию, ни к незнанию. Они составляют особый класс, отличительным признаком которого является достоверность, определяемая с позиций "здорового смысла". В данном случае понятие достоверности не пересекается с понятием знания и находится с ним в отношении дополнительности.

Перейдем теперь к рассмотрению пропозиций, которые могут вводиться выражением я знаю. Как уже говорилось, эти пропозиции характеризуются тем, что в принципе могут составлять содержание как знания, так и незнания субъекта. Анализ употребления выражения я знаю ставит вопрос о функциональной нагрузке этого выражения. Этому как раз и была посвящена полемика Витгенштейна с Муром. Л.Витгенштейн отметил, что выражение я знаю в подавляющем большинстве слу-

аев указывает не на сам факт знания субъекта, а на достоверность сообщаемых сведений, свидетельствует о готовности субъекта привести обоснования их истинности или достоверности: "Я знаю" часто означает: я имею верные основания для своего утверждения. Поэтому, если другой человек знаком с данной языковой игрой, он согласится, что я знаю» [5, § 18]. Далее нас будет интересовать как употребление выражения я знаю с различными пропозициями, так и способы подтверждения их истинности. Заметим, что аргументируемые таким образом суждения совсем не обязательно должны содержать эксплицитно выраженный модус знания, а сами интересующие нас высказывания не обязательно должны стоять в форме I лица ед. числа.

"Обыденное" знание в зависимости от источника его получения можно подразделить на знание из непосредственного опыта, выводное знание и знание "из вторых рук".

А. З н а н и е и з н е п о с р е д с т в е н н о г о о п ы т а включает в себя уже упоминавшиеся выше перцептивные пропозиции, пропозиции, носящие характер фиксации ощущений и пропозиции, в которых отражен собственный опыт субъекта.

Огромное количество информации человек получает через зрительный анализатор. То, что человек видел сам, имеет для него самую высокую степень достоверности. Соотношение степени достоверности сведений, полученных "из вторых рук" и из непосредственного опыта, отражено в пословице "Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать".

Выше нами была отмечена невозможность употребления глагола знать по отношению к данным непосредственного восприятия. Однако выйдя из ситуации непосредственного наблюдения, человек получает возможность эксплицировать свое знание, ср.: В комнате есть стол, я знаю точно. Я только что заходил в эту комнату; Я знаю, что в комнате был стол. Перцептивные пропозиции могут быть объектом утверждения

знания только в условиях пространственной и временной ограниченности говорящего от места и момента наблюдения.

Каузальная связь непосредственного восприятия со знанием отражена в следующем примере: Я знаю, что приносят народам немецкие фашисты, я не читал об этом, я это видел (Эренбург). В некоторых контекстах глагол знать допускает замену на глагол (у)видеть, что показывает их близость, ср.: Он побывал и на крестьянских полях, чтобы знать самому [= увидеть], у кого уродился хлеб хорошо и у кого плохо (Аксаков). В ответ на вопросы Откуда ты знаешь?; Это действительно было так? в рассматриваемых случаях должна следовать реплика Я сам это видел или просто указание на то, что человек находился в положении свидетеля, напр. Я был там.

Наше восприятие направлено на отражение процессов, явлений и событий. Процессуальный характер восприятия находит свое отражение в том, что глагол видеть в своем первичном значении вводит не что-, а как-предложения. Переход от восприятия к знанию соответствует превращению наблюдаемого процесса в факт и влечет замену как-предложения на что-предложение, ср.: Я знаю, что он вчера ходил в школу. Я видел, как он шел туда [8; 9].

В отличие от перцептивных пропозиций, пропозиции, характеризующиеся высокой степенью субъективности (в которых отражены ощущения и собственных опыт субъекта), не приобретают способность вводиться глаголом знать даже при условии перенесения повествования в более поздний временной план. ср.*Я знаю, что вчера у меня болело горло; *Я знаю, что я провел отпуск на море. Однако человек может сказать, что он не помнит, когда в последний раз отдыхал, или что он точно помнит, что он ходил в кино именно вчера. Реплики слушающего тоже могут быть направлены на выяснение точности памяти говорящего. Следует особо подчеркнуть, что в общем случае адресат подвергает сомнению

не истинность, а точность информации. Так, в диалоге А: У меня вчера была мигрень. В: Ты точно помнишь, что вчера? /Ты уверен, что вчера? сомнение адресата касается не всей ситуации в целом, а только временной его локализации.

Вопрос о взаимосвязи между понятиями знания, памяти и получением информации из непосредственного опыта, то есть восприятием, ощущениями и т.д. необходимо рассмотреть более подробно.

Я.Хинтиikka, перечисляя в одной из своих работ возможные пропозициональные установки, такие как "знание, мнение, память, ожидание, стремление, желание, мечтание", не разграничивал их [10, 75]. В другой своей работе он, однако, указал на то, что "границы понятия пропозиционального отношения не вполне ясны. Так, например, память и особенно восприятие, похоже, имеют дело с совершенно отличным видом связи между человеком и его прошлым или настоящим окружением, чем типичные пропозициональные отношения. Эта связь менее пропозициональна и по крайней мере частично каузальная и генетическая. При этом Хинтиikka ссылается на Рассела, который писал: "Память, когда она достоверна, зависит от предыдущего восприятия" [11, 212].

Б.Рассел к числу базисных (достоверных) пропозиций причислял и пропозиции памяти (*memory propositions*). При их рассмотрении возникают значительные трудности, связанные с тем, что а) память подвержена ошибкам, так что в каждом конкретном случае трудно чувствовать такую же степень уверенности, как в суждениях восприятия, и б) ни одна пропозиция памяти не является, строго говоря, верифицируемой. Однако все это не должно приводить к сомнению относительно того, действительно ли имели место какие-то события в прошлом, или к вере в то, что мир только начал существовать [12, 145].

В силу неполной достоверности в пропозициях памяти часто используются неопределенные местоимения. Так, мы

говорим Я знаю, что я видел эту книгу где-то здесь и Я знаю, что он сказал что-то очень остроумное. Наши воспоминания могут быть еще более неопределенными, ср.: Я знаю, что вчера что-то произошло [там же, I49]. Впрочем, более уместным было бы здесь употребление выражения я помню. Неполная достоверность памяти подчеркивается также соответствующими модификаторами при глаголе помнить, ср.: Я помню это смутно/не совсем точно/не очень хорошо. При употреблении этих наречий пропозиция обычно содержит местоименную замену, причем относительное местоимение и указывает на то, что именно субъект не может вспомнить со всей определенностью, ср.: Я смутно помню, куда я положил книгу/что я делал вчера/где мы были вчера/с кем она разговаривала и т.д.

В случае недостоверности памяти говорящий, при перечислении сущностей, составляющих зону выбора, в качестве соединительного может использовать эксклюзивный союз или. Б. Рассел приводит следующий пример: «Допустим, что меня спрашивают: "Какой это был день, когда вы ездили в Лондон?" Я могу ответить: "Это был вторник или среда, но я не помню точно". Если бы я был уверен, что это был вторник, я не ответил бы "вторник или среда", несмотря на то, что этот ответ был бы истинным». Употребление эксклюзивного "или" характеризует частичное знание, соединяющееся с колебанием, с сомнением; «слово "или" выражает ... колебание, а не что-то объективное» [I3, I60-I61].

Пропозиции памяти, содержащие в себе некоторую неопределенность, точно так же, как и абсолютно достоверные воспоминания, входят в область знаний субъекта.

Первичная функция глагола помнить и его эквивалентов состоит не в описании наличия образов, чувств или каких-либо ментальных состояний. Если человек говорит, что он помнит, то он скорее как бы подтверждает, что событие име-

ло место, и в то же самое время говорит, что он знает, что это событие имело место [6, 164]. Глагол помнить, подобно глаголу видеть, может употребляться в функции вводного слова, указывая на достоверность сообщаемых сведений, ср.: И вот, вижу, подходит он к Семену и что-то берет у него; Помню, зашел он как-то раз ко мне.

То, что память не является непосредственным источником знания, а только фиксирует результаты восприятия и опыта, подтверждается тем, что утверждения памяти не могут служить ответом на вопрос "Откуда ты знаешь?", ср. А: Он купил несколько новых книг. Б: Откуда ты знаешь? А: * Я помню (надо: Я встретил его по дороге из книжного магазина.).

Глагол помнить может вводить как-предложения, что служит свидетельством сходства памяти и восприятия (воспоминание как воссоздание образов, картин прошлого), ср.: Я помню [= видел], как он вышел из дома и пошел по направлению к вокзалу.

То, что хранится в памяти человека, представляет собой фонд его знаний. О связи понятий памяти и знания говорит тот факт, что в некоторых контекстах глаголы помнить и знать являются взаимозаменяемыми, ср. А: Собирайся, тебе надо быть в институте к пяти часам. Б: Я знаю [= я помню]. Память выступает как составная часть знания о прошлом [14, 51].

Б. В в о д н о е з н а н и е. Познавая мир, человек не только пассивно воспринимает, но и анализирует, обобщает, ставит вопросы и пытается ответить на них. Полученные пропозиции составляют содержание выводного знания.

Выводные пропозиции могут представлять собой как суждения, относящиеся к конкретному факту, так и общие суждения. Кроме того, они могут быть результатом анализа ситуации и принятия решения.

Когда пропозиции описывают ненаблюдаемое (неверифицируемое) в момент произнесения соответствующего суждения положение вещей, то несущественно, относятся ли эти пропозиции к прошлому, настоящему или будущему, поскольку ход мыслительного процесса, основанный на анализе некоторого набора данных, является общим. Суждения о будущем (Завтра будет ненастная погода), о прошлом (Он ушел в музыкальную школу) и о настоящем (Его нет дома), сделанные на основе анализа следующих фактов: ласточки летают низко над землей, скрипки нет на месте, в окнах нет света, — могут иметь одинаковую достоверность.

Полемизируя с философами, утверждавшими, что нельзя предвидеть будущее (делать достоверные суждения о будущем), Дж.Остин писал: "Некоторые философы придерживаются того мнения, что мы никогда ... не должны говорить, что мы что-нибудь знаем, за исключением, возможно, своих собственных ощущений в данный конкретный момент. (...) это ошибочно (...) философами не принимается во внимание, что когда говорящий утверждает, что какая-либо информация входит в область его знаний ..., то условия, которые должны при этом выполняться, относятся не к будущему, а к настоящему и к прошлому ..." [15, 78]. С.Г.Геллерштейн указывал, что "там, где логика событий установлена и все переменные факторы, от которых зависит наступление события, поддаются точному взвешиванию, не приходится сомневаться в возможности правильных предсказаний. Прогнозирование — это и есть предвидение, основанное на знании факторов, влияющих на ход событий" [16, 265].

При формулировке выводных пропозиций основания вывода легко могут эксплицироваться, ср.: Мы не могли видеть казачков, но знали, что они там, потому что оттуда несло частое пощелкивание винтовочных выстрелов и слышались короткие пулеметные очереди (Закруткин). Набор фактов, являющихся основанием вывода, может быть также ответом на воп-

рос "Откуда ты знаешь?", ср.: А. Его нет дома. Б. Откуда ты знаешь? А. Я проходил мимо его дома, в его окнах нет света.

Сама возможность анализа и вывода строится на сумме знаний субъекта, касающихся данного предмета, на его прошлом опыте. Это находит свое отражение в том, что в ответ на вопрос Откуда ты знаешь, говорящий может просто указать на то, что имел в прошлом возможность приобрести нужный опыт. Так, достоверность суждения В глубине сада выпь, основанного на идентификации птицы по крику, может быть обоснована фразой Я провел детство в тех местах, где было много болот [пример из: 15, 51] .

Пропозиции, отражающие результаты анализа ситуации и принятия решения, никогда не были предметом специального рассмотрения в эпистемологии, а между тем они представляют немалый интерес.

Анализ ситуации (Мы заблудились) и принятие решения (Мы пойдем налево) есть последовательные ступени рассуждения. Пропозиции, отражающие результаты анализа ситуации, легко сочетаются с глаголом знать, а пропозиции, фиксирующие принятие решения, требуют в общем случае употребления глагола решить, напр.: Они [30 моряков] знали, что умрут (Катаев); Я решил не ходить завтра в библиотеку.

Специфика человеческой психики состоит в том, что многие мыслительные процессы протекают подсознательно, поэтому результаты принятия решения могут быть как бы лишены четкой мотивировки и обоснования и даваться субъекту в виде ощущений. В этих случаях глагол знать может быть синонимичным следующим словам и выражениям: чувствовать, осознавать, быть уверенным, быть убежденным, ср.: Я знаю/чувствую, что больше сюда не вернусь; Зная про себя [= будучи уверен/убежден], что он не украдет денег со стола, окончательно считал себя человеком высшей честности (До-

стоевский); Высшая степень совершенства человека есть знать [= осознавать] то, что он ничего не знает (Л.Н.Толстой). Возможность этих замен подчеркивает субъективный характер истинности пропозиций, которые каждый субъект формулирует для себя сам, исходя из особенностей своей натуры.

Когда рассматриваемые пропозиции употребляются с глаголом знать с отрицанием, то само семантическое содержание пропозиции однозначно указывает на то, что незнание субъекта связано для него с невозможностью или неспособностью принять решение, оценить ситуацию, ср.: Потом она прибавила, что не знает [= не может решить] , как ей быть (И.Тургенев).

Перейдем теперь к рассмотрению общих суждений, которые представляют собой обобщение жизненного опыта человека. Эксплицитное употребление глагола знать является здесь нормальным явлением, поскольку сообщаемые сведения не составляют общее достояние.

При утверждении знания в случае общих пропозиций часто может встречаться указание на то, что человек пришел к данному выводу на основе своего личного опыта или при наблюдении за другими людьми, что тоже формирует собственные взгляды субъекта. Для этой цели используются такие выражения, как знать по собственному опыту/по себе/ на опыте других/по примеру прошлых событий; изучить на практике и т.д., ср.: Женщины к женатым очень недоверчивы: это я знаю по себе (Писемский); Ему хотелось выпастся, так как по примеру прошлых десантов хорошо знал - уцепившись за берег, вряд ли придется хотя чуток вздремнуть в первые дни (Первенцев).

Поскольку знание общих истин имеет для субъекта вне-временной характер, это может подчеркиваться употреблением выражения я знаю в форме настоящего времени при общей отнесенности повествования в прошлое, ср. у М.Ю.Лермонтова: Между тем чай поспел; я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал мне как будто про себя: "Да, бывало!" Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается (...) (Бэла).

Человек, суммировав свой опыт и сформулировав для себя общее заключение по некоторому вопросу, в дальнейшем, когда он лишен возможности непосредственного наблюдения, может постулировать знание конкретного факта, которое следует из знания общего суждения. Если при формулировке общих пропозиций мысль движется от частного к общему, то здесь — от общего к частному. В таких случаях, например, при экспликации знания перцептивных по своему характеру пропозиций обязательно указание на отсутствие зрительного восприятия, ср.: Пилат указал вправо рукой, не видя никаких преступников, но зная, что они там, на месте, где им нужно быть (...). Пилат повернулся и пошел по помосту назад к ступеням, не глядя ни на что, кроме разноцветных шашек настила под ногами, чтобы не отступить. Он знал, что теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук! (Булгаков).

Связь общих суждений с конкретными фактами, полученными из наблюдений, была отражена Б.Расселом в самом термине общие эмпирические пропозиции. Рассел подчеркнул, что выражение я знаю используется по отношению к общим пропозициям несколько более свободно, чем по отношению к

другим (например, эмпирическим) пропозициям. Мы только тогда можем сказать, что знаем общую пропозицию, когда эмпирические данные полностью подтверждают ее [12, 243].

Для случаев выводного знания особый интерес представляет употребление глагола понять. Понимание практически всегда является результатом некоторых ментальных операций и поэтому составляет необходимое условие выводного знания. Эксплицитное выражение понимания, подобно утверждению знания, гарантирует истинность вводимой пропозиции, а глаголы знать и понять/понимать могут употребляться в близком смысле, ср.: Но знаю я, что лживо, а что свято, Я понял это все-таки давно. Мой путь один, всего один, ребята, Мне выбора по счастью не дано (Высоцкий); А птицы знали, понимали, что означает каждый выстрел (Глазков).

Поскольку механизмы понимания и употребление глагола понять были рассмотрены нами в другом месте [17], ограничимся здесь самими общими замечаниями.

Понимание (постижение истины) не является по своей сути единым процессом и реализуется в большом количестве разнородных ситуаций, которые различаются по способу достижения понимания. Способ достижения понимания определенным образом зависит от семантики пропозиции, которая может представлять собой общеизвестную истину, отражать какой-либо факт действительности, фиксировать решения и ощущения человека и т.д.

Так, когда глагол понять фиксирует установление ненаблюдаемого явления по сумме некоторых признаков или вводит пропозиции, являющиеся результатом анализа ситуации, то он синонимичен глаголам ментального вывода, ср.: Александр Платонович захотел пить и понял [сделал вывод, заключил], что надвигается солнце (Павленко); [Спокойно все обдумав/тщательно все взвесив/внимательно все проанализировав,] я понял, что дороги назад мне уже не найти.

Понимаете, когда оно направлено на идентификацию психического состояния других людей, может быть основано на вчувствовании, эмпатии. Отсутствие рационального момента в этом виде понимания может подчеркиваться употреблением соответствующих модификаторов, таких как понять сердцем/инстинктом/чувствами/ интуитивно, ср.: Поликсена Ивановна (...) инстинктом преданного женского сердца поняла, что Павлу Ермолаичу ничего не требуется, кроме покоя, и сообразно с этим устроила для него домашнюю обстановку (Салтыков-Щедрин). В рассматриваемом значении глагол понять часто равнозначен глаголу (по)чувствовать, ср.: Петя глубоко чувствовал душевное состояние отца, он понимал [= чувствовал], что Василий Петрович как-то особенно мучительно переживает смерть Толстого (Катаев).

Если понимание направлено на осознание психических процессов самого субъекта, то глагол понять может быть синонимичным глаголам почувствовать, осознать, решить, ср.: Оставшись один, Алексей Александрович понял [осознал, почувствовал], что не в силах более выдерживать роль твердости и спокойствия (Л.Н.Толстой).

Понимание может быть связано с накоплением определенных знаний и жизненного опыта и являться сугубо индивидуальным. Это касается оценок и общих суждений, в которых выражаются взгляды человека на мир. Глагол понять в рассматриваемом значении синонимичен выражениям утвердиться во мнении, прийти к выводу, убедиться, ср.: Лет тридцати, возвратившись из ссылки, я понял [убедился], что во многом мой отец прав, что он, по несчастью, оскорбительно хорошо знал людей (Герцен).

Таким образом, можно сказать, что глагол понять, сочетаясь с самыми различными видами выводных пропозиций, является своего рода универсальным предикатом по отношению к целому ряду других пропозициональных глаголов.

Понимание является необходимым условием выводного знания. Непонимание равносильно незнанию, ср.: [Антригина] - ... ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю [= не знаю] (А.Н.Островский).

В. З н а н и е и з "в т о р ы х р у к". Человек, познавая мир, использует не только результаты собственного опыта. Он пользуется также теми сведениями, которые накопило человечество и которые зафиксированы в книгах. Информацию о последних событиях он узнает, читая газеты, слушая радио, смотря телевизор. Важное место в нашей повседневной жизни занимает разговор. Мы обращаемся к собеседнику с интересующими нас вопросами, достаточно часто эксплицируя при этом собственное незнание. В теории речевых актов и в логике вопросов и ответов в полное представление вопросительного высказывания, направленного на получение информации от собеседника, включаются характеристики эпистемического статуса спрашивающего и отвечающего, которые определяются соответственно как незнание и предположение о знании [18] .

Если человек не располагает некоторой информацией, он может эксплицировать свое незнание, указывая одновременно на причину этого. В приведенном ниже примере подчеркивается, что незнание субъекта прямым образом связано с неполучением им информации "из вторых рук", ср.: Женитесь - и ни слова мне!.. Надо же мне знать. Родной дядя женится, а я ничего не знаю, мне и не сказали (Гончаров). В случае экспликации знания, полученного "из вторых рук", тоже часто содержится указание или ссылка на источник, ср.: Он знал, что я должна приехать, мы переписывались (Каверин); Из "Русской правды" мы знаем, что соседская община (вервь, мир) несомненно существовала на Руси IX-XII вв. (Греков, Крестьяне на Руси); Я знаю о вас только через Фоку Дзюба (Л.Н.Толстой).

Как показал П.Грайс, стратегия правильного ведения разговора требует от говорящего соблюдения определенных правил, касающихся подачи информации. Эти правила могут быть упорядочены по степени их важности. Так, соблюдение первой максимы, связанной с категорией Качества, предшествует всем другим правилам. Эта максима формулируется следующим образом: "Не говори того, что считаешь ложным" и является основной, так как целью разговора является эффективный обмен информацией [19] .

Поскольку процесс коммуникации не является односторонним, то набор правил, сформулированный П.Грайсом, должен быть дополнен правилами, касающимися поведения слушающего. Процесс коммуникации включает интерпретативную деятельность адресата, связанную с проверкой на истинность полученной информации. Рассмотрение поведения слушающего нужно вести с привлечением понятия веры. "Поверить" - значит принять информацию как истинную и поместить ее в фонд своих знаний, "не поверить" - отвергнуть ее как ложную.

Принятие или непринятие собеседником (аудиторией) некоторой информации, отраженное в глаголах поверить/не поверить, может быть обусловлено различными, иногда самыми неожиданными причинами:

а) несовпадением (противоречивостью) или совпадением полученных сведений с уже имеющимися у адресата, ср. [Изабелла] ... поступок твой и черноту души Я всюду разгляшу ... [Анджело] И кто же станет верить? По строгости своей известен свету я; Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя И самый приговор над страшной головою Представят твой донос безумной клеветой (Пушкин);

б) степенью неожиданности и новизны информации для слушающего, ср.:... Григорий Иванович ... рассказал все, что случилось. Лиза не верила своим ушам (Пушкин);

в) статусом рассказчика, его авторитетом, ср.: Как можно верить на слово Антону Пафнутьевичу, трусу и лгуну [Пушкин] ;

г) степенью распространенности сведений, ср. Ну, все [говорят] , так веришь поневоле (Грибоедов);

д) манерой изложения рассказчика, ср.: Не верить бабушке было нельзя - она говорила так просто, убедительно (Горький);

е) особенностями адресата, укладывающимися в рамки противопоставления "доверчивость vs. скептицизм", ср.: Опыт и природная осторожность не позволяли ему верить записке (Диковский);

ж) желанием слушающего верить одним сведениям и не верить другим, ср.: Я охотнее верю злу, чем добру, и не вижу дальше собственного носа (Чехов); ... отец с Лидией Ивановной объясняли ему, что она мать умерла для него, потому что она нехорошая (чему он никак не мог верить, потому что любил ее ...) (Л.Н.Толстой);

з) отсутствием у слушающего жизненного опыта, четких представлений по тому или иному вопросу, ср.: В смерть, про которую ему так часто говорили, Сережа не верил совершенно. Он не верил в то, что любимые им люди могут умереть, и в особенности в то, что сам он умрет. Это было для него совершенно и непонятно (Л.Н.Толстой) .

В эпистемической логике за основу представления знания человека при восприятии им сведений "из вторых рук" взята оценка эпистемического статуса говорящего, от которого он получает информацию. Так, если адресат оценивает эпистемический статус говорящего как знание, то и он сам, получив соответствующую информацию, пополнил фонд своих знаний. Таким образом, считается имеющей силу импликация $K_a K_v p \supset K_v p$ (где K - эпистемическое состояние знания, a - адресат, v - говорящий, p - пропозиция) [20] . Недо-

статок этого подхода заключается в том, что здесь не учитывается, как происходит определение воспринимающим субъектом эпистемического статуса говорящего. Анализ этого процесса неизбежно требует привлечения понятия веры, которое и было коротко рассмотрено нами.

Подведем некоторые итоги.

Связь между понятиями знания и достоверности не является однозначной. Если взять в качестве одного из критериев знания способность пропозиций вводиться глаголом знать, то оказывается, что довольно многочисленный класс абсолютно достоверных пропозиций не входит в сферу концепта знания. В этом случае достоверность равнозначна отсутствию сомнения (точнее, невозможности сомнения), а понятия знания и достоверности находятся в отношении дополнительности.

Что касается суждений, которые могут вводиться глаголом знать, то здесь понятия знания и достоверности смыкаются, а сама достоверность становится синонимом обоснованности. Обосновать – значит привести доказательства истинности пропозиции, например, при ответе на вопрос "Откуда ты знаешь?" В зависимости от того, каким способом были получены сведения – из непосредственного опыта, путем вывода или "из вторых рук", различается и характер обоснования знания. Самой большой степенью достоверности обладает знание из непосредственного опыта.

Для указания на источник получения информации могут использоваться соответствующие глаголы (я видел/слышал/мне сказали) или же описательные выражения, напр.: У меня друг – знаток биологии; Я изучал биологию; Я прочитал много книг по биологии и т.д. Для выводного знания обоснование достоверности пропозиции может осуществляться

при помощи перечисления субъектом набора фактов, являющихся основанием вывода. Особый интерес представляет глагол помнить, который может быть использован при обосновании утверждений, но не может употребляться при ответе на вопрос "Откуда ты знаешь?" Память опосредует знание, но не является его источником.

Отмеченные показатели достоверности часто используются в речи самостоятельно, замещая глагол знать. В этом проявляется стремление языка к экономии. Одновременное выражение модуса знания и источника (обоснования) знания в общем случае является избыточным, ибо достаточно указания на более частный параметр, ср. равнозначность следующих высказываний: Я знаю, что он в парке, я видел его там → Он в парке, я видел его там → Я видел его в парке.

Тесные связи между глаголом знать и глаголами, указывающими на источник получения информации, а также широкое употребление последних объясняется еще и тем, что эти глаголы и выражения должны заполнить лакуны, которые оставляет глагол узнать. Этот глагол вводит информацию, источники которой чрезвычайно ограничены, — это или знание "из вторых рук", или общие суждения, ср.: Постойте, я вам принесу книжку, вы из нее хоть главные факты узнаете (Тургенев); Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья (Л.Н.Толстой).

Глагол понять занимает особое место среди пропозициональных глаголов. Он является своего рода универсальным предикатом для обозначения множества ментальных операций, в результате которых субъект становится обладателем выводного знания: понять = сделать вывод, догадаться, заключить, осознать, почувствовать, решить и т.д.

Обоснования нашего знания в силу различных причин могут оказаться недостаточными или просто неверными (например, в случае помех при восприятии, недостаточности фак-

тов для вывода, при принятии на веру сведений "из вторых рук" и т.д.). В этом - основное и существенное отличие достоверности как обоснованности знания от достоверности как невозможности сомнения для тех пропозиций, которые не могут вводиться выражением я знаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Moore G.E. Defence of Common Sense.//G.E.Moore. Philosophical Papers. London, George Allen and Unwin LTD, 1959, p.32-59.
2. Moore G.E. Proof of an External World.//G.E.Moore. Philosophical Papers, p.127-150.
3. Malcolm, N. Certainty and Empirical Statements.//Mind, 1942, vol.51, n.201, p.18-48.
4. Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения "Я знаю"//Философия, логика, язык. - М.: "Прогресс", 1987, с.234-263.
5. Wittgenstein L. On Certainty./Ed. by G.Anscombe, G.E. von Wright. Oxford: Basil Blackwell, 1969. -
Частичный русский перевод см.: Л.Витгенштейн. О достоверности. - Вопросы философии, 1984, № 8, с.142-149.
6. Ayer A.J. The Problem of Knowledge. London, Macmillan and Co LTD, etc., 1956.
7. Morawetz Th. Wittgenstein and Knowledge. The Importance of "On Certainty". Amherst: Univ. of Massachusetts, 1978.
8. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. - Вопросы языкознания, 1985, № 3, с.13-21.
9. Арутюнова Н.Д. Глагол ВИДЕТЬ в функции предиката пропозициональной установки. - В сб.: Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы

докладов рабочего совещания. Академия Наук СССР. Институт языкознания. Проблемная группа "Логический анализ естественного языка". - М., 1987, с.10-13.

10. Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок. - В кн.: Я.Хинтиikka. Логико-эпистемологические исследования. - М.: "Прогресс", 1980, с.68-101.
11. Hintikka J. Knowledge by Acquaintance - Individuation by Acquaintance. // J. Hintikka. Knowledge and the Known. Historical Perspectives in Epistemology. Boston, 1974, p.213-233.
12. Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. Harmondsworth, Penguin Books, 1962.
13. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. - М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1957.
14. Price H.H. Some Considerations about Belief. // Knowledge and Belief. /Ed. by A.Griffiths. Oxford, 1968, p.41-59.
15. Остин Дж. Чужое сознание. - В кн.: Философия, логика, язык, с.48-95.
16. Геллерштейн С.Г. Можно ли помнить будущее? - В кн.: Кэррол Л. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: "Наука", 1978, с.259-266.
17. Дмитриовская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола ПОНИМАТЬ. - Вопросы языкознания, 1985, № 3, с.98-107.
18. Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge U.P., 1976.
19. Грайс П. Логика и речевое общение. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.
20. Hintikka J. Knowledge and Belief. An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaca, Cornell UP, 1962.

Анна А.ЗАЛИЗНЯК
О СЕМАНТИКЕ СОЖАЛЕНИЯ

Il est naturel et absurde de regretter les belles choses qui ne sont pas faites, et qui nous semblent encore avoir été possibles, bien après qu'il l'événement a démontré qu'il n'y avait pas de place pour elles dans le monde.

P.Valéry^ж.

I. Сожалеть о плохом или о хорошем?

Если вдуматься в значение русского слова сожалеть, то обращает на себя внимание его удивительная неоднозначность – удивительная потому, что она касается его центрального семантического компонента, а именно, оценочного: так, с одной стороны, можно сказать (1) Он сожалеет о сделанной ошибке – пропозитивный объект имеет здесь знак "минус", – с другой стороны, (2) Он сожалеет о счастливых годах юности, где оценка пропозитивного объекта – "плюс".

ж "Сколь естественно и одновременно абсурдно сожалеть о чем-то прекрасном, что не было сделано, – когда нам все еще продолжает казаться, что это было возможно, даже после того, как течение жизни показало, что не было для этого места в мире" /П.Валери/.

Обращаясь к существующим определениям сожаления, мы сталкиваемся с той же двусмысленностью. Так, в толковании А.Вежицкой отражено представление о сожалении, соответствующее смыслу нашего предложения (1): "X чувствует сожаление = X чувствует то, что чувствует человек, когда считает, что произошло нечто, чего он не хотел" (X feels regret = X feels as one does when one thinks that what one desires not to have happen has happened) [1, с.64]. Подобная трактовка сожаления (раскаяния) идет от Лейбница [2, с.64], Спинозы [3, с.130], Аристотеля [4, с.20].

С другой стороны, имеется определение Декарта, которое выглядит следующим образом: "ушедшее благо (*le bien passé*) вызывает в нас сожаление (*regret*), что есть разновидность печали"; "сожаление есть вид печали, которая имеет особую горечь, так как она связана с воспоминанием об удовольствии, которое давало нам обладание вещь" [5, сс. 628, 698]; [6, сс.378, 484].

По-видимому, не случайно, что именно Декарт упоминает этот второй, более "редкий" вид сожаления: трактат "О страстях души", откуда взяты процитированные слова, написан по-французски, а для французского языка рассматриваемая неоднозначность глагола со значением 'сожалеть' характерна даже в большей степени, чем для русского (а именно, во втором значении, т.е. "сожалеть о чем-то хорошем" для франц. глагола *regretter* имеется более широкий класс употребления, чем для русского сожалеть)¹⁾.

¹⁾ Мы не ставили перед собой задачу типологического сравнения языков с точки зрения возможности подобного совмещения значений, однако очевидно, что она не является универсальной, ни даже широко распространенной (например, оно отсутствует в англ. *regret* — чем объясняется однозначность толкования А.Вежицкой). Более часто встречается совмещение смыслов 'сожалеть' и 'раскаиваться' (о различии между ними см. разд.4) — как в лат. *poenitentia*, а также во франц. *se repentir*.

Итак, существует два разных сожаления. Рассматривая их как означаемые языковых выражений (а именно, слов сожалеть, жалеть, жаль и др. — полный список будет приведен ниже, одновременно с указанием выражаемых каждым из них значений), мы будем называть их, соответственно, смыслами, или значениями, 'сожалеть₁' и 'сожалеть₂'. Чтобы составить более полное представление об этих смыслах, приведем еще примеры.

'Сожалеть₁': (3) Жаль, однако, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. /Гоголь, "Ревизор"/; (4) Сегодня я снова жалею, что не сумел тогда переубедить тебя. Как хорошо было бы сейчас, если бы ты понимал по-китайски! /Гессе/; (5) Ей нужно было самоутверждение, проверка самой себя, и впоследствии она ни разу не пожалела о том, что поступила именно так, а не иначе. /С.Залыгин/; (6) Но — может быть Ты будешь сожалеть Об участии, отвергнутой тобой. /Пушкин/; (7) Очень сожалю, что заставил вас ждать.

'Сожалеть₂': (8) Мне, знаешь, больше всего жаль часов, когда собирался я на свидание. Сами свидания подзабыл, да и они-то, в общем, похожи, а вот эти часы, когда готовишься, ждешь и такую чувствуешь полноту жизни, — эти часы удивительно помню. /Л.Зорин/; (9) Уж не жду от жизни ничего я И не жаль мне прошлого ничуть. /Лермонтов/ ²⁾.

Ср. также французские примеры: (10) Je sortais de l'âge ingrat; au lieu de regretter mon enfance, je me tournai vers l'avenir. / S. de Beauvoisr / — "Я приближалась к концу неблагоприятного возраста; вместо того, чтобы предаваться сожалению (букв. сожалеть) о своем детстве, я устремилась к будущему"; (11) Emma, rentrée chez elle, se plut d'abord au commandement des domestiques, prit ensuite

2) Обратим внимание на смысловой параллелизм этих двух строк, выявляющий семантику 'сожалеть₂': здесь ждать ≈ 'считать, что нечто хорошее б у д е т'²⁾ (см. об этом подробнее в [7]), жаль ≈ 'считать, что нечто хорошее б ы л о'.

la campagne en dégoût et regretta son couvent /Flaubert/ "Эмма, вернувшись домой, первое время получала удовольствие от управления слугами, но вскоре ей опостылела деревенская жизнь и она стала скучать (букв. сожалеть) по монастырю".

Итак, как же может быть, чтобы слово, которое обозначает эмоциональное состояние, возникшее в связи с некоторой ситуацией в прошлом, в одном значении описывало состояние, вызванное отрицательной оценкой ситуации, а в другом — ее положительной оценкой? Интуитивно очевидно, что подобное совмещение значений не случайно, что между ними есть безусловная внутренняя связь. Однако чтобы это строго показать — а мы сделаем это путем построения семантического инварианта сожаления, относительно которого смыслы 'сожалеть₁' и 'сожалеть₂' могут быть представлены как варианты, — нам потребуется провести некоторые предварительные рассуждения.

2. Модель мира сожалющего субъекта.

События происходят во времени, а время течет от прошлого через настоящее к будущему. Мы воспользуемся такой моделью этого процесса, которая представляет его как последовательную смену дискретных состояний мира. Каждое состояние мира приурочено к некоторой точке на временной оси, соответствующей моменту времени, в который оно имеет место. Но мы можем говорить не только о состоянии мира, которое имеет место в некоторый момент времени, но и о тех, которые могли бы иметь место в тот же момент. Тем самым каждой точке на оси времени оказывается сопоставлено некоторое множество различных возможных состояний мира, или "возможных миров" — с одним и тем же индексом, обозначающим момент времени (ср. понятие "временного экрана" в точке t_1 в [8]): $\bar{w}_1 = \{w_1, w_1', w_1'', \dots\}$; каждый из миров представляет собой множество положений дел:

$W_1 = \{A, B, \dots\}$. Множество положений дел, которое имеет место в н а с т о я щ и й м о м е н т (t_0), мы будем называть д е й с т в и т е л ь н ы м м и р о м (W_0). Если некоторое положение дел A имело место в момент t_1 ($t_1 < t_0$)³⁾, это значит, что A принадлежит такому миру W_1 , который был действительным в момент t_1 ⁴⁾. Если A имело место в течение периода времени от t_h до t_1 , это значит, что A принадлежит всем мирам из последовательности $W_h, W_{h+1}, \dots, W_{i-1}, W_1$, которые были действительными, соответственно, в моменты времени $t_h, t_{h+1}, \dots, t_{i-1}, t_1$.

Последовательность возможных миров о непрерывно возрастающими индексами может составить л и н и ю р а з в и т и я с о б ы т и й. Это означает следующее. Если мы фиксируем некоторое положение дел A , то линию развития событий будет составлять такая последовательность миров $W_1, W_{1+1}, W_{1+2}, \dots$, что каждому из них принадлежит либо само A , либо A' , где A' есть п о с л е д с т в и е A . Понятие последствия мы принимаем за неопределяемое: достаточно сказать, что A и A' связаны некоторой очевидной причинно-следственной связью (ср. семантический примитив "становиться" у А.Вежицкой и в целом идею становления одного "мира" из другого как способ описания временных отношений в языке [9, с.194-216], а также одно из возможных определений отношения достижимости, которое встречается во временной логике: "мир, или состояние дел ь достижим из положения дел а, если ь является возможным будущим состоянием а" [10, с.90]). Если окажется, что некоторой точке t_j не соответствует ни одного мира, которому принадлежало бы A (или A' , A'' и т.д. — отношение "быть последствием" являет-

3) Т.е. " t_1 раньше чем t_0 "; наоборот, $t_1 > t_0$ — означает " t_1 позже чем t_0 ".

4) Мы исходим из того, что о д н о и т о ж е положение дел A может иметь место в р а з н ы е моменты времени.

ся транзитивным) то это значит, что линия развития событий "оборвалась", что это "тупиковая" линия⁵⁾.

Ось времени делится на две части точкой настоящего момента t_0 . Для каждой из временных точек, предшествующих настоящему моменту (т.е. для прошлого), в множестве соответствующих ей возможных миров есть один выделенный – тот, который был в этой временной точке действительным, в противоположность всем остальным, которые могли бы осуществиться, но уже не осуществились. В той части оси времени, которая соответствует будущему, множества возможных миров, сопоставленные каждой временной точке, однородны (их элементы могут различаться лишь по количественной оценке вероятности своего осуществления); в этом случае мы будем говорить о **р е а л ь н о** возможных мирах.

Таким образом, течение времени состоит в том, что точка настоящего момента, равномерно продвигаясь от прошлого к будущему, превращает бесконечно ветвящееся дерево возможных путей изменения мира в одну линию – действительную линию развития событий⁶⁾.

Обратимся к прошлому. Если понимать действительный мир как множество положений дел, соответствующих точке настоящего момента, то прошлого, очевидно, нет – так как его нет в действительном мире. Как пишет Б.А.Успенский, "Прош-

⁵⁾ Представление о линии (направлении, ходе) развития событий иногда включается в само понятие возможного мира (см., например, [11, с.38, 74], [12, с.305]); такое понимание возможного мира чаще встречается в связи с будущим (т.е. когда речь идет о проблеме выбора или принятия решения); ср. выражение "возможные б у д у щ и е линии развития событий" в [13]. Мы предпочитаем такое словопотребление, при котором эти две идеи разделяются, и возможный мир понимается как состояние мира или множество положений дел (ср. [14, с.57], [15, с.16]).

⁶⁾ Ср. "Возможные направления развития событий... представляют собой некоторое множество альтернативных направлений, по которым может пойти реальное развитие событий. Однако лишь одно из таких направлений становится реальностью [11, с.74].

лое — это то, чего нет сейчас (в э т о й действительности, в действительности настоящего), но то, что, как мы уверены, было раньше (в и н о й, прошедшей действительности) [...] Прошлое, в отличие от настоящего, не поддается непосредственному, чувственному восприятию, однако оно связано с настоящим опосредованно — оно оставляет свой след в настоящем, как в субъективных переживаниях, т.е. в явлениях памяти, так и в объективных фактах, которые естественно объясняются как следствия прошедших событий" [16, с.13–15]. Мы будем различать два типа отношения настоящего к прошлому: отношение непосредственной преемственности (наличие непрерывной последовательности промежуточных состояний) и "идеальная" связь (воспоминание).

Пусть A — некоторое положение дел, принадлежащее миру w_1 , который был действительным в t_1 ($t_1 < t_0$). Тогда возможны следующие случаи. 1) A находится на "тупиковой" линии развития событий, т.е. ни само A , ни какое-либо его последствие A' не принадлежат w_0 . Здесь A — это "абсолютное" прошлое — то прошлое, которого н е т и которое может быть связано с настоящим лишь отношением воспоминания. 2) Некоторое положение дел A' , являющееся последствием A , принадлежит w_0 . 3) A имеет место в течение всего промежутка времени от t_1 до t_0 , т.е. само A принадлежит w_0 . В случае 3 положение дел A принадлежит, безусловно, настоящему, а не прошлому. Случай 2 — промежуточный; в зависимости от обстоятельств, он может примыкать как к первому, так и к третьему. Как будет видно из дальнейшего, обстоятельства, диктуемые семантикой сожаления, таковы, что он объединяется с третьим, т.е. то прошлое, последствия которого имеют место в настоящем, приравнивается к настоящему, и они оба противопоставляются прошлому, не имеющему последствий, как то, что е с т ь, тому чего н е т.

Итак, продвигаясь вместе с точкой настоящего момента от прошлого к будущему, мы постоянно проходим "развилки"

(мы будем пользоваться этим удачным образом из работы [17] употребляя слово "развилка" для обозначения временной точки, из которой исходит несколько линий развития событий). В одних случаях то, как сложится дальнейший ход событий, от нас не зависит, но в других мы сталкиваемся с необходимостью (или имеем возможность) сами выбирать какой-то один из альтернативных путей. Как пишет Д.Фоллесдаль, "человек может действовать, т.е. учитывая наличие различных возможных вариантов развития событий, способствовать осуществлению одного из них" [18, с.145], ср. также [12, с.308], [19, с.428]. Осуществление выбора предполагает, в свою очередь, ценностное сравнение возможных альтернатив: "При этом мы исходим из наших представлений, касающихся вероятности различных последствий возможных действий, а также из той значимости, которую мы приписываем каждому из этих последствий. Умножая вероятность на значимость и суммируя результаты, человек вычисляет эффект каждой альтернативы и выбирает альтернативу с наибольшей ожидаемой полезностью" [18, с.146]; ср. также описание механизма ценностного сравнения в [17].

Описанная здесь оценка по последствиям ("хорошо то, что влечет за собой хорошее") не является универсальной; возможна также непосредственная оценка, которая тоже может служить основанием выбора (ср. противопоставление "добра как средства" и "добра как цели" у Дж.Мура [20, с.80]. Различие между этими двумя типами оценок, в частности, заключается в том, что оценка по последствиям (рационалистическая – в терминологии Н.Д.Арутюновой [21]) может оказаться ошибочной – если ожидаемые последствия не наступили; а непосредственная оценка абсолютна (ср. [22, с.16]; подробнее см. об этом также [7]).

3. Все могло быть иначе...

Введем следующие обозначения: X – субъект сожаления
 P – положение дел, соответствующее объекту при предикате
со значением сожалеть. Значение ‘сожалеть_I’ (сокращенно
– C_I) можно теперь описать как состоящее из следующих ко-
мпонентов⁷⁾:

$$\text{‘сожалеть}_I (X, P)\text{’} =$$

- ‘(а) X находится в точке настоящего момента t_0 в действи-
тельном мире w_0 .
- (б) P входит в линию развития событий, проходящую через
 w_0 , т.е. либо P принадлежит w_0 , либо P принадлежит w_1 , а
 $P' - w_0$ ($t_1 < t_0$).
- (в) X считает (ощущает): P плохо; отсутствие P хорошо.
- (г) X представляет себе возможный мир w_0' , не включающий P .
- (д) X представляет себя находящимся в некоторой временной
точке t_h ($t_h < t_1 < t_0$), относительно которой мир w_0 являет-
ся реально возможным.
- (е) [если P контролируемо для X -а]⁸⁾: представляя себя нахо-
дящимся в точке t_h , X представляет себя имеющим намерение
не делать P' .

Компонент (а) тривиален; он, однако, содержит ту су-
щественную информацию, что мы рассматриваем случай, когда
состояние сожаления приурочено к настоящему моменту (т.е.
соответствующие предложения должны быть в наст. времени;
для прочих случаев требуется определенный пересчет).

⁷⁾ Предлагаемые здесь описания значений не являются толко-
ваниями, а скорее экспликациями смысла; они, однако, лег-
ко могут быть преобразованы в толкования; в частности, в
них должен быть восстановлен опущенный рамочный компонент
‘ X чувствует то, что обычно чувствует человек, когда...’,
который, как это показано в [1] и [23], присутствует в
толковании всех слов, обозначающих эмоции.

⁸⁾ О понятии контроля см. [24], [25], [7]; здесь использу-
ется следующее определение из [7]: ситуация P является ко-
нтролируемой для X -а тогда и только тогда, когда X являет-
ся в P субъектом намеренного действия; намеренное дейст-
вие, в свою очередь, это такое действие, у которого резуль-
тат совпадает с намерением.

В компонент (б) входит смысл, который обычно называют фактивностью, — презумпция истинности подчиненной позиции (P имеет место к моменту t_0). Однако помимо фактивности, в (б) присутствует еще один смысл: если P имело место в некоторый момент в прошлом, то в настоящем обязательно имеет место последствие $P - P'$ (оно может быть указано в том же предложении или в контексте — ср. (4)). Говоря неформально, это означает, что P в C_I — это, так или иначе, ситуация, определяющая облик действительного мира; если P относится к прошлому, то это такое прошлое, которое есть. Независимо от того, как давно произошло событие P , мы сожалеем о нем только в том случае, если мы считаем, что P повлияло на дальнейший ход развития событий, т.е. на то, что положение вещей в настоящий момент оказалось таким, какое оно есть.

Помимо случая, когда P — это событие в прошлом, P может быть также состоянием (в смысле семантической классификации предикатов — см., например, [25]), имеющим место по настоящий момент — тогда P принадлежит всем мирам от некоторого w_1 до w_0 (ср.: (12) Жаль, что ты с ним не знаком; см. также пример (3))⁹⁾.

Таким образом оказывается, что P в значении C_I — это не то, что было, а то, что есть (что вообще говоря противоречит некоторой непосредственной интуиции, которая отражена, например, в приведенном выше толковании А. Вежицкой).

Компонент (в) — оценочный: было бы лучше, если бы P

⁹⁾ Возможен, кроме того, случай, когда в настоящий момент имеет место намерение совершить нечто в будущем (ср. термин "запланированное будущее"); например: (13) Жаль, что ты уезжаешь; Жаль, что ты не будешь поступать в Полиграфический институт — ср. об этом [26, с.180]. Здесь P также входит в линию развития событий, проходящую через w_0 , но только в ту ее часть, которую мы мысленно достраиваем через точку t_0 в будущее.

не было. Этот компонент является ассертивным; именно он взаимодействует с отрицанием (ср. Я не жалею, что сделал это \approx 'не считаю, что лучше было бы не делать'; см. также пример (5)). В зависимости от конкретной семантики предложения оценочный компонент может выступать в форме '...Р плохо', '...отсутствие Р хорошо' или '...отсутствие Р лучше, чем Р' (т.е. в частности, оценка в C_I может быть сравнительной; в этом случае она обладает свойствами сравнительной оценки, описанными в [17]). Использование предикатов 'считать' и 'ощущать' в записи оценочного компонента есть способ отразить тот факт, что оценка в C_I может быть как рационалистической (т.е. оценкой по последствиям, которая является частным случаем мнения), так и непосредственной (которая представляет собой ощущение); при этом в конкретных употреблениях обе оценки могут присутствовать одновременно. Такой способ описания позволяет отразить реальную вариативность смыслов в пределах C_I , а именно, то обстоятельство, что внутреннее состояние, с которым соотносится C_I , охватывает довольно широкий диапазон – от эмоционального переживания до мнения¹⁰ (включая все промежуточные возможности, т.е. состояния, содержащие элементы того и другого); преобладание непосредственной оценки соответствует состоянию преимущественно эмоциональному, преобладание рационалистической – преимущественно ментальному.

В компонентах (г) – (е) мы используем выражения "X представляет себе (себя)..." – ср. семантический примитив *imagine* у А.Вежицкой. Компонент (г) отражает то обстоятельство, что сожалеющий субъект обычно отчетливо (зрите-

¹⁰) Именно эти два "полюса", по-видимому, имеет в виду Лейбниц, говоря о двух смыслах слова *poenitentia*: *dolor de commissio errore seu peccato* ("страдание из-за совершенной ошибки или греха") и *animus resipiscendi qui potest esse sine dolore* ("ощущение перемены мнения, которое может и не сопровождаться страданием") [2, с.64].

льно) представляет себе альтернативную к реальной линию развития событий, и этот образ присутствует в его сознании в момент t_0 . Компонент (д) означает, что, возвратившись мысленно в прошлое¹¹⁾, человек представляет себе картину последующего (относительно этой точки в прошлом) развития событий так, как если бы линия действительного мира еще не была прочерчена. Ср. в этой связи рассуждение Б.А.Успенского: "...настоящее может мыслиться по аналогии с будущим, т.е. опыт восприятия будущего вторичным образом может прилагаться к настоящему. Подобно тому, как можно моделировать (предугадывать) будущее, исходя из настоящего и основываясь при этом на причинно-следственных связях, мы можем условно моделировать и настоящее, исходя из прошлого, — обсуждая несбывшиеся возможности (т.е. задаваясь вопросом: что случилось бы, если бы прошлое сложилось тем или иным образом? Как те или иные события, в принципе возможные в прошлом, могли бы отразиться на настоящем?). При этом мы отвлекаемся от того, что на самом деле настоящее уже реализовалось в какой-то определенной форме и обсуждаем, таким образом, не реальное, а потенциально возможное (с точки зрения прошлого) настоящее. Принимая перспективу прошлого, мы трактуем настоящее как будущее, которого еще не существует (с точки зрения этого прошлого) и относительно которого мы можем строить различные предположения" [16, с.32].

Введя компонент (е), мы хотели отметить тот важный частный случай внутри C_I , когда P является намеренным действием X -а (см. выше определение контролируемой ситуации). Это значит, что человек в некоторый момент в прошлом, находясь перед выбором между P и не P , совершил P , а сейчас

¹¹⁾ Именно, в ту точку, относительно которой неосуществление P было "предварительно возможным" — согласно [8]; ср.: "в некоторый момент t' до t было (все еще) возможно, что мир будет развиваться таким образом, что в t было бы истинно, что $\sim P$, а не что P ".

(в момент t_0) пришел к выводу, что выбор был сделан неправильно. Ср. устойчивый оборот мысли, связанный с сожалением: как бы я (ты) поступил, если бы пришлось решать заново? Соответственно, не жалею значит "сделал бы то же самое".

Значение C_I выражается в русском языке следующими единицами: сожалеть <что; о том, что; о + сущ. в предл. п.>¹², жалеть <что; о том, что; о + сущ. в предл. п.>, жалко <что; сущ. в род. п.>, жаль <что; сущ. в род. п.>, сожаление. Все перечисленные единицы чем-то отличаются друг от друга; не имея возможности останавливаться на этом подробнее, отметим здесь лишь то, что глаголы жалеть и сожалеть употребляются только в контексте контролируемой ситуации – в отличие от предикативов жалко, жаль, которые не содержат ограничений на контролируемость. Ср., с одной стороны, (I4) Я жалею, что отказался от этого приглашения и (I4') *Я жалею, что пошел дождь и, с другой стороны, равно возможные (I5) Жалко, что я отказался и (I5') Жалко, что пошел дождь.

Рассмотрим теперь значение 'сожалеть'₂ (C_2).

'сожалеть'₂ (X, P)' =

(а) X находится в точке настоящего момента t_0 в действительном мире w_0 .

(б) P принадлежит всем мирам от w_n до w_1 , входящим в действительную линию развития событий ($t_n < t_1 < t_0$); ни P , ни P' не принадлежит w_0 .

(в) Образ P присутствует в сознании X -а в момент t_0 .

(г) X ощущает: P хорошо, отсутствие P плохо.

(д) X представляет себе возможный мир w'_0 , включающий P' .

Компонент (а) совпадает с (а) в C_I и выполняет ту же функцию. Компонент (б) характеризует P как с о с т о я-

¹² Сам глагол сожалеть в современном языке малоупотребителен; в основном, он употребляется в значении, близком к перформативному, т.е. выражать сожаление_I; ср. пример (7).

и не, имевшее место в течение некоторого периода времени в прошлом, т.е. Р принадлежит прошлому, причем такому прошлому, которого не т. Р здесь входит в "тупиковую" линию развития событий. И именно как то, чего нет, Р существует в воспоминании X-а (что отражено в компоненте (в)). Можно сказать, что воспоминание — это семантическая доминанта значения C_2 , ср.:

Ни о чем не жалеть это значит уйти, зачеркнув навсегда
Все, что было с тобой, значит память убить

И убить свою жизнь за годами года /Е.Клячкин/.

Вспомним в этой связи определение сожаления, принадлежащее Декарту, а также наш пример (8), где предложение с помню (...эти часы удивительно помню) является фактически перифразой предложения с жаль. Оценочный компонент (г) представлен здесь в форме 'X ощущает...' — это значит, что оценка в C_2 может быть только непосредственной. Компонент (д) не требует никаких новых комментариев.

Значение C_2 выражается в русском языке словами жаль < + сущ. в род.п. > , сожаление и, реже, сожалеть < о + сущ. в предл.п. > , жалеть < о + сущ. в предл.п. >

Семантический инвариант сожаления может быть теперь представлен следующим образом (поскольку здесь мы находимся на более высоком уровне абстракции, мы вынуждены ограничиться меньшей степенью точности, т.е. семантический инвариант сожаления описывается не на том же языке, что значения C_1 и C_2):

Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое м о г л о б ы в нем существовать представляется человеку как л у ч ш е е по сравнению с тем, которое существует.

Расхождение между C_1 и C_2 обусловлено тем, что в них в качестве ситуации Р, соответствующей пропозициональному актанту предиката, выбираются противоположные термины сравнения: в C_1 это положение дел, существующее в действительном мире, которое имеет знак "минус" (например, совершен-

ная ошибка), а в C_2 это, наоборот, несуществующее положение дел, имеющее знак "плюс" (например, счастливые годы юности). Другими словами, в первом случае мы сожалеем о том, что есть и что плохо, а во втором – о том, чего нет и что хорошо. Итак, возможность совмещения в одном слове значений сожалеть₁ и сожалеть₂ получила объяснение. Сделаем еще несколько замечаний относительно соотношения этих двух значений.

Рассмотрим случай, когда некоторое положение дел А, воспринимаемое X-ом как хорошее, имело место в течение некоторого периода времени и в какой-то момент прекратилось. Эта ситуация может быть осмыслена двумя способами и соответственно быть объектом обоих сожалений. А именно, если в качестве Р берется само положение дел А, то мы имеем дело со значением C_2 (так как тогда Р – это то, чего н е т) если же в качестве Р выступает событие, состоящее в том, что А перестало иметь место, то возникает значение C_1 (так как в этом случае Р – это то, что е с т ь). Ср. следующий пример, где в первом предложении представлено значение C_2 , а во втором – C_1 : (I6) Certes il les regrettait, ses deux années de désert. Quel dommage de n'être pas resté là bas. /Maupassant/ "Да, ему было жаль этих двух лет, проведенных в пустыне. Как жально, что он не остался там".

Наличие указанного соотношения обеспечивает возможность трансформации предложений с C_2 в предложения с C_1 – путем восстановления предиката со значением 'перестать иметь место', ср.: (I7) Он сожалеет о своей молодости и (I7') Он сожалеет, что молодость прошла¹³⁾ Обратный переход

¹³⁾С другой стороны, без учета этого соотношения нельзя объяснить наличие (приблизительного) смыслового равенства в парах типа (I7) – (I7') и его отсутствие в других; ср.: (I8) и (I9): (I8) Он сожалеет о прошедшей молодости ≈ (I8') Он сожалеет, что молодость прошла. (I9) Он сожалеет о счастливой молодости ≠ (I9') Он сожалеет, что молодость была счастливой.

возможен, естественно, только в том частном случае реализации C_1 , когда P имеет структуру 'А перестало иметь место'. Ср. следующий пример: (20) Скажи, мой друг, ты не жалеешь о том, что бросил навсегда? /Пушкин/.

Здесь реализуется значение C_2 : $P =$ 'то, что ты бросил навсегда'; в пропозициональное содержание вопроса входит смысл 'Р хорошо'. При этом достаточно очень незначительной трансформации этого предложения, чтобы глагол жалеть выражал значение C_1 : (20') ...ты не жалеешь о том, что бросил навсегда свою прежнюю жизнь? Здесь $P =$ 'тот факт, что бросил ...'; сам вопрос может быть иначе передан как "Не считаешь ли, что Р плохо?".

И все же предложения (20) и (20') – также как (I7) и (I7') – не тождественны по смыслу, т.е. C_2 все же – вопреки тому, что может показаться, не сводимо к C_1 . Причин этому можно указать по крайней мере две. Первая в конечном счете сводится к отсутствию в C_2 компонента, аналогичного (д) в C_1 , что на неформальном уровне означает, что состояние, соответствующее C_2 , в большей степени ориентировано на саму положительную альтернативу, а соответствующее C_1 – на возможность ее реализации (т.е., вообще говоря, предложение (I7') может быть признано семантически аномальным – именно на том основании, что молодость не может не пройти; другими словами, если мыслимая альтернатива к существующему положению вещей абсолютно нереальна, то сожаление, вообще говоря, неуместно)¹⁴. Второе различие касается семантики пропозитивного объекта и состоит в том, что в C_2 P представляет собой п р о ц е с с, а в C_1 – ф а к т (в смысле работы [21]); ср. невозможность оформления подчиненной пропозиции при предикате со значением C_2 неполной

¹⁴) Понимание, при котором (I7') семантически полноценно "...что молодость у ж е прошла" мы здесь не имеем в виду, так как оно слишком далеко отстоит от смысла (I7).

номинализацией и вхождения в ее состав отрицания – и отсутствие обоих этих запретов для C_I .

Наконец, о несводимости C_2 к C_I свидетельствует тот факт, что соответствующие трансформации не всегда дают даже приблизительное смысловое равенство. Так, например, для пары (20) – (20') достаточно легко представить себе ситуацию, когда ответ на (20) будет положительным (Да, жалею, т.е. 'вспоминаю как о чем-то хорошем'), а на (20') – отрицательным (но о том, что эта прежняя жизнь кончилась, не жалею, т.е. 'не считаю, что было бы лучше, если бы она продолжалась'). Тем самым речь здесь может идти лишь о гипотетическом направлении семантического развития (от C_I к C_2) в историческом плане.

Таким образом, значения C_I и C_2 не сводимы друг к другу. Однако возможна нейтрализация этого противопоставления – при неопределенном объекте (и чаще всего, в контексте отрицания). Так, относительно (21) и (22) нельзя с определенностью сказать, какой вид сожаления здесь имеется в виду; скорее всего, сразу оба, причем недифференцированно.

(21) Гадает ветренная младость, Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль Лежит светла, необозрима /Пушкин/

(22) Презрев оковы просвещенья, Алеко волен как они;
Он без забот и сожаленья Ведет кочующие дни /Пушкин/.
Характерно, что в обоих примерах отсутствие сожаления трактуется как признак душевного спокойствия.

И действительно, ни о чем не жалеть – это значит вообще не обращаться в прошлое в поисках какой-то лучшей альтернативы к существующему положению вещей. Любое сожаление омрачает жизнь человеку мыслью о том, что "все могло быть иначе" и ... лучше, чем есть. Поэтому, как учит нас Спиноза, сожаление вредно.

4. Дополнения

В основной части работы были описаны два вида сожаления – которые мы называли смыслами 'сожалеть₁' и 'сожалеть₂', – и указано, какими языковыми средствами может выражаться каждый из них. Для полноты картины следует рассмотреть семантику сожаления и в обратном направлении – "от формы к смыслу".

Если взять группу слов русского языка, упоминавшихся выше, то окажется, что C_1 и C_2 не исчерпывают всех значений, которые они могут выражать. За пределами нашего внимания остались употребления слов жалеть, жалко, жаль в конструкции с зависимым инфинитивом и с дополнением в род. и в вин. падежах¹⁵⁾ (все девять комбинаций возможны, кроме одной, сомнительной, но допустимой в разговорном языке (а именно, жалеть <+ инф.> ; ср.: (23) Пожалел выбрасывать), т.е. примеры типа: (24) Жалко отсюда уезжать. (25) Жалко денег, времени. (26) Жалко бездомную собаку. Значение, иллюстрируемое примером (26), мы рассматривать не будем, так как оно связано с чувством жалости, а не сожаления. Значение, выражаемое конструкцией с инфинитивом (пример (24)), мы будем называть 'сожалеть₃' (C_3). Оно может быть эксплицировано следующим образом (ситуацию Р представляет глагол в инфинитиве):

'сожалеть₃ (X, P)' =

(а) Р принадлежит миру w_j , где $t_j > t_0$, но при этом очень незначительно отстоит от t_0 .

(б) Р контролируемо для X-а.

(в) X находится в точке t_0 , которая является одновременно развилкой между той линией развития событий, которая включает Р и той, которая не включает Р, и расценивает вероятность осуществления первой как большую.

¹⁵⁾Различия между словами жалеть, жалко, жаль с точки зрения их способности выражать то или иное значение сожаления отражены в таблице в конце раздела; прочих различий мы не касаемся.

(г) в момент t_0 . X ощущает, что отсутствие P хорошо ^{16/}.

Поскольку развилка (между сделать P и не сделать P) еще не пройдена, оба варианта развития событий еще возможны. Соответственно, (24) может иметь два продолжения: Жалко отсюда уезжать. Пожалуй, я останусь еще на денек или: ... Но ничего не поделаешь, надо ехать.

Конструкция с инфинитивом накладывает ограничение на семантику подчиненной предикации, а именно, P должно содержать смысл прекращения некоторого предшествующего состояния – или порчи (уничтожения) некоторого предмета. Так, можно сказать жалко уезжать, расставаться, отдавать, но нельзя *жалко приезжать, встречаться, брать. С другой стороны, можно сказать жалко мять траву, пачкать скатерть, но нельзя (если только соответствующее действие не переосмысливается как приводящее к ухудшению предмета) *жалко гладить рубашку, мыть пол. Во втором случае ограничение связано с наличием в S_3 оценочного компонента 'отсутствие P хорошо' (и, следовательно, само P плохо), а в первом оно может быть объяснено следующим образом. В значение S_3 входит представление о некотором положении дел Q , которое имело место на протяжении отрезка времени от t_1 до t_0 ; точка t_0 является развилкой: либо P произойдет и тем самым Q прекратится, либо P не произойдет и тогда будет продолжаться Q , т.е. положительную альтернативу к P составляет не просто отсутствие P , а продолжение Q . Поэтому глагол в инфинитиве должен содержать смысл прекращения некоторого предшествующего состояния. С другой стороны, то обстоятельство, что Q имеет знак "плюс", объясняет неправильность сочетаний типа *жалко избавляться, где в семантику глагола входит отрицательная оценка предшествующего состояния.

^{16/} Т.е. осуществление P может входить в намерение X -а (так как P контролируемо для X -а), сформировавшееся раньше t_0 , и не соответствовать желанию, возникшему в t_0 (о соотношении желания и намерения в структуре внутренних состояний см. [7]).

Если теперь сравнить значение C_3 с C_1 и C_2 , то мы увидим, что оно включает элементы и того и другого; принципиально новым, однако, здесь является то обстоятельство, что возможность различного хода развития событий, составляющая, как мы пытались показать, конституирующую идею семантики сожаления, здесь является реальной.

Все три значения связаны между собой таким образом, что в пределах одной и той же линии развития событий человек может сначала испытывать сожаление₃ – по отношению к возможности прекращения некоторой ситуации (Жалко отсюда уезжать); затем, когда эта возможность реализовалась, т. е. ситуация перестала иметь место в результате какого-то его поступка (в данном случае, отъезда) создаются условия для того, чтобы испытывать сожаление₁ – по поводу этого поступка. ((27) Я теперь жалею, что уехал из деревни), и, одновременно, или, возможно, по прошествии некоторого времени, для сожаления₂ – о том состоянии, которому этот поступок положил конец (28) Сожаление о годах, прожитых в деревне).

Что касается конструкции с дополнением в род.п. (употребления типа (25)), то она замечательна тем, что может выражать все три значения. Рассмотрим следующий пример: (29) Мне жалко времени на эту работу. Значение слова жалко в (29) представляет собой частный случай C_3 : здесь ситуация Q – это обладание какой-то ценностью (которая обозначена именем в генитиве – в данном случае, время); соответственно, прекращение Q – расходование этой ценности (или ее части). При этом, если в конструкции с инфинитивом названо действие P , означающее прекращение ситуации Q (само Q здесь никак не обозначено), то в конструкции с генитивным дополнением, наоборот, содержится указание на ситуацию Q , а действие, ее уничтожающее, не названо – хотя оно может быть восстановлено, благодаря чему конст-

рукция с генитивным дополнением может быть преобразована в инфинитивную: ср. Жалко времени – Жалко тратить время¹⁷⁾.

При употреблении генитивной конструкции в прош. времени сов. вида точка выбора смещается в прошлое, оставаясь синхронной состоянию сожаления; при этом акциональный компонент становится главным, а кроме того возникает смысл, что выбор был сделан "согласно чувству": пожалел (стало жалко) денег → 'не потратил (потому что не хотелось)'¹⁸.

Возьмем теперь другой контекст: (30) Мне жалко времени, потраченного на эту работу. Здесь реализуется значение C_1 ; ср. предложение (31), которое может рассматриваться как перевод (30) в косвенную речь: (31) Он жалеет о времени, потраченном на эту работу.

И, наконец, конструкция с генитивом может иметь значение C_2 (оно в большей степени характерно для жаль – см. примеры (8), (9), – чем для жалко, а у глагола жалеть отсутствует).

Таким образом, сочетание жалко времени может обозначать: 1) 'жалко потраченного времени' (C_1), 2) 'жалко хорошо проведенного времени' (C_2) и 3) 'жалко тратить время' (C_3). Наличие распространителей у существительного в род. падеже исключает возможность понимания этой конструкции как выражающей смысл C_3 ; однако первые два понимания могут быть допустимы одновременно, т.е. конструкция с генитивным дополнением может давать омонимию между C_1 и C_2 на уровне предложения. Именно такую омонимию демонстрирует наш пример (8), где первое предложение Мне больше всего жаль часов, когда я собирался на свидание может быть понято двумя способами – как содержащее C_1 (\approx 'зря потра-

¹⁷⁾ Ср. соотношение C_1 и C_2 ; примечательно, что между инфинитивной и генитивной конструкцией имеется то же расхождение – и по той же причине – в знаке оценки пропозитивного объекта.

¹⁸ Аналогичный сдвиг значения в сов. виде характерен и для других предикатов внутреннего состояния; ср.: боятся (сте-

тил время') и как содержащее C_2 (\approx 'вспоминаю как о чем-то хорошем'). То, что здесь имеется в виду второе понимание, следует лишь из дальнейшего текста. Та же омонимия присутствует во франц. примере (I6).

Нам осталось упомянуть еще одно слово - раскаиваться. Оно может выражать смысл C_1 (примеры (32), (33)) и смысл 'раскаиваться' (пример (34)), различие между которыми очевидно уже потому, что они могут противопоставляться (ср. (35)).

(32) В тридцать лет люди обыкновенно женятся - я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. /Пушкин/ (33) Сбруев согласился вести это дело под нажимом крайне напористой матери обвиняемого. Теперь он раскаивался в своем согласии. /З.Богуславская/ (34) Тогда Иуда, предавший его, увидев, что он осужден, и раскаившись, возвратил первосвященникам 30 серебрянников /Матф. XXII, 3/. (35) Я убил Супруга твоего; и не жалел о том - и нет раскаянья во мне. /Пушкин/.

Различие между раскаяньем и сожалением (C_1) состоит - помимо того, что раскаиваться можно только в намеренно совершенном поступке, - в том, что в 'раскаиваться' иначе устроен оценочный компонент: оценка здесь, во-первых, может быть только непосредственной ¹⁹⁾ о типа, во-вторых, она принадлежит к классу моральных оценок. Кроме того, как отметила А.Вежицкая, в 'раскаиваться' входит смысл 'X знал, что P плохо, когда делал P' [1, с.63] (пользуясь нашим языком, можно сказать, что

Продолжение сноски со с. 209.

сняется, стыдится, лень) рассказывать и побоялся (постеснялся, постыдился, поленился) рассказывать → 'не рассказал'. 19) Непосредственная оценка в составе значения 'раскаиваться' порождает, в частности, несочетаемость соответствующего глагола с дополнением, включающим оценку противоположного знака (т.е. положительную); так, нельзя сказать *Я раскаиваюсь в своем благородном поступке, при том, что сожалеть о благородном поступке - можно (так как этот поступок может подвергнуться переоценке, если обнаружатся какие-то его непредвиденные нежелательные последствия).

в момент совершения Р X считал, что Р плохо, а в момент t₀ X ощущает, что Р плохо). Этот дополнительный смысл также отличает раскаяние от сожаления.

В приводимой ниже таблице указаны возможности реализации обсуждавшихся значений для каждого из слов русского языка, имеющих отношение к сожалению – в зависимости от синтаксической конструкции, в которой они выступают. Помимо C₁, C₂ и C₃ мы используем также обозначения: Ж – значение, связанное с чувством жалости (которое мы не анализировали), Р – ‘раскаиваться’. Прочерк обозначает отсутствие у соответствующего слова соответствующей синтаксической конструкции. Скобки указывают на то, что выражение данного смысла данной формой является редким. Нахождение двух разных символов в одной клетке таблицы отражает неоднозначность данной формы.

	(о том) что	о + сущ. в предл.п.	сущ. в род.п.	сущ. в вин.п.	глагол. в инф.
сожалеть	I C ₁	2 C ₁ C ₂	-	-	-
жалеть	3 C ₁	4 C ₁ C ₂	5 C ₃	6 Ж	7 (C ₃)
жалко	8 C ₁	-	9 C ₁ (C ₂)C ₃	10 Ж	11 C ₃
жаль	12 C ₁	-	13 C ₁ C ₂ (C ₃)	14 Ж	15 C ₃
сожаление	-	16 C ₁ C ₂ C ₃ Ж	-	-	-
раскаиваться ²⁰⁾	17 C ₁	18 C ₁	-	-	-

²⁰⁾ в обоих случаях – с предлогом в (вместо о).

Примеры.

1. (4), (5), (7), (17).
2. C_1 - (1), (6); C_2 - (2), (17), (18), (19).
3. (4), (5), (14), (27), (35).
4. C_1 - (20), (31); На какой-то миг ты пожалел о предусмотрительно убранной плевательнице. /Р.Киреев/; C_2 - (20).
5. Он никогда не жалеет денег на цветы.
7. (23).
8. (15), (15), (16).
9. C_1 - (30); C_3 - (29).
10. (24).
12. (3), (12), (13).
13. C_1 - Жаль потраченного времени; C_2 - (8), (9), (16).
15. Жаль расставаться.
16. C_1 - Сожаления об ошибках бесполезны; C_2 - (10), (28); C_3 - Я вас покидаю с сожалением; \bar{X} - Он скорее сожаления достоин, чем насмешки. /Тургенев/.
17. (32).
18. C_1 - (33); P - (34) (без дополнения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Wierzbicka A. Semantic primitives//Linguistische Forschungen. B. 22. Frankfurt/M., 1972.
2. Leibniz G.W. Tabulae definitiorum//Słownik i semantyka. Definicje semantyczne. Wrocław etc. Ossolineum, 1975
3. Спиноза Б. Избранные произведения. Т.1, М., Изд-во иностр. лит., 1957.
4. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., "Мысль", 1984.
5. Декарт Р. Избранные произведения. М., Изд-во инос. лит., 1950.
6. Oeuvres de Descartes. Publié par Ch. Adam et P. Tannery. P., 1919.
7. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния. Дисс. канд. филол.наук. М., 1985
8. Фон Вригт Г.Х. Диахронические и синхронические мо-

дальности//II Советско-финский коллоквиум "Интенциональные логики и логический анализ естественных языков". Доклады финских участников. М., 1979.

9. Wierzbicka A. *Lingua mentalis. The semantics of natural language*. Sydney etc. Acad. press, 1980.

10. Прайор А.Н. Временная логика и непрерывность времени//Семантика модальных и интенциональных логик. М., "Прогресс", 1981.

11. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования М., "Прогресс", 1980.

12. Хилпинен Р. Семантика императивов и деонтическая логика//Новое в зарубежной лингвистике, вып.18, М., "Прогресс", 1986.

13. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов//там же.

14. Павленко Р.И. Проблема смысла. М., "Мысль", 1983.

15. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., "Наука", 1985.

16. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема)//Семиотика, вып.23. Тарту, Изд-во ТГУ (в печати).

17. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т.42, 1983, № 4.

18. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность//Новое в зарубежной лингвистике, вып.18. М., "Прогресс", 1986.

19. Столнейкер Р.С. Прагматика//Новое в зарубежной лингвистике, вып.16. М., "Прогресс", 1985.

20. Мур Дж. Принципы этики. М., "Прогресс", 1984.

21. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка//Проблемы структурной лингвистики 1982. М., "Наука", 1984.

22. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. Вопросы языкознания, 1985, № 3.

23. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства//Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып.13. М., МГПИЯ им.М. Тореца, 1970.

24. Dik S.C. *The semantic representation of manner adverbials*//Linguistics in the Netherlands, 1972.

25. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке//Семантические типы предикатов. М., "Наука", 1982.

26. Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge Univ. Press, 1983

Е.Р.ИОАНЕСЯН
ЗНАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ

I. Как известно, знание может происходить из разных источников, ср. знание из непосредственного опыта, выводное знание и знание из вторых рук [1]. При этом знание, опирающееся на собственный перцептивный опыт, занимает особое место: "То, что человек видел сам, имеет для него самую высокую степень достоверности" [там же]. Важно, однако, что сами перцептивные глаголы могут содержать в своем значении эпистемические компоненты, связанные с эпистемической установкой ЗНАНИЕ: "Уже в сочетании с предметным объектом глагол видеть включает в свое значение эпистемический компонент, поскольку предполагает в субъекте способность идентифицировать воспринимаемое, вписывать его в концептуальную картину мира, построенную на основании разнообразной информации, а также предшествующего личного опыта" [2, с.10].

Акт восприятия может оказаться отграниченным от акта идентификации во времени, ср. пример из [3] : Я видел твою жену, но не узнал ее — идентификация говорящим наблюдаемого им объекта как жены его собеседника произошла не в момент восприятия, а спустя какое-то время (скорее всего, тогда, когда женщина уже перестала находиться в поле его зрения). Акт восприятия может вообще не сопрово-

даться актом идентификации, см. пример из [2]: — Видишь, что я держу в руке? Что это? — Вижу, но не знаю, что это. "Зрительное восприятие не исключает ошибки и может совмещаться с незнанием" [2, с.10]. Какого рода незнание может иметься в виду? По всей видимости, здесь выделяются следующие случаи:

1) Незнание равносильно неспособности субъекта осуществить таксономическую идентификацию объекта восприятия, например: Я видел(в темноте) какое-то лохматое существо, но не знал, что это волк — I тип незнания.

2) Незнание означает отсутствие в сознании субъекта восприятия правильной номинации для объекта наблюдения, например: Я видел какую-то узенькую улочку, но не знал, что это улица Семашко (= не знал, что она называется улицей Семашко) — II тип незнания.

3) Незнание сводится к неосознанию "тождества между конкретным пространственно-временным срезом объекта и объектом в его целостности" [4], входящим в мир знаний субъекта, например: Я видел какого-то мужчину, но не знал, что это Маяковский (≠ не знал, что его зовут Маяковский) — III тип незнания. При этом объект глагола видеть может вводиться номинацией, обозначающей объект в целом, в совокупности всех его свойств (в частности, и тех, которые не могут быть в сфере "видения"), например: Я видел его жену, но не знал, что это она (пример из [3]): номинация, соответствующая пространственно-временному срезу (ипостази) объекта (его жена), совпадает с константным обозначением объекта.

4) Незнание заключается в том, что субъект восприятия не отождествляет объект наблюдения, идентифицированный им как некий X, с объектом Y, например: Я видел корнета Александра, но не знал, что это Надежда Дурова — IV тип незнания. Ср. определение одного класса предложений тождества в [4]: "Тип 3 составляют предложения, в которых первый и второй компоненты являются глобальными номинациями.

Здесь толкование таково: говорящий предлагает слушающему заменить модель мира, в которой соответствующие имена обозначают два разных объекта, на такую, в которой они обозначают один и тот же объект... Некоторые подозревали, что корнет Александров – это Надежда Дурова" [4, с. 161].
5) Незнание есть незнание факта принадлежности "двух разных ипостасей или срезов одному и тому же объекту" [4, с. 162], например: Я видел мать Петрова, но не знал, что это завуч – У тип незнания.

2. Если записать формулу совмещения зрительного восприятия с незнанием как А видел X, но не знал, что это У, то очевидно, что только три первых из выделяемых нами типов незнания допускают построение высказываний, где X равен У (Я видел X, но не знал, что это X), например: Я видел твою жену, но не знал, что это она (III тип незнания); – Ты видел бассета? – Видел, но (в тот момент) не знал, что это бассет (I или II тип незнания: либо отсутствие акта таксономической идентификации в момент восприятия, либо отсутствие у субъекта в указанный момент соответствующей номинации).

Существенно отметить, что позицию X в конструкции видел X, но не знал, что это X могут занимать именные группы лишь двух типов:

1) Именные группы со сдвоенным денотативным статусом (см. [5]) – конкретно-референциальным и родовым – для первого и второго типов незнания У (видел бассета, но в тот момент не знал, что это бассет).

2) Именные группы, являющиеся глобальными номинациями, – для незнания третьего типа: видел Маяковского, но (в тот момент)

1) Ср. – Ты видел когда-нибудь страуса? – (родовой статус именной группы страус). – Я видел страуса в зоопарке (поскольку в описываемой ситуации объект фиксирован, именная группа страус имеет, помимо родового, конкретно-референтный статус).

не знал, что это он (Маяковский). Именные группы со статусом неопределенности невозможны в высказываниях вида: видел X, но не знал, что это X (ср. [3]): *Я видел какую-то собаку, но не знал, что это она (какая-то собака) — подобные предложения не соотносятся ни с одним из типов незнания. Действительно, во всех рассматриваемых нами случаях мы имели дело с различием эпистемических установок субъекта в момент восприятия и в момент речи. Здесь же нет противопоставления между содержанием сознания в момент речи и в момент "видения". Покажем, что это так. Незнание всегда опирается на знание. Так, неизвестность объекта говорящему при произнесении высказывания Я видел какую-то собаку опирается на его знание о таксономической принадлежности объекта его восприятия (то, что я видел, — собака). Следовательно, случай незнания, связанный с неопределенностью класса объекта восприятия (I тип незнания), здесь исключен. Второй случай, связанный с отсутствием у субъекта нужной номинации для объекта тоже, по понятным причинам, невозможен.

Третий тип незнания (противопоставление пространственно-временного среза объекта объекту в целом) также не может описываться предложениями с неопределенными именными группами, обозначающими наблюдаемый объект. Действительно, именная группа типа какая-то собака не может быть глобальной номинацией объекта, входящего в мир знаний субъекта установки.

Аналогично невозможны предложения вида видел X, но не знал, что это X, где в качестве X фигурируют собственно неопределенные именные группы; в артиклевых языках этот статус выражается, как правило, неопределенным артиклем [5]. Ср. пример из [3]: *Я видел слона (an elephant), но не знал, что это слон. Подобные высказывания не могут использоваться для описания выделенных нами первых трех типов незнания:

1) Первый тип незнания (незнание таксономической принадлежности наблюдаемого объекта) в принципе может быть связан с двумя возможностями:

а) субъект восприятия незнаком с классом объектов X, не имеет представления о его свойствах, в частности о его "внешнем облике"; это обуславливает его неспособность отнести наблюдаемый объект к какому-либо классу [см. приведенный выше пример: Я видел бассета (в артиклевых языках здесь стоял бы определенный артикль), но в тот момент не знал, что это бассет]. Эта разновидность незнания не может описываться высказываниями о собственно неопределенными именными группами типа an elephant 'слон', поскольку презумпцией использования таких именных групп является наличие у субъекта речи представления о классе слонов: для того, чтобы говорить о представителе (пусть и неизвестном) какого-либо класса, необходимо иметь представление о самом классе; если человек говорит о представителе класса, то, следовательно, границы этого класса очерчены у него в сознании;

б) класс объектов X входит в сферу знаний субъекта восприятия; неспособность осуществить таксономическую идентификацию некоторого объекта, бывшего в сфере его видения, связана с какими-то помехами при восприятии. Если бы можно было ввести шкалу номинаций по степени "эпистемичности" обозначения ими объектов действительности [шкала, где на одном конце находились бы чисто "оптические" обозначения объектов (серебряное пятнышко), на другом конце — чисто "эпистемические" обозначения (луна), а промежуточная зона была бы заполнена именами типа какой-то объект, какой-то человек и т.п.], то в этом случае можно было бы говорить, что именная группа, обозначающая объект глагола видеть, должна быть ближе к оптическому концу шкалы, чем именная группа, обозначающая объект глагола не знать. Например: Я видел какое-то пятнышко в небе (оптическое обозначение),

но не знал, что это спутник (эпистемическая номинация); Я видел в темноте какое-то лохматое существо, но не знал, что это собака (номинация лохматое существо в большей степени, чем именная группа собака, опирается на перцептивные данные; или, иными словами, номинация собака более "эпистемична", чем номинация лохматое существо); Я видел в темноте какую-то собаку, но не знал, что это была Джерри (объект глагола не знать обозначен более "эпистемически", чем объект глагола видеть).

2) Второй тип незнания (незнание номинации): рассуждения, аналогичные предыдущему случаю.

3) Третий тип незнания (неумение связать определенный пространственно-временной срез объекта с объектом, известным субъекту). Невозможность использования собственно неопределенных номинаций в высказываниях о незнании данного типа определяется тем, что подобные номинации не могут фигурировать в качестве глобальных номинаций для известных субъекту объектов.

3. Итак, мы попытались проанализировать ситуации, при которых зрительное восприятие совмещается с незнанием, вызванным невозможностью идентификации наблюдаемого объекта действительности. Характерно, что акт идентификации некоторого объекта часто является основным в состоянии, описываемом эпистемическими глаголами знания. Однако, как показывает сопоставительный анализ русских эпистемических глаголов знать и не знать с их французскими аналогами (savoir и ne pas savoir), разные глаголы характеризуются разными свойствами в указанном отношении.

Известно, что выражение я знаю может вводить только те пропозиции, по отношению к которым в принципе возможно и незнание (Л. Витгенштейн). Существует целый ряд достоверных пропозиций, которые не могут вводиться этим выражением: перцептивные пропозиции, "сформулированные человеком в момент наблюдения, - * Я знаю, что больной лежит вот здесь" [6,

с. 44], пропозиции, "полученные в результате интроспекции, в которых описывается внутреннее состояние субъекта, напр., * Я знаю, что мне больно" (там же) и др.

Глагол savoir в данном аспекте, по-видимому, отличается от русского глагола. Французский предикат имеет более широкую сферу употребления, обозначая в определенных случаях не "знание", а "осознание" определенной ситуации, в частности, осознание внутреннего состояния субъекта пропозициональной установки, точнее — акт идентификации этого состояния. Например: Il ne saurait jamais s'il l'aimait ou s'il la détestait (Boileau-Narcejac)

'Он так никогда и не узнает, любил ли он ее или нет' — здесь герой, испытывая некоторое чувство, затрудняется его идентифицировать (что это? любовь или ненависть); Il regarda même Stephan pour savoir s'il en voulait au Polonais 'Он даже посмотрел на Стефана, чтобы понять (*узнать), сердится ли он на поляка'.

Как отмечалось, глагол знать не может использоваться для описания данных непосредственного наблюдения. Французский же глагол допускает подобного рода контексты в случае, если перцептивные данные оказываются на каком-то этапе недостаточными для идентификации некоторой ситуации: On ne pouvait pas encore savoir si Pierrot avait plus ou moins de fièvre 'Пока было непонятно (букв. еще нельзя было знать), уменьшился ли у Пьера жар (или увеличился)' — здесь мать Пьера, прикладываясь постоянно губами ко лбу ребенка и обладая, таким образом, "перцептивными данными" о состоянии ребенка, не может, тем не менее, идентифицировать это состояние.

Кстати сказать, не все ограничения на употребление русского глагола знать, сформулированные в [I], носят абсолютный характер. См., например, "пропозиции, характеризующиеся высокой степенью субъективности (в которых отражены ощущения и субъективный опыт субъекта), не приобрета-

ют способность вводиться глаголом знать даже при условии перенесения повествования в более поздний временной план, ср.: * Я знаю, что вчера у меня болело горло, * Я знаю, что я провел отпуск на море". Однако в определенных контекстах такие высказывания, по-видимому, допустимы, например: Мама говорит, чтобы Павлик выпил таблетку, раз у него болит горло, а я знаю, что у меня тоже болит горло (что у меня болит горло еще сильнее), но молчу. Ср.: французский пример: Et celui-la savait qu'il était un assassin et qu'Emile était innocent ! Il le savait depuis des mois

'А тот знал, что он (он кореферентно именной группе тот) убийца и что Эмиль невиновен. Знал уже долгие месяцы' — здесь глагол savoir также вводит "достоверную" пропозицию, пропозицию, в которой "отражен собственный опыт субъекта" [I].

4. Заметим, что знание и незнание могут сосуществовать друг с другом, при этом знание представляет как бы более глубокий, удаленный от поверхности уровень человеческого сознания (по сравнению, напр., с мнением). На более поверхностном уровне человек способен, например, размышлять о чем-то, истинность чего входит в фонд его знаний и, следовательно, не может быть предметом сомнения; либо же человек может действовать таким образом, как если бы он искренне не знал, что некоторая ситуация имеет место, в то время как в глубине души от прекрасно это знает. Ср. следующие французские примеры:

1) Il recommençait sans cesse à y penser, mais au fond il savait qu'il ne le ferait pas (Simenon)

'Он постоянно возвращался к мысли об этом, но, в глубине души, знал, что не сделает этого'. Здесь описываются раздумья героя о том, не взорвать ли бомбу прямо в комнате, при том, что он знает, что он этого не сделает. Другими словами, герой обдумывает возможность некоторой ситуации Р, зная, что Р невозможно;

2) Crois-tu qu'il s'en rende compte? - Je ne sais pas. Je crois plutot qu'il vit sur deux plans. Quand tout va bien, quand il est très invité, il oublie qu'il n'a rien fait pour ça. Mais au fond, il ne peut ne pas le savoir (Mau-
rois) - "Ты думаешь, он осознает это? - Не знаю, скорее он живет в двух плоскостях. Когда все идет хорошо, его все приглашают, он "забывает", что в этом нет никакой его заслуги. Но в глубине души он не может не знать этого".

Таким образом, человек может одновременно и знать что-то и не знать. Эта ситуация отличается от ситуации, описываемой глаголом забывать в его обычном употреблении. Х забыл, что Р означает, что в некоторый момент t_1 Х имел в уме "Р имеет место", а в некоторый более поздний момент t_2 Х не имел в уме "Р имеет место", т.е. здесь присутствует чередование состояний знания и незнания (или неактуализованного знания). Ситуация, о которой идет речь фо французском примере, означает одновременное сосуществование двух противоположных ментальных состояний - знания (на более глубинном уровне) и незнания (на более по-
верхностном).

5. Итак, в статье было показано, что восприятие не всегда сопровождается идентификацией воспринимаемого, и шире, знанием. Однако, как следует из анализа конструкций с союзом но (вижу, но не знаю, что это; не вижу, но знаю, что это Джерри), нормативными для носителей языка являются ситуации, в которых акт восприятия некоторого объекта сопровождается его идентификацией, и, наоборот, отсутствие перцептивных данных приводит к невозможности идентификации объекта.

Действительно, рассмотрим значение конструкции Х но У. В [7] было продемонстрировано, что союз но фиксирует нарушение нормального хода вещей: "Существует общепринятое и закреплённое в языке представление о нормальном ходе событий. Так, например, для современного человека нормаль-

ным завершением болезни является, видимо, выздоровление. Однако в языке отражено и закреплено другое представление, согласно которому нормальным исходом болезни является смерть, а выздоровление – нарушение нормального хода вещей. Ср. Заболе́л и скоро умер (*но скоро умер) и Он заболел, но выздоровел (*и скоро выздоровел)" [7, с. 440].

Таким образом, высказывание Вижу, но не знаю, что это свидетельствует о том, что нормальным следствием из ситуации наличия у субъекта установки перцептивных данных об объекте являлась бы идентификация этого объекта; высказывание Не вижу, но знаю, что это Джерри – о том, что нормальным следствием из отсутствия у субъекта установки перцептивных данных является невозможность идентификации этого объекта.

Существенно, что подобные максимы связывают восприятие не только со знанием-идентификацией, но и с более широким знанием и даже с полаганием, ср.: ... не вида никаких преступников, но зная, что они там (Булгаков); Я не видел этот фильм, но думаю, что он интересный; Я не видел, приходил ли он, но думаю, что приходил и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриовская М.А. Знание и достоверность. Настоящий сборник.
2. Арутюнова Н.Д. Глагол видеть в функции предиката пропозициональной установки. // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М.: Институт языкознания АН СССР, 1987.
3. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII, М., Прогресс, 1986.
4. Падучева Е.В. Предложения тождества: семантика и ком-

муникативная структура.// Язык и логическая теория. Сборник научных трудов. М., Центральный совет философских семинаров при Президиуме АН СССР, 1987.

5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
6. Дмитриовская М.А. Употребление глаголов мнения и знания с различными типами пропозиций.// Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М., 1987.
7. Санников В.З. Значение союза "но": нарушение нормального положения вещей.// Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. 1986, № 5.

Н.К.РЯБЦЕВА
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В КЛАССЕ КОГНИТИВОВ

Ситуации рационального мышления традиционно дифференцируются противопоставлением знания и полагания. Опозиции внутри поля "знание" затем выявляются на основе различий в источнике информации, в способе ее получения и верифицируемости (см. работы Б.Рассела, Г.Фреге, Дж.Остина, А.Вежбицкой, Н.Малкольма, Г.Причарда и др.). Однако в соответствующие парадигмы не включались специфические особенности такой группы когнитивов, которую образуют глаголы профессиональной научной познавательной деятельности (ГПД) исследовать, изучать и их контекстуальные эквиваленты рассматривать, выявлять, описывать, моделировать, производить анализ, классифицировать, систематизировать, объяснять, разрабатывать, уточнять и т.п. Их особенности интересны в двух отношениях: 1) с точки зрения специфики описываемой этими предикатами ситуации и способов ее фиксации в языке; 2) со стороны таксономии когнитивов: способны ли свойства ГПД внести в нее новые противопоставления.

Такие данные нужны для ряда практических задач распознавания и моделирования речемыслительной познавательной деятельности. Так, вопросо-ответные интеллектуальные системы, назначение которых заключается в удовлетворении некоторой познавательной профессиональной потребности, для того, чтобы

стать помощником специалисту, должны ориентироваться на "участие" или хотя бы помощь в ситуации "исследования". В более традиционных системах автоматической обработки текста – информационного и фактографического поиска, реферирования, аннотирования, форматирования, – учет функционирования ГПД позволяет адекватно распознавать информационную структуру документа. Пока достаточно ясно была установлена только их "сигнализирующая" функция: отмечалось, что в реферате, аннотации, резюме предложения обычно начинаются с определенного "маркера" реферативности, который показывает, что именно составляет содержание вторичного документа [1]. Ср.: Анализируются результаты изучения рецензирования; Рассматриваются аспекты взаимодействия человека с ЭВМ; Дается определение понятия научно-информационной деятельности.

Между тем ГПД играют организующую роль не только в предложении вторичного документа, но и первичного – в оригинальном научном и научно-техническом тексте, где они выполняют целый ряд важных функций. Во-первых, они описывают специфические профессиональные ситуации познания и потому приобретают определенную терминологичность (рассматривать картину/ прохожих ≠ рассматривать аспекты взаимодействия человека с ЭВМ); во-вторых, они выполняют роль языка описания, или метатекста при изложении собственно содержания и тем самым выделяют ключевые темы текста; в-третьих, вводя содержание, они выполняют функцию организации предложения, т.е. как бы задают его пропозициональную функцию, места переменных которой должны быть заполнены соответствующими терминами.

Еще одним аспектом практического использования лингвистических характеристик ГПД может быть прогнозирование поведения абонента при формировании банков и баз знаний. Чем точнее будут предсказаны свойства запросов к банку данных, тем более точную информацию он сможет предоставить по-

требителю. Например, ведущаяся сейчас в Институте языкознания АН СССР работа по формированию предметного указателя к энциклопедическому изданию "Языки мира" будет тем эффективнее, чем более точно будут смоделированы познавательные ситуации обращения будущего читателя (специалиста) к выносимым в Индекс лингвистическим сведениям.

Какие общие и отличительные черты свойственны когнитивам? В целом они описывают разнообразные информационные процессы восприятия, получения, умственной "обработки", передачи и хранения информации (знаний) и естественным образом распадаются на группы. Каждая из них соотносится с различными ситуациями интеллектуальных актов. Ментальные действия описываются предикатами пропозиционального достижения (обнаружить/ понять/ осознать/ вспомнить/ догадаться и т.п., что Р), а ментальные состояния — предикатами интеллектуального состояния [2, с.58] или пропозиционального отношения [3, с.11] (знать/ помнить/ думать/ удивляться и т.п., что Р). Вместе они описывают ситуацию "субъект фокусирует внимание на некотором положении дел, вербализует его и приобщает соответствующую информацию к фонду своих знаний (что не исключает возможности как ошибки, так и забывания информации)". Компонент "соответствующая информация" означает здесь "новую для субъекта информацию" и соотносится обычно с единичными ситуациями действительности. Глаголы этого типа образуют группу ментальных когнитивов; они выражают пропозициональную установку субъекта относительно объекта. В работе [4, с.88] эта группа названа ментальными глаголами.

Второй группой глаголов, соотносимых с категорией знания, являются глаголы говорения, коммуникации, информирования (сообщать/ докладывать/ уведомлять/ рассказывать/ написать/ договориться, что Р), описывающие ситуации передачи и получения информации "из вторых рук". В значение этих глаголов входит компонент "субъект знает Р и воздействует словесно на второго субъекта так, чтобы он знал Р", или:

"Г (говорящий) знает Р и каузирует С (олушающего) знать Р". Глаголы этого типа образуют группу коммуникативных когнитивов. В отличие от односубъектных (субъектно-объектных) ментальных когнитивов они указывают, что данный когнитивный процесс имеет двух субъектов, а передаваемая информация имеет как бы "межсубъектное" значение (или субъектно-субъектное).

Третью группу когнитивов составляют глаголы чувственного восприятия, описывающие ситуации эмпирического пополнения знаний (увидеть/ почувствовать/ услышать/ посмотреть/ проследить и т.п., что Р). Связь этих глаголов с эпистемическими состояниями показана в работе [5, с.11]. Они образуют группу перцептивных когнитивов; для них характерно указание на пропозициональную установку субъекта относительно объекта и соотнесенность с единичными ситуациями действительности.

Из выделяемых в философии языка трех способов пополнения содержания знания — непосредственный опыт, логический вывод (выводное знание) и знание "из вторых рук" (см., например, [6]), перцептивные когнитивы соотносятся с первым, ментальные — со вторым, а коммуникативные, как уже отмечалось, с третьим.

Отличительной чертой ГЦД является то, что они описывают ситуации получения о б ъ е к т и в н о нового научного знания, т.е. такого, которое должно пополнить научную картину мира ¹⁾. Их можно было бы назвать познавательными когнитивами (неудачность такого наименования — в тавтологичности компонентов). Гиперонимом этой группы когнитивов будет предикат "познавать законы природы". Многие из них "произо-

¹⁾ "Определяющий признак науки — наличие особого рода деятельности, предпринимаемой с целью производства нового знания" [7, с.30]; "В своей специфичности наука есть организованная и развивающаяся генерация знаний" [8, с.28].

шли" от ментальных, перцептивных и коммуникативных когнитивов, ср.: анализировать слова друга - анализировать закономерности развития научных школ; рассматривать картину - рассматривать принципы организации микромира. Эти же примеры свидетельствуют о том, что между разными группами когнитивов нет жестких границ и одни и те же глаголы могут употребляться в различных значениях. Однако только для ГПД релевантно разграничение субъективно/ объективно нового знания. Так, в примере (1) описывается ситуация усвоения уже имеющегося объективно знания, т.е. субъективация, "поглощение" знания: (1) Он изучает математику/ историю. В примере (2) описывается ситуация, когда отсутствие в научной картине мира определенных знаний (о свойствах магнитных сплавов) является стимулом для субъекта к их установлению: (2) Он изучает/ исследует свойства магнитных сплавов. Именно это противопоставление дает основание выделить ГПД в отдельную группу когнитивов.

Соотносятся ли ГПД с каким-либо из упомянутых способов пополнения знания? со всеми сразу? или они связаны с каким-то специфическим способом пополнения знания? Источник "знание из вторых рук" отпадает по определению. Очевидно, что "непосредственный опыт" и "выводное знание", хотя и составляют обязательный компонент научного исследования, не покрывают полностью всех его составляющих. Обобщение, вывод производятся в любых ситуациях исследования, даже если это анализ. Но если бы выводное знание было главным источником новой научной информации, то ее можно было бы получать алгоритмически: достаточно было бы ввести в ЭМ все научные суждения по какому-то вопросу, задать алгоритм получения следствий, а затем выбрать из них те, что "открывают" научные истины. То, что получение нового научного знания не формализуется (см., например, [9; 10]), говорит о том, что оно не замыкается на анализе уже существующих научных тео-

рий или на сопоставлении эмпирических фактов. Очевидно, что научное познание имеет свой специфический способ пополнения знания. В чем он заключается и каким образом соотносятся с ним глаголы познавательной деятельности? Если ситуации получения нового научного знания отличаются от ситуаций получения субъективно нового знания – поскольку способы их получения неодинаковы – то, видимо, это должно отразиться на лингвистических характеристиках соответствующих глаголов и способах их употребления в речи.

Как и все интенциональные глаголы, когнитивы подчиняют пропозицию, но их пропозициональная валентность реализуется в более разнообразных формах, проявляющих специфические свойства данных глаголов. Когнитивы, по определению, содержат в своем толковании компонент "знать", который объясняет их способность подчинять пропозициональную форму – косвенный вопрос (КВ) [4]. В контексте КВ проявляется фактивность когнитивов (по крайней мере, в данном употреблении [II, с.318]), что означает презумпцию истинности подчиненной пропозиции: Он (не) понял/ (не) сообщил, почему книги нет на столе → "То, что книги нет на столе – истинно"; Автор (не) исследует, какими функциями обладает язык → "То, что язык обладает функциями – истинно".

Фактивные глаголы допускают трансформацию номинализации подчиненной пропозициональной формы: КВ-придаточные типа "Каково N" могут сокращаться до "N" [II, с.313]; ср.: Они знают, каковы условия мирного договора → Они знают условия мирного договора; Автор исследует, каковы функции языка → Автор исследует функции языка. При этом презумпция истинности подчиненного компонента сохраняется, а вопросительный компонент имплицитруется, подразумевается, что придает номинализации форму "свернутого 'вопроса'" (wh-nominals), "открытой структуры", "параметрическая" валентность которой остается незаполненной: Он не сообщил своих намерений — Он не сообщил, каковы его намерения → В чем заклю-

чаются его намерения? КВ-придаточные и их эквиваленты (номинализации) – это единственная форма реализации пропозициональной валентности ГЦД, тогда как другие группы когнитивов могут подчинять еще и изъяснительное придаточное (that-clause, Р-придаточное), ср.: Они знают/ сообщают/ слышали, что мирный договор заключен; *Автор исследует, что язык имеет различные функции/ *имеет коммуникативную и когнитивную функции. Значение КВ, который подчинен ГЦД, отличается от его значения в контексте других предикатов пропозициональной установки, ср.: (3) Нам известно, где произошла авария → Нам известно, что авария произошла на Минском шоссе. В (3) КВ скрывает за собой положительное суждение (знание) субъекта установки [13, с.27] и вводит, по-существу, уже известную информацию. Очевидно, что такой установки субъект глаголов познавательной деятельности, описывающих ситуации получения знания, которым еще никто не обладает, иметь не может. Отсутствие установки на положительное суждение характеризует также субъекта предикатов не знать, интересно, неизвестно и т.п., однако при их употреблении в контексте КВ подразумевается, что кто-то обладает неизвестной субъекту информацией: Я не знаю/ Интересно, когда состоится конференция/ почему Петя не приехал. Я предполагаю это выяснить/ Это можно узнать у Иванова/ по телефону. Поэтому эти глаголы, в отличие от ГЦД, могут подчинять изъяснительное придаточное: Я не знал/ Интересно, что женщины никогда не рассказывают о подобных вещах (Г.Белль).

Таким образом, способность подчинять КВ – это интегральная черта когнитивов всех групп, отличающая их от других интенциональных предикатов; способность подчинять КВ, за которым скрывается положительное суждение – дифференциальная: отсутствие у субъекта установки положительного суждения, стоящего за КВ, разбивает когнитивы на два вида – игноративы и предикаты положительного суждения [13]. Неспособность подчинять Р-придаточное – это специфическая черта,

характерная для ГПД, употребление которых подразумевает отсутствие в научной картине мира положительного суждения (знания) по соответствующему вопросу (или его неудовлетворительность). Сочетаемостные свойства (и, следовательно, значения) когнитивов не исчерпываются пропозициональной валентностью; семантические и грамматические характеристики непропозициональных дополнений когнитивов находятся в определенных корреляциях с пропозитивными и отражают модификации в осмыслении соответствующих ситуаций действительности: "Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение" [14, с.125].

В наличии объекта у глаголов мышления и знания проявляется целенаправленность познания, его содержательность. По мере усложнения восприятия внешних предметов – от простого наблюдения к ментальным действиям или состояниям соответствующий интенциональный объект как бы переходит в категорию "содержание" и тем самым приобретает способность быть развернутым в пропозицию. Прямые объектные конструкции употребляются тогда, когда имеет место непосредственное зна – комство, видение, наблюдение, предметное представление: обнаружить трещину/ человека, помнить стихи/ своего деда, исследовать пациента/ дно реки. Иными словами, употребление глаголов, выражающих познавательное отношение, с прямым дополнением отличается от их использования с пропозициональными союзами [15, с.376]. В первом случае – с прямым дополнением, когнитивы, и не только перцептивные, отражают ситуации чувственного восприятия объекта в его "предметности" (изучать своего собеседника, узнать одноклассника на улице); во-втором – пропозициональном, – состояния мышления, его содержание, умственные способности или усилия (вспомнить, где лежит книга). Связующим звеном между этими двумя употреблениями (и значениями) являются конструкции с косвенным дополнением, эксплицирующим валентность на содержание-тему (помнить о друге, знать о событиях в Анголе) и сближающим ког-

нитивы с глаголами речевой деятельности (беседовать/ пом- нить о войне).

Косвенное дополнение при этом подразумевает событийное прочтение (восприятие) объекта-содержания, отсылает к теме речевых и ментальных действий или состояний (ор.: сообщать/ помнить о собрании, но: *сообщать/*помнить о столе). Когнитивы, не замыкающиеся на непосредственном восприятии, не сочетаются с предметным объектом, подобно тому, как глаголы восприятия не сочетаются с "содержанием" (темой): *понять/*осознать/*объяснить шкаф/*о шкафе; *видеть/*рассматривать/*изучать о брате. Непосредственное наблюдение тем самым оказывается тривиальным случаем получения информации; очевидно, что ему соответствуют прямые объектные конструкции с предметным именем и эмпирические пропозиции или их эквиваленты. Они фиксируют эмпирический опыт воспринимающего субъекта и содержание невыводного знания, которое субъект соответствующим образом аккумулирует.

Непосредственно воспринимаемая информация – "перцептивная" или "информация из вторых рук" – может быть основой для выводного знания, если опосредуется пониманием: По ее бледному лицу/ по ее жалобам я понял/ заключил/ узнал, что она больна/ о ее болезни. Это пропозициональное познание [15, с.380]. Когда объектом когнитивных состояний и установок являются единичные факты, объекты, ситуации, пропозиции, имеющие конкретную пространственно-временную соотнесенность, содержание знания субъекта пополняется субъективно новой информацией. При этом объект знания и ситуации его восприятия допускают квантификацию и показатели неспецифированной неопределенности. Ср.: Он много/несколько раз слышал, что все/ некоторые/ какие-то конференции в Москве откладываются; *Автор много раз исследовал какие-то функции языка в Москве.

Объект исследования, т.е. подчиненное ГПД дополнение, не допускает неопределенности, указания только тематического или предметного (непропозиционального) компонента, от –

сылки к единичным ситуациям во времени и пространстве: *анализировать/*исследовать/*обобщать физику/*океан. Если схемы ситуаций, описываемых ментальными, коммуникативными и перцептивными когнитивами (К), имеют форму S (субъект) К X (объект): S видит/ понимает X; S К об X: S рассказывает об X; S К, что Р: S сообщает/ слышит, что Р, то ситуации, описываемые ГЦД, в эти схемы не вписываются. Общей схемой для всех четырех групп когнитивов будет только

S К, KB и ее номинализованная свертка (TN): S К TN (KB). При этом зависимый компонент при ГЦД очевидным образом имеет свою специфику: понимать смысл предложения и исследовать смысл предложения явно направлены на разные объекты; ср.: понять смысл только одного предложения - *исследовать смысл (только) одного предложения; *понять смысл этого предложения как единицы языка - исследовать смысл предложения как единицы языка; *понять предложение и его смысл - исследовать предложение и его смысл.

Исследовать/ изучать пещеру отличается от исследовать/ изучать структуру/ геологию пещер тем, что в первом случае имеется в виду внешнее визуальное или тактильное восприятие, тогда как во втором - еще и попытка выявить какие-то важные свойства класса объектов. При этом подразумевается нетривиальный целенаправленный их поиск, результат которого не может быть задан заранее [15, с.255]. Для того, чтобы поиск имел смысл, необходимо установить не только объект поиска, но и область поиска, т.е. класс явлений, в котором осуществляется поиск заданного объекта. Причем в научных изысканиях под объектом поиска понимается предмет научного исследования - т.е. новое знание ²⁾. В вы-

²⁾ Необходимость различения объекта и предмета науки продиктована спецификой человеческого сознания. Рациональное истолкование чувственного опыта составляет предмет науки. Знакомство с объектом относится к материальной действительности, понимание предмета - к идеальной. В процессе познания происходит переход от рассмотрения свойств материального объекта к их опосредованному изучению в виде идеального явления - предмета. Предмет - это знание о явлениях [16, с.63].

ражении (4) изучать арабский язык содержание-объект приложения усилий – не предполагает поиска каких-то свойств, и фраза (4) означает "овладевать арабским языком". Во фразе (5) изучать особенности синтаксиса арабского языка задана "материальная" область поиска (например, в виде текстов или грамматики) – "синтаксис арабского языка" и его предмет (=идеальное содержание) – "особенности". Поэтому результатом процесса (5) будет не "овладевать арабским языком", как в (4), а "получать новые сведения о синтаксисе арабского языка", "выводить их", "производить их поиск".

Фразы (6) исследовать арабский язык, (7) исследовать физику воспринимаются как семантически свернутые (или даже неправильные), потому что не содержат указания на предмет исследования, а лишь фиксируют его "тему". Эллиптичность этих фраз может быть устранена введением таких пояснений, как с целью понять его особенности – в (6), или историю развития физики – в (7). Нельзя *обобщать полимеры, *формулировать историю, *рассматривать научно-информационную деятельность, но можно обобщать свойства полимеров, формулировать законы истории, рассматривать проблемы научно-информационной деятельности. При этом область исследования мыслится как класс определенных объектов или ситуаций их функционирования, как поле физически существующих, зафиксированных сущностей, воспринимаемых эмпирически; например, чтобы изучить историю развития физики, нужны труды классиков этой науки. Поэтому область исследования соотносится с чем-то "данным", "заданным", "исходным", "имеющимся в распоряжении" ³⁾, а предмет поиска подразумевает целенаправленный поиск соответствующей новой информации об объекте.

То, что в предмете научного поиска сосредоточено не только его содержание, но и цель, иллюстрируется трансформационными возможностями соответствующих выражений: изучать

3) "Исследовать – значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думает никто" [17, с. 72].

особенности синтаксиса арабского языка – исследовать арабский язык для того, чтобы найти особенности его синтаксиса; исследовать структуру познания – исследовать познание для того, чтобы (с тем, чтобы) найти его структуру. Ср.: *узнать одноклассника на улице для того, чтобы... (?), *услышать шаги для того, чтобы... (?).

В значении "проводить научное исследование" употребляются предикаты выяснять, уточнять, указывать, выявлять, выделять, освещать, проверять, проводить анализ, прогнозировать, обсуждать, моделировать, эксплицировать, проследивать, формулировать, раскрывать, выводить, оценивать, интерпретировать, описывать, обобщать, разрабатывать, обосновывать, характеризовать, систематизировать и мн.др. В словаре С.И. Ожегова глаголы познавательной деятельности имеют несколько значений; одно из них, как правило, соотносится с перцептивным восприятием, другое – с научной деятельностью (остальные возможные значения мы здесь не рассматриваем). Сравнение последнего значения этих глаголов показывает, что ни один из них не толкуется эксплицитно как описывающий ситуацию целенаправленного получения объективно нового знания в результате анализа свойств целого класса явлений и объективацию полученного нового знания, например: объяснить = "растолковать другому или осмыслить для самого себя, сделать ясным, понятным" (≠ объективация нового знания); характеризовать = "обнаружить/вать особенности, характерную черту" (≠ класса явлений); изучить 2 = "научно исследовать", исследовать = "подвергнуть научному изучению" (≠ поиск нового знания); познать 1 = "постигнуть, приобрести знание, узнать вполне" (=субъективация); описывать 2 = "изложить сведения о составе, особенностях чего-н." (≠ новое о классе явлений).

Такой способ толкования, не отражающий эксплицитно структуру объекта познания, не дает представления и о проблемной ситуации, в рамках которой проводится научное исследование: "Внешне проблемная ситуация выступает как конфликт между тем, что дано субъекту, и тем, что он должен достиг –

нута. Столкнувшись с задачей, человек чувствует, что ему недостает чего-то чрезвычайно существенного. Само решение выступает для субъекта как поиск недостающего звена... Поэтому в проблемной ситуации имеет место цель" [18, с.8,10]. Целенаправленный поиск научного знания ведется так, что отражение материального в сознании субъекта дает идеальное: "Суть науки состоит в непрестанном превращении материального в идеальное" [19, с.121]. Изучают специфику, принципы организации, структуру, системность, закономерности, свойства, отношения, законы, функции и т.п. некоторого класса материальных или материализованных (тексты и др. артефакты) объектов. Такие логические категории – это "гносеологические штампы", "готовые кирпичи", "блоки", с помощью которых ведется научное исследование [20, с.173] и происходит организация объективно нового знания, и которые подлежат прояснению для каждого нового класса явлений. Научные категории абстрактны в силу того, что они обобщают существенные черты, свойственные не единичному объекту, а целому классу объектов и явлений и представляют собой поэтому результат абстрагирования от его конкретных элементов. Но в то же время они отражают объективные свойства объектов, присущих им независимо от степени нашего познания этих свойств и наличие которых может быть подтверждено фактами. Поэтому абстрактная лексика, выражающая логические категории, относительна, она не может употребляться самостоятельно, без указания на тот объект, субстрат, материальный носитель, который она характеризует; нельзя *изучать свойства, *выявлять отношения/функции, *описывать систему, *рассматривать структуру сами по себе, без их носителей. Так же как не бывает хороших/плохих фактов, истинных/ложных причин, нельзя *изучать хорошие/ *плохие функции языка/*истинные/*ложные принципы организации микромира. В этом объективность и материальная связанность логических категорий с фактами: язык функционирует независимо от того, осознаем

ли мы его функции. Другое дело, что знание функций языка позволяет, например, в какой-то мере их целесообразно использовать или стимулировать.

Логические категории служат не только инструментом познания и организации его результатов, но они еще определенным образом характеризуют класс исследуемых объектов: анализировать структуру познания/ функции языка/ организацию микромира можно при условии, если познание структурировано, язык функционирует(овал), микромир не хаотичен, а каким-то образом организован. Предикативность абстрактной категориальной лексики (R) проявляется в том, что она имеет два семантических актанта — x, y. Переменные, которые могут заполнять позицию одного из них (x) — должны называть материальный носитель (класс объектов), который способен характеризоваться данной категорией R. Вторая валентность — на семантический актант y (параметр), связанный оператором вопроса ⁴⁾; ср.: объяснить организацию микромира = "объяснить, к а к о в а (y) организация (R) микромира (x)". Научная работа, коль скоро она целенаправленная, предполагает некоторый результат. Он будет заключаться в ответе на вопрос, который (неявно) формулируется пропозициональным объектом ГПД: выявлять, каковы (y) функции (R) языка (x) ≠ "ответить на поставленный вопрос следующим образом: функции языка — это такая-то и такая-то" ($P(x)=y_1 + y_2$). Иными словами, получение результата предполагает поиск констант на место интеррогативного семантического актанта-переменной y.

Таким образом, логические категории выполняют в процессе научного познания целый ряд функций. Они организуют научное знание, упорядочивают его; являются инструментом исследования; выступают как элементы его описания и потому

⁴⁾ Это свойство было отмечено Е.В.Падучевой по отношению к параметрическим словам: забыть цену = "забыть, к а к а я цена", знать его отношение = "знать, к а к о в о его отношение" [21, с.17; 22, с.27].

входят в качестве обязательного компонента в метаязык науки, и, наконец, они задают способ выражения научного знания при помощи суждения: как своего рода метапредикаты (R) они организуют пропозициональную форму так, что замена переменных x, y в ней на константы преобразует ее в законченное суждение, что и означает собственно репрезентацию нового знания. Проблемная ситуация научного поиска задает — оя, следовательно, "метапредикатом" каково (y) $R(x)$, где R — логическая категория, предмет изучения; x — переменная класса объектов, явлений, ситуаций, подлежащих изучению; y — переменная "значений" предмета изучения R на классе x . Нахождение значений переменной y равносильно формированию и/или конкретизации суждений, возможно полный набор которых (все значения y) формирует новое понятие — концепт $R(x)=y$. Концепт — это такая пропозиция, в которой некоторые элементы неопределенны, "пусты" или субъективны. Например: "письмо — это такой текст, который один человек (x) посылает другому какому-то человеку (y)" [3, с.132]. Научное понятие, в отличие от обыденного, не содержит субъективных элементов, стремится ко все более точному, конкретизированному (и в то же время обобщающему) и полному перечислению неопределенных переменных. Устанавливая какие-то новые свойства изучаемого объекта, субъект все более "понимает" его организацию, формулирует новые представления и суждения о нем; «про это понимание ... нельзя сказать, что оно достигло своей конечной цели, некоторой точки "в последней инстанции". Углубление этого вида понимания ведет к увеличению количества суждений, которые могут быть высказаны субъектом по интересующему его вопросу, а также к изменению его содержания» [23, с.103].

Новое знание формируется за счет вербализации, языкового воплощения мыслей субъекта, создания новых понятий через новое имя или дескрипцию, которые обозначают выявленные значения переменной y . Все это позволяет заключить,

что источником объективно нового научного знания, основным опосредованным пополнением научной картины мира служит **к о н ц е п т у а л и з а ц и я** – формирование новых или качественное пополнение, уточнение, обобщение имеющихся понятий. "Научные понятия обладают возможностью изменять свое содержание, что обуславливает прогрессивные концептуальные сдвиги" [7, с.193]. Концептуализация "действует" на всех этапах научной работы – на эмпирическом, теоретическом, общеметодологическом, философском, ср.: изучать свойства текста – изучать системность свойств текста – изучать принципы системности – изучать философские проблемы систематики.

Глаголы познавательной деятельности, описывающие процессы получения нового научного знания, представляют собой особую группу когнитивов, специфика которых заключается в том, что они отражают структуру проблемной научной ситуации, задают модель получения новых знаний, поскольку подчиняют логический метепредикат R и формируют установку на концептуализацию проблемной ситуации. Концептуализация заключается в превращении пропозициональной формы логического метепредиката в суждение $R(x)=y$ при помощи полученных в результате поиска констант на место имплицитной метепредикатом переменной y при некотором фиксированном классе x . Структурная модель S (субъект) K (=ГПД) каков (y) $R(x)$ задает, следовательно, фрейм построения предложения и некоторого фрагмента последующего текста, поскольку предполагает изложение "значений" переменной y : $R(x)=y_1+y_2+\dots+y_n$. Кроме того, сами ГПД могут эксплицировать собственно поисковые операции по выявлению значений переменной, приводящих к концептуализации нового знания: анализировать предполагает поэлементное исследование множества, классифицировать – объединение элементов в классы, систематизировать – особое качественное упорядочение элементов, формулировать, уточнять – более точную форму суждения, раскрывающего смысл концепта, интерпретировать – выведение новых сло-

дствий из суждений, моделировать – логическое построение, отражающее существенные свойства класса реальных прототипов, объяснять – поиск каузальных связей и т.п. Причем в каждой соответствующей ситуации получение нового знания предполагает обязательную его экспликацию через формирование объема и содержания (нового) понятия. Кроме того, помимо "операционального" компонента значения, толкования ГПЦ должны содержать компоненты, соответствующие их пропозициональному актанту – метапредикату R. Глаголы познавательной деятельности, как показывает материал, образуют отдельную группу когнитивов, для которой существенным противопоставлением является оппозиция субъективно–объективно новой информации и которая отражает способ получения и пополнения научного знания посредством концептуализации отражения объекта исследования. Это позволяет дополнить традиционную парадигму способов пополнения знания новым противопоставлением: эмпирическое восприятие – "знание из вторых рук" – логический вывод – концептуализация.

В лингвистическом плане ГПЦ специфичны тем, что их пропозициональную валентность может заполнять только КВ (или его номинализация), "игноративное" значение которого объясняется отсутствием в научной картине мира соответствующих знаний. Пропозитивное дополнение ГПЦ формируется тремя компонентами: классом однородных (в каком-то отношении) материальных объектов, который именуется родовым именем или именной группой с родовым денотативным статусом; именем предмета исследования – логической категорией, и оператором вопроса, эксплицитным или подразумеваемым. Состоящая из этих компонентов подчиненная пропозициональная форма (КВ) не допускает неопределенности имени объекта исследования, отсылки к единичным ситуациям во времени и пространстве, и через логическую категорию указывает на цель исследования. Структура толкования ГПЦ, в соответствии с составом компонентов ситуации научного исследования, должна

включать, следовательно, следующие пропозиции:

- В исследует какво (y) $R(x) \cong$
[презумпция]: "В является специалистом в области X;
"в U (в научной картине мира) отсутствуют знания y
об $R(x)$ ", где R - логическая категория;
[ассерция]: "В производит научный поиск значений y функ-
ции R на классе однородных объектов x";
[импликация]: "В формулирует полученные новые знания в
виде определения концепта: $R(x)=y$ ".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радзиевская Т.В. Реферативный текст в лингвопрагматическом аспекте. // НТИ, сер.2, 1986, № 1.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопросы языкознания, 1986, № 2.
3. Vendler Z. *Res Cogitans. An Essay in Rational Psychology*. London, 1972.
4. Падучева Е.В. Слова, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс? // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабоч. совещания. М., Институт языкознания АН СССР, 1987.
5. Арутюнова Н.Д. Глагол видеть в функции предиката пропозициональной установки. // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабоч. совещания. М., 1987.
6. Austin J.E. *Philosophical Papers*. Oxford, 1970.
7. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. М., 1985.
8. Старостин Б.А. Параметры развития науки. М., 1980.
9. Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.
10. Парахонский Б.А. Стиль мышления. Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. Киев, 1982.

11. Вендлер З. Факты в языке.// Философия, логика, язык. М., Прогресс, 1987.
12. Зализняк А.А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния. АҚД., М., 1985.
13. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. К вопросу о косвенных вопросах.// Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы раб. совещания.М., 1987.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
15. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
16. Таирбеков Б.Д. Философские проблемы науки о переводе. Баку, 1974.
17. Коган В.З. Маршрут в страну информологии. М., 1985.
18. Поспелов Д.А., Пушкин В.Н. Мышление и автоматы.М.,1972.
19. Кедров Б.М. Классификация наук. М., 1985.
20. Готт В.С., Семёнюк Э.П., Урсул А.Д. Категории современной науки. М., 1984.
21. Падучева Е.В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации.// Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1980, вып.20.
22. Падучева Е.В. О синонимии нексусного и юнктивного оформления подчиненной предикации.// Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
23. Дмитриовская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола понимать.// Вопросы языкознания, 1985, № 3.

М.Г.СЕЛЕЗНЕВ
ВЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Вера есть феномен душевной жизни человека и, с другой стороны, в то же время, феномен культуры. Вера может быть, однако, и объектом лингвистического исследования – в такой степени, в какой она находит в языке свое выражение. Попытку такого рода исследования, предпринятую на русском материале, и представляет собой данная статья.

I. Анализ наш начнется с – пускай грубого – определения тех границ семантического поля веры, которые отделяют его от смежных – таких, как семантические поля знания и мнения. Подчеркнем, что сами по себе знание и мнение не интересуют нас в настоящей статье, – интересуется лишь то, в чем они противопоставлены вере. Исходной точкой будет следующий простой вопрос: можем ли мы мотивировать свои убеждения, когда говорим "Я знаю, что...", "Я думаю, что...", "Я верю, что..." – и если да, то как? (Оговорим с самого начала, что семантика конструкций вида ВЕРИТЬ В + ВИН.ПАД или ВЕРИТЬ + ДАТ.ПАД. в статье вообще не рассматривается).

Знание – начнем с этого первого противопоставления – есть не акт, совершаемый субъективным сознанием, но скорее состояние этого сознания, возникшее как бы независимо от него. Слова "Я знаю, что..." подразумевают, что наше знание

предстает перед нами как нечто очевидное, недискуссионное, как нечто, что и не вычислено субъектом и не принято им на веру; но словно бы непосредственно увидено в объективной реальности. Для иллюстрации (и одновременно пояснения) этого положения мы можем, с одной стороны, вспомнить о презумпции истинности, входящей в смысл глагола знать (и сохраняющейся даже при его употреблении в не-первом лице или в не-настоящем времени), с другой же стороны – обратиться к сравнительному анализу таких, скажем, примеров, как (1) – (3).

(1) – Я думаю, что Иван не придет. Почему (*откуда) ты так думаешь? – Как тебе не стыдно так думать?

(2) – Я все-таки верю, что Иван придет. – Почему (*откуда) ты так в это веришь? – И тебе не стыдно все еще в это верить?

(3) – Я знаю, что Иван не придет. – Откуда (*почему) ты это знаешь? – Как тебе не стыдно это знать?

Поскольку глаголы думать и верить описывают здесь внутренний акт (суждения или веры), совершаемый говорящим, то уместно спросить о мотивах этого акта (Почему?), а ввиду того, что говорящий ответственен за этот акт – уместно упрекнуть его (Стыдно!). Но знание воспринимается не как акт, а как данность – как обладание истиной. Мы можем лишь спросить, откуда оно пришло, но нельзя ни укрепить за него, ни требовать мотивировки.

Единственная альтернатива – отказать собеседнику в знании (т.е. в бесспорном обладании истиной) – и тогда уже, лишив его слова презумпции истинности, трактовать их не как знание, а как частное мнение:

(3') – Я знаю, что Иван не придет. – Почему ты так решила? Стыдно тебе так малодушничать!

Отметим, далее, что в ответ на вопрос "Откуда ты это знаешь?" мы, как правило, указываем внешний источник:

"На работе сказали", "В газете прочел", "Сам видел" - знание поступает в нашу память, словно минуя суд сознания. Совершенно иная картина, как мы увидим дальше, наблюдается в случае мнения и/или веры: на первом месте здесь не внешняя реальность, но рассуждения и внутренний мир субъекта.

Эта субъективность и - что не менее важно - как бы "неполнота" веры и мнения (по сравнению со знанием) видны уже из того, хотя бы, что обретая в глазах говорящего объективность и полноту, они попадают в сферу того, что описывается словами "Я знаю". Сравним (4) и (5):

(4) - Я верю, что наши жертвы не напрасны.

(5) - Я знаю, что наши жертвы не напрасны.

Строго говоря, и в (4) и в (5) мы имеем дело с верой в чистом виде, с металоогически обоснованными убеждениями. Но в (5) степень убежденности намного больше - говорящий перестает уже отдавать себе отчет в субъективности собственной веры - и она становится для него как бы объективным знанием.

2. Будучи противопоставлены знанию по признакам неполноты и субъективности, акты мнения и веры противопоставляются друг другу по своему "психологическому обоснованию". Акт мнения ("Я думаю ...", "Я полагаю...", "Я считаю...") основывается, как правило, на эмпирических посылках:

(6) - Почему ты так думаешь? - Потому, что уже десять, а его все нет. (Здесь и далее выделяется мотивация актов веры и мнения).

Даже если говорящий и не в состоянии эксплицировать мотивы своего суждения, все равно слова думаю, полагаю, считаю подразумевают некоторую (пусть неэксплицируемую) цепочку логических обоснований. Акт веры (см. примеры (7) - (14) основывается на посылках иного рода - иррациональных и металоогических.

3. Впрочем, определив акт веры как акт метадогический (в отличие от логического акта суждения) мы, по сути дела, не столько ответили на вопрос, сколько поставили вопрос — о природе этого метадогического акта. С первого взгляда, глагол верить должен быть истолкован как описывающий доверие к какому-то авторитету, присоединение к чьему-то мнению, принятие какого-то более или менее распространенного воззрения (системы воззрений). Подобные толкования, действительно, вполне удовлетворяют определенной части употреблений слов "Я верю, что..." Приведем примеры.

(7) (Маленький мальчик) — А я все равно верю, что меня нашли в капусте. — Почему? — Мне папа сказал. А папа всегда говорит правду.

(8) — Как это ни смешно, но я действительно верю, что звезды влияют на жизнь человека. — Почему? — Нет дыма без огня. А наши предки были не глупее нас.

(9) — Врач говорит, что это рак, и я верю, что, значит, так оно и есть. — Почему? — У меня нет оснований не доверять ему.

Все же важнейший, пожалуй, тезис нашей статьи состоит, как раз в том, чтобы показать, что вера далеко не всегда есть именно вера в чей-то авторитет или простое присоединение к чужому мнению.

4. Отметим, прежде всего, некую "несимметричность" веры по отношению к добру и злу: предмет веры — скорее нечто хорошее, нежели нечто плохое. Это может быть продемонстрировано, скажем, при анализе фраз.

(10) — Я верю, что Иван это сделает.

и

(10') — Я верю, что Иван не сделает этого.

В первой фразе - о чем свидетельствует спрос информантов - слово это понимается, скорее всего, как что-то хорошее (по крайней мере для говорящего), во второй - как нечто плохое. Случайна ли такая "асимметричность"? Должны ли мы отразить ее в толковании глагола верить? Перед нами - ряд примеров, в которых употребление глагола верить никак не может быть объяснено отсылкой к авторитету или присоединением к какой-то принятой системе взглядов.

(II) - Все будет хорошо. Вот увидишь. Все будет хорошо. Я верю, что все будет хорошо. - Почему? - Просто потому, что не может все быть так плохо.

(I2) (На фронте) - Верю, что мы победим! - Почему? - Потому, что наше дело правое.

(I3) (Сентиментальная дама, выходя из кинотеатра) - Я верю, что они найдут друг друга. - Почему? - Но ведь они так любят друг друга.

(I4) (Маленькая девочка) - А я все равно верю, что Маленький Принц есть. - Почему? - Потому что он такой хороший.

Ни в одном из случаев (II) - (I4) (кроме, возможно, (I2) не может быть и речи о том, что в основе веры лежит авторитет: кто же может гарантировать, что и в самом деле "не может все быть так плохо"? Кто мог бы сказать - и тем гарантировать - что правое дело всегда побеждает? что любящие всегда находят друг друга? что если кто-то "хороший", то он обязательно "есть"? Если здесь и может идти речь о доверии к чему-то - то не о доверии к внешнему авторитету, а о доверии к какой-то глубиннейшей интуиции о "добром" устройении мира, о том, что ведь должен же мир соответствовать нашему идеальному (и потому - оптимистическому) представлению о нем. В каждом из рассмот-

ренных примеров – одновременно – и утверждается такая оптимистическая интуиция о том, что мир устроен "как должно", и уточняется, что именно значит это "как должно": что "хорошие" должны быть, а "плохие" – нет, что правое дело всегда должно побеждать, что любящие должны находить друг друга, и под. При таком понимании асимметрия глагола верить по отношению к добру и злу, о которой мы говорили выше, оказывается, конечно же, вполне закономерной.

Встает естественный вопрос: как перевести наши наблюдения на язык толкований? По-видимому, необходимо различать у глагола верить два значения: ВЕРИТЬ I (примеры (7) – (9)) и ВЕРИТЬ 2 (примеры (II) – (I4)).

Я ВЕРЮ I, что А ≈ Я присоединяюсь к высказанному мнению (распространенной системе взглядов) о том, что А истинно.

Я ВЕРЮ 2, что А ≈ Я верю в доброту мира; как частный случай доброты мира, А должно быть истинным.

Употребление слов "Я верю что ..." в значении ВЕРИТЬ I имеет место, как кажется, лишь в том случае, когда рассматриваемое мнение (система взглядов) находится уже некоторым образом в общем поле зрения говорящего и слушающего и встает тем самым вопрос: присоединяется ли говорящий к этому мнению или нет. Во всех остальных случаях слова "Я верю, что ..." должны, по-видимому, пониматься в значении ВЕРИТЬ 2.

Различие двух значений слов "Я верю, что ..." было проведено нами на материале бытовых, профанных примеров. Религиозные же контексты, на наш взгляд (если и не все, то определенная часть их), представляют собой ту точку, в которой два выделенные нами значения слов "Я верю" пересекаться друг с другом. В самом деле: что значат слова "Верю, что есть будущая жизнь" в устах умирающего? Выдер-

жанное до конца доверие к авторитетам? Или, скорее, простую немислимость собственной смерти: "не может быть, чтоб через пять минут ВСЕ кончилось" (т.е. опять-таки некую оптимистическую интуицию о том, что "не может все быть так плохо")? Весьма странно, напротив, звучали бы слова "Верю, что нет будущей жизни" (трудно представить себе такую "добрую" интуицию о мире, которая могла бы оправдать здесь употребление ВЕРИТЬ 2); естественнее уж было бы выразить эту мысль, поменяв местами глагол верить и оператор отрицания: "Не верю, что есть будущая жизнь". Отметим, что глаголы думать и знать, со своей стороны, вполне допустимы в этом контексте – ведь их семантика никак не связана с представлениями о доброте или недоброте мира: "Думаю, что нет будущей жизни", "Знаю, что нет будущей жизни".

6. Нельзя ли найти общий знаменатель у двух значений глагола верить? или представить одно из значений как частный случай другого? Здесь есть, по-видимому, два пути; первый заключается в том, чтобы интерпретировать истинность любого авторитета как частный случай "добротного" устройства мира, а веру в истинность авторитета (ВЕРИТЬ I) – как частный случай веры в доброту мира (ВЕРИТЬ 2). Таким образом можем мы объяснить, скажем, пример (7); действительно, правдивость папы – неперменный элемент "добротного" миропорядка. Но когда мы попытаемся вывести из "добротных" представлений о мире то, о чем идет речь в (9) – наша интуиция все же восстает против; говорить здесь в каком бы то ни было смысле о том, что предмет веры – доброе устройство мира, было бы просто кощунственно. Интуитивно достовернее другой путь: интерпретировать веру в доброту мира (ВЕРИТЬ 2) как частный случай доверия (ВЕРИТЬ I) – как своего рода Доверие с большой буквы.

7. Различие между выделенными выше двумя значениями

глагола верить связано с внутренней, пред-текстовой аргументацией того ментального акта, который находит свое выражение в словах "Я верю"; коль скоро однако же акт веры и выражающий его речевой акт соотносены здесь как два аспекта (языковой и ментальный) единой деятельности одного и того субъекта, как две стороны единого листа бумаги, как внешнее и внутреннее-то это различие безусловно существенно не только с точки зрения, скажем, психологии, но и с точки зрения языка. Иначе обстоит дело со 2-ым или 3-им лицом ("Ты веришь, что ...", "Он верит, что ..."). Тут уже речевой акт есть не исповедание собственной веры, но всего лишь констатация одним субъектом убеждений другого. Для анализа фразы "Иван верит, что А" не столь существенно, то почему Иван в это верит, как то, зачем говорящий об этом говорит. Различие веры, основанной на авторитете, и веры, основанной на доверии к миру, отступает в тень, противопоставление ВЕРИТЬ 1 и ВЕРИТЬ 2 нейтрализуется. Мы вынуждены предлагать для этого случая уже иное толкование:

Х верит, что А ≈ Х безо всяких рациональных доводов считает, что А (причем надо отметить, что сам-то говорящий обычно отнюдь не склонен разделять эту веру).

(I6) Средневековые люди верили, что где-то в Индии есть христианская страна, которой правит царь-пресвитер Иоанн.

(I7) Герман верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь.

(I8) - Как? Ты тоже веришь, что он виноват?

В несколько афористичной форме различие между "Я верю ..." (в наиболее естественном прочтении ВЕРИТЬ 2) и "Он верит ..." (в наиболее характерном употреблении) можно выразить следующим образом: если слова "Я верю..." несут на себе печать "космического оптимизма" и исповедни-

чества, то слова "Он верит ..." несут на себе отпечаток снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению. Стоит отметить, что глаголы знать и верить в рассматриваемом отношении ведут себя прямо противоположно друг другу: если высказывание "Он знает, что А" возможно лишь тогда, когда говорящий убежден в истинности А (т.е. подразумевает "И я тоже знаю, что А"), то "Он верит, что А" подразумевает, скорее уж, "А я-то не верю".

Это противопоставление говорящего субъекту веры чувствуется не только в формах не-первого лица, но и в формах первого лица не-настоящего времени: слова "Я верил, что Начальник всегда прав" содержат такое же отталкивание говорящего от этой веры, как и слова "Он верит, что Начальник всегда прав".

8. Обращает на себя внимание, что подчас словами "Х верит, что А" обозначается такая ситуация, которую сам Х вряд ли стал бы описывать как "Я верю, что А".

Так, если фразы (I6) - (I8) представляют собой эмоционально ровную и спокойную констатацию чужого легковерия, суеверия или заблуждения, то замена не-первого лица на первое приводит (по крайней мере в прочтении ВЕРИТЬ 2) к превращению их в (совершенно неадекватные ситуации) исповедания веры, полные высокого эмоционального накала.

(I6') - Мы верим, что в Индии есть христианская страна и что правит ей царь-пресвитер Иоани (Лучше бы: нам известно или мы полагаем).

(I7')? - Я верю, что мертвая графиня может повредить мне.

(Лучше бы: Я боюсь).

Верно, впрочем, и обратное: далеко не всякое утверждение вида "Я верю, что А" можно передать словами "Х верит, что А". Это касается, например, тех случаев, когда суждение вида "Я верю, что А" (как частное проявление гло-

бальной веры в доброту мира) высказано, так сказать, *ad hoc* - для подбадривания собеседника.

(19) - Ничего. Не грусти. Я верю, что она к тебе вернется.

Такого рода "проявления веры" характеризуют скорее общий оптимизм говорящего (подлинный или напускной); поэтому передача фразы (19) словами "Иван Иванович верит, что она вернется ко мне" приписывала бы Иван Ивановичу больше, чем в действительности было сказано.

9. Мы видели, что формы первого лица настоящего времени глагола верить довольно резко противопоставлены всем прочим формам этого глагола: различны и толкования, и эмоциональный пафос, и ограничения на употребление. Когда мы начинаем искать аналоги данному явлению, то на ум невольно приводят перформативные глаголы, а это, в свою очередь, напоминает нам о той - важнейшей - черте акта веры, которая до сих пор оставалась нами в тени и которая роднит глагол верить с перформативами: подобно тому, как произнесение высказывания, оформленного перформативным глаголом есть, одновременно, и совершенно описываемого этим глаголом акта, - так и произнесение слов "Я верю" есть уже, само по себе, акт веры.

Эта черта дополняет проходящее сквозь всю нашу статью противопоставление веры и знания еще одним, новым пунктом: если знание существует в сознании субъекта независимо от своего речевого выражения, то акт веры тесно связан с языком - вера оформляется и утверждается именно актом ее исповедания (внешнего или мысленного). Связь акта веры с исповеданием веры объединяет глагол верить с перформативами; возможность внутреннего, невыраженного исповедания - разделяет. Суть проблемы можно пояснить, сравнив глагол верить с чем-то близким ему, но подразумевающим обязательное внешнее выражение глаголом испо-

ведывать, относящимся к числу "классических" перформативов.

10. Идет ли у нас речь о вере как присоединении к некоторому мнению (системе взглядов) , идет ли речь о вере как утверждении доброй интуиции о мире – в любом случае произнесение слов "Я верю, что ..." есть акт не только коммуникативный, не только мыслительный, но прежде всего, акт самоопределения субъекта, акт самоориентации его в окружающем мире. Потому-то (вновь точка пересечения глагола верить с перформативными глаголами) слова "Я верю ..." определенным образом связывают и ооязывают человека – подобно обещанию, оформляемому перформативом "Я обещаю..." или клятве, оформляемой перформативом "Я клянусь..."

ШАТУНОВСКИЙ И.Б.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИКА,
КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ПРАГМАТИКА)

1. Предметом статьи являются слова, используемые для описания "внутреннего" рационального, "мысленного" (но не перцептуального и эмоционального) мира человека, т.е. не только собственно эпистемический предикат знать, но и думать, считать, верить, предполагать и т.д.

Эпистемические предикаты играют в сообщениях о субъективном мире ту же роль, что и слова есть, существует, имеется, имеет место, имеет и т.д. (особого рода "связки" [3; 16]) в высказываниях об объективном мире. Их элементарное в своей основе значение сводится к выражению идеи соединенности идеальных сущностей: субъекта, понимаемого как "mind", "ум", а не как "body", "тело" [21; 20] и мысленного объекта. Все эти предикаты описывают одну и ту же ситуацию: "имение" субъектом в "уме" мысленного объекта (или, скажем по-другому: наличие в "концептуальной картине мира" [8] субъекта того или иного "фрагмента" [ср.15, с.137; 20, с.39] .

2. Эпистемические предикаты относятся к наиболее типичным предикатам пропозиционального отношения (или пропозициональной установки), поскольку они способны присоединять и, как правило, присоединяют в предложении выражения с пропозитивным значением [2] (имеют валентность на пропози-

цию). Означает ли это, что объекты, "имеемые в уме", е с т ь пропозиции? Дать определенный ответ на этот вопрос трудно — как из-за неопределенности самого понятия пропозиции, так и из-за неясности природы того, что мы имеем в уме. Однако, если понимать пропозицию как "суждение", как с о е д и н е н и е нескольких представлений [17, с.19; 14, с.143], как "семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значения" [2, с.37], то вполне возможно, что то, что мы имеем в уме, в большей части своей н е е с т ь пропозиции (хотя, конечно, мы можем иметь в уме и пропозиции).

Пропозиция — это все таки, скорее, языковое явление, она возникает тогда, когда мы описываем некоторое "положение вещей" средствами языка, как семантическая структура этого, описывающего "положение вещей", языкового выражения. Для меня очевидно, что большую часть того, что составляет мой "картину мира", я не формулирую в виде пропозиций. Так, я знаю, что этот карандаш — красный, но пока я не сказал (не написал, не подумал) этого, я не имел соответствующей пропозиции в уме, и все-таки я знал это: я просто видел этот карандаш и мог представить его как целое (но не как какую-то комбинацию "карандашности" и "красного цвета"). Но вот когда я хочу о п и с а т ь какой-то фрагмент моего или чьего-либо "внутреннего мира" (равно как и мира внешнего), тогда я прибегаю к помощи пропозиций. И иногда это трудно, я не могу найти пропозицию, соответствующую тому, что я имею в уме, а иногда и вовсе невозможно (я хорошо знаю вкус кофе, но описать его — не смогу). По крайней мере, тот факт, что мы описываем то, что мы имеем в уме, п о с р е д с т в о м пропозиций, не доказывает того, что то, что мы имеем в уме, е с т ь пропозиции. Так, это дерево мы можем описать посредством пропозиций. Но это не значит, конечно, что дерево состоит из пропозиций.

В дальнейшем мы будем применять термин "пропозиция" метонимически: для обозначения того в уме субъекта, что описывается пропозицией (не подразумевая при этом, что то, что он имеет в уме, и есть обязательно пропозиция).

3. Мысленные объекты нас интересуют, как правило, не сами по себе, но как отражающие нечто в действительности. Мы не просто имеем его (какое-то представление, пропозицию и т.п.) в уме, но и соотносим мысленно с действительностью. Об одном мысленном объекте мы имеем в уме "это есть", о другом - "этого нет", о третьем - "это, возможно, есть". Таким образом, при эксплицитном описании семантики эпистемических глаголов должны быть рассмотрены две "связки". Одна из них - 'быть (= иметь) (в уме)' - соединяет субъект и мысленный объект, другая - 'быть (в мире)' (= 'в действительности') - соединяет мысленный объект в мир. Последняя связка может быть обозначена также словом "истинно", поскольку истинно = 'есть (в действительности)' [о содержании предложения (пропозиции)]. Связка 'быть (в действительности)' подчинена связке 'быть (в уме)', поскольку она тоже входит в состав того, что есть в уме.

Ситуацию, описываемую основными эпистемическими глаголами (знать, думать/считать/полагать, верить) можно схематически представить следующим образом (С - субъект, Р - пропозиция):

У С есть (в уме) [Р есть (в действительности)] = С имеет (в уме) [Р есть (в действительности)] = ... [Р истинно].

Различие между основными эпистемическими предикатами не носит денотативного характера; оно не в том, что эти глаголы обозначают разные мысленные "состояния". Вопреки тому, что говорит Прайс (невозможно знать и полагать одно и то же в одно и то же время [19, с.42]), при описании одного и того же "мысленного состояния" субъекта могут быть употреблены разные эпистемические предикаты. Так, ес-

ли меня спросят: Вы знаете, что Земля вертится? – я отвечу: Конечно, знаю! А если меня спросят: Считаете ли Вы, что Земля вертится? – я отвечу: Что за вопрос, конечно, считаю! И если, наконец, меня спросят, уверен ли я в том, что Земля вертится, я отвечу: уверен. Разумеется, я вовсе не меняю свое "мысленное состояние" в соответствии с вопросом. Меняется к о м м у н и к а т и в н а я ситуация, меняются коммуникативные интересы и установки моего собеседника (а следовательно, и мои собственные).

Главные эпистемические глаголы отличаются друг от друга по двум основным параметрам.

1. Рассматриваемые глаголы отличаются тем, какой из элементов описываемой ими ситуации выносится в коммуникативный фокус сообщения (и какие, соответственно, относятся к тематической презумпции). Иными словами, они отличаются друг от друга распределением одних и тех же семантических элементов между ассерцией (утверждением) и презумпцией (пресуппозицией). Сказанное относится как к внутренней семантической структуре этих глаголов, так и к предложению, в которое они входят, в целом. В предложениях с эпистемическими глаголами семантика слова и семантика предложения "слиты", "прорастают" друг в друга. Коммуникативное строение глагола в данном случае предопределяет, фиксирует коммуникативную перспективу предложения.

2) Эпистемические глаголы отличаются также друг от друга видом и набором презумпций, относящихся к связке 'быть (в действительности)'.

Рассмотрим подробнее первое из указанных различий.

4. В предложениях с знать коммуникативный фокус на связке 'иметь (в уме)'. Поэтому на глагол знать падает фразовое ударение: Он знает это. Связка 'есть (в действительности)' относится в предложениях с этим глаголом к

презумпции¹⁾. Иными словами, глагол знать употребляется в ситуации, когда дано, что Р - есть, вопрос в том, имеет ли или не имеет субъект в уме Р.

Имеется 2 способа обозначить то, что мы имеем в уме.

1) Мы можем о п и с а т ь мысленный объект посредством пропозиции (или ряда пропозиций). На синтаксическом уровне эта пропозиция чаще всего выражается что-придаточными (that-clauses): Все знали, что вины его здесь нет ... (А.Азольский. Степан Сергеевич), реже - полными номинализациями: ... Часто нельзя знать о пустоте терми-на (В.В.Целищев. Логика существования) = ... о том, что термин пуст.

2) Мы можем обозначить мысленный объект косвенным образом, указав на ту область действительности, которая "отражена" в нашем уме. Для обозначения области действительности, о которой мы имеем нечто в уме, употребляются конструкции с прямым и косвенным объектом (Я знаю физику /Васю/ всё о Васе), косвенные вопросы (Он знает, где находится аптека), а также полные номинализации и имена, эквивалентные косвенным вопросам (Он знает устройство сепаратора = ... как устроен сепаратор; Он знает автора "Евгения Онегина" = ... кто автор "Евгения Онегина").

Валентности "содержания" знания и его "действительного объекта" не являются взаимоисключающими и могут быть заполнены в предложении одновременно: Мы знаем кое-то /многое/ всё о вас. Однако, поскольку они, в конечном итоге, по-разному описывают одно и то же, их совмещение в предложении возможно только при условии неполноты, "ущербности" выражения содержания знания. Если содержание

1) При вторичном (контрастивном) употреблении знать связка 'есть' (в действительности) перемещается в коммуникативный фокус: Ты думаешь, что Р? - Я не думаю, я знаю - 'Р есть в действительности' (то, что я имею Р в уме, становится презумпцией).

знания описано полностью, то обозначение объекта становится избыточным: "Мы знаем о вас, что вы приехали из Киева."

Употребление обозначения "области" знания вместо описания его содержания может объясняться следующими причинами.

1) говорящий не имеет в уме сведений по данному предмету: Он знает, где зарыт клад (а я не знаю, где он зарыт). 2) Говорящий хочет скрыть имеющиеся у него сведения: Он знает, где зарыт клад, и я знаю (но не хочу, чтобы другие узнали). 3) Содержание знания очень обширно, для его описания требуется огромная серия пропозиций: Он знает арифметику/китайский язык. 4) Содержание знания таково, что просто не может быть адекватно описано с помощью пропозиций: Я знаю вкус кофе.

И наконец, главная причина, по которой описание содержания знания м о ж е т б ы т ь заменено ссылкой на его "реальный объект" – это то, что такой ссылки д о с т а т о ч н о в предложениях с знать, поскольку их коммуникативная цель не в описании содержания знания, а в сообщении о его наличии или отсутствии в уме С. Когда нам нужно описать содержание знания, мы делаем это при помощи обычных утверждений (без эпистемических глаголов). Так, учитель передает свои знания ученикам, но он делает это не посредством высказываний вида Я знаю, что Земля вращается вокруг Солнца, он говорит просто: Земля вращается вокруг Солнца.

По той же причине объектное выражение при глаголе знать может быть прономинализовано различными способами (Я знаю это/об этом/ обо всем и т.д.), а также вообще опущено (Ты знаешь, что к нам приезжает Адриано Челентано? – Знаю.).

Указание на содержание знания ссылкой на "область", которую оно отражает, страдает неопределенностью, по-

сколько остается не выраженным, какие именно сведения об объекте имеет или не имеет С. Что значит, например: Сталин не знал Европы (А.Рыбаков. Дети Арбата)? Каких именно истинных пропозиций о Европе он не имел в уме? Конечно, в таких случаях предполагается, что адресату известно, что "положено" иметь в уме об объектах того или иного рода (без этого такое употребление было бы вообще невозможно), однако известная неопределенность остается.

В соответствии с различием в виде и количестве сведений, имеющихся в уме об объекте, можно говорить о различных значениях, "смыслах" (лучше, впрочем - употреблениях) глагола знать. Иногда знаю употребляется в смысле личного знакомства, иногда - в смысле осведомленности о тайниках души, а иногда и просто в смысле "слышал". В одном смысле я знаю Уолта Уитмена и Шарля Бодлера - знаю, что есть такие поэты, читал их стихи, в другом - моего соседа по лестничной площадке - видел его и знаю, что это - мой сосед; в третьем - киноартистов и дикторов телевидения (видел их на экране, знаю их фамилии), в четвертом - героев литературных произведений (Каких персонажей романа Лермонтова вы знаете? - Печорина и Грушницкого) и т.д. и т.п. Градаций и видов знания - множество, и гораздо больше, чем отмечено в словарях. Их, впрочем, практически и невозможно все отметить - не только из-за многочисленности, но и из-за невозможности провести границы между ними. Скажем, А.Вознесенского я не только читал, но и видел на экране телевизора, а Е.Евтушенко, кроме того, видел и слышал "во плоти" во время его выступления, ну а некоторых поэтов я знаю только по фамилии.

Из-за этой размытости и неопределенности часто на знаешь - вопрос с прямым объектом не дается да-нет-ответа: Ты знаешь сестру Васи? - Видел ее как-то мельком /Много слышал о ней, но лично не знаком/ Вася как-то показывал мне ее фото и т.п.

Во всех этих случаях можно сказать в каком-то смысле "знаю", а в каком-то - "не знаю". Но ответ в любом случае будет неопределенным. Поэтому в ответе обычно уточняется вид сведений: Ю.Д.Апресян: Знаешь ли ты работу Лобанова? С.В.Кодзасов: Ну, в каком смысле знаю? Слышал ... (диалог на семинаре).

Минимальный "смысл", в котором может быть употреблено знать - это то, что есть такой объект, где такой - относящийся к такому-то роду и имеющий такое-то наименование (в этом минимальном смысле я знаю такой город, как Чаттануга). Если объект при глаголе знать выражен (только) формой о/про+предл. падеж, то знать понимается только в минимальном смысле: '... Русские знали о туннеле [между Западным и Восточным Берлином] (Известия, 14 апр.1987) = 'о том, что такой туннель есть'. Имена собственные в такой конструкции употреблены быть не могут (*Он знает о Васе) по простой прагматической причине: имя собственное несет презумпцию существования обозначаемого им объекта, в силу этого если нам известно имя, то мы не можем не знать, что объект обозначаемый им, есть, поэтому сообщение об этом не передает никакой информации.

В предложениях, характеризующих содержание знания через указание на его объект, легко и с ясным смыслом могут быть введены квалификации хорошо/плохо: Ты хорошо знаешь физику, но плохо - Лену. Если мы имеем ^{М а л о} сведений об объекте / по какому-то вопросу, то мы знаем этот объект / вопрос п л о х о . Чем б о л ь ш е сведений, мы имеем, тем л у ч ш е знаем мы объект, и если таких сведений м н о г о, то мы знаем его х о р о ш о . Предложения с пропозициональным объектом такой квалификации

не допускают: *Он плохо знает, что Алла Пугачева выступала с гастроями в ФРГ^I).

5. В предложениях с глаголами мнения (думать/считать/полагать) коммуникативный фокус на с о д е р ж а н и и пропозиции, которую имеет в уме С. Вопрос в предложениях с этими глаголами не в том, имеет или не имеет Р в уме С, а в том, ч т ó именно он имеет в уме, к а к о в а эта пропозиция. Поэтому на данные глаголы в обычном (не контрастивном) употреблении не может падать фразовое ударение. Поскольку Р в предложениях с глаголами мнения в коммуникативном фокусе, она не может, по ясным причинам, иметь презумпцию истинности. То, в каком виде "находится" в уме С связка 'быть (в действительности)', зависит от того, что С ф а к т и ч е с к и имеет в уме. Он может иметь в уме 'Р есть', 'Р не есть', 'Р возможно', он может иметь в уме намерение осуществить Р (Он думает поехать на юг) и т.д. Однако, если иное не эксплицировано, Р понимается как "имеющее место" в действительности: Он думает, что Земля вертится = '...что вращение Земли имеет место', "есть" (с коммуникативным фокусом на 'вращение Земли', а не на 'есть').

Поскольку в предложениях с думать/считать/полагать в коммуникативном фокусе содержание Р, оно должно быть полностью раскрыто, Любое "умолчание", "сокрытие" пропозиции делает предложение "пустым", неинформативным. Поэтому объектом глаголов мнения всегда является выражение с пропозитивным значением, и никакие иные способы указания на "имеемое в уме", возможные с знать (указание на "тему", прономинализация, эллипсис объектного выражения)

- I) В предложениях с пропозициональным объектом может употребляться хорошо (=твердо) для обозначения "прочности" обладания пропозицией: Я и сам хорошо знаю, что обманывать нехорошо, где хорошо = 'не забываю', 'постоянно имею в уме'.

здесь не проходят: *Я думаю/считаю/полагаю Лену/где зарыл клад/ арифметику /все/кое-что/ многое о Васе и т.д.

Заметим, что валентность на тему у глаголов мнения имеется, что ясно видно в вопросах: Что ты думаешь по этому поводу /вопросу/ о Васе? Так что неприемлемость выражений со значением "темы", области, о которой имеется мнение, в утвердительных предложениях имеет чисто семантическое обоснование: без раскрытия содержания Р указания на тему недостаточно, при условии раскрытия содержания Р указание на тему избыточно (? Я считаю о Васе, что Вася/ он подлец).

Единственно возможный способ прономинализации объектного выражения при глаголах мнения – это замещение его словами так (же) [5, с.11] и, что показательно, не так, иначе, по-другому. В коммуникативном фокусе при этом остается содержание мнения, но сообщается о нем особым образом: посредством с р а в н е н и я с другим, известным мнением.

В вопросительных предложениях содержание мнения обычно прономинализуется: Что́ ты думаешь по этому вопросу? Как ты думаешь, пойдет дождь? Это еще раз подтверждает, что в коммуникативном фокусе в предложениях с думать и т.п. Р. Ведь вопросительные предложения в отношении прономинализации обратны утвердительным: если в последних прономинализуется известное, данное, то в первых – то, что находится в фокусе коммуникативного интереса, неизвестное.

6. Глагол верить выносит в коммуникативный фокус связку 'быть (в действительности)' (= 'существовать', 'иметь место'). Поэтому данный компонент часто эксплицируется в предложениях с верить: О верю, верю, счастье есть! (С.Есенин); Я твердо верю, что Иети существует (Сов. спорт, 1 янв.1987); Фекла крепко верила в существование бога и нечистой силы (Г.Боровик) и т.д. Можно сказать, что вера – это разновидность мнения, с тем отличием (су-

жением), что имеемым в уме объектом в этом случае является пропозиция, что нечто есть в действительности, с коммуникативным фокусом на 'есть': Он верит в Р/что Р = 'Он считает, что Р есть'. Узость значения верить позволяет ему выступать в разнообразных эллиптических конструкциях (многие из которых стали узуальными моделями): Он верит в леших = 'он считает, что лешие есть'; Он верит Лене = 'Он считает, что то, что Лена говорит, истинно (т.е. соответствует действительности, есть)'; О побеге /Саша/ не говорил-не верил в побег (А.Рыбаков. Дети Арбата) = 'не считал, что [Соловейчик] действительно бежал [из ссылки]'.

Как видим, различия между верить и думать /считать/ полагать невелики. Если же объектом глагола мнения является пропозиция, что нечто есть в действительности, то различие между верить и думать и т.п. вообще нейтрализуется: Он думает, что бог есть = Он верит, что бог есть. Поэтому верить и думать и т.п. неспособны к контрастивному употреблению: *Я не думаю, что Р, я верю! Неудивительно, что в английском языке верить и думать /считать/ полагать сливаются в одном слове believe.

Во многих употреблениях глагола верить в его значении появляется дополнительный компонент. Это заставляет расщепить верить на 2 значения: верить₁ и верить₂. Верить₁ - рациональный глагол, в верить₂ добавляется чувство. Поэтому верить₂, но не верить₁, сочетается с типичными определениями чувств: горячей может быть не только любовь, но и вера₂ (Он горячо верит в торжество справедливости, но не *Он горячо верит в чертей/ в то, что в озере водятся черти). Чувство, "подмешанное" в верить₂ - это желание. Несколько аргументов в пользу этого. Имеется определенная общность в определениях к желать и верить (горячо верить/желать). Как желание, так и вера₂ направлены на ситуации, которые являются хорошими для С (каузи-

рует ему добро, благо). Наконец, ситуации, являющейся объектом желания, в момент, когда С испытывает желание, нет; С желает, чтобы эта ситуация начала иметь место (в будущем). Аналогичное положение с верить₂. Если Фекла верит в существование бога, чертей и т.д., то она верит, что они с е й ч а с есть. Но если она верит в успех Каспарова (в матче с Карповым), то это значит, что в данный момент успеха нет; она верит в то, что успех б у д е т иметь место. Соответственно, если в придаточном предложении при верить есть глагол, то он стоит в форме буд.времени: И все-таки я верю, что возродятся Кугуты, начнут жить (Огонек, 1987, № 37). Эллиптические конструкции с верить₂ имплицитно отнесены к ситуации, в которую верят, к будущему: Он верит в народ ≈ 'что народ все преодолеет и т.п.'; Он верит в победу коммунизма = '... что коммунизм победит'; Я верю в его правоту ≈ '... что его правота подтвердится' и т.п.

Таким образом, верить₂ = 'считать, что то, чего ты хочешь, будет'.

С верит₂ в Р/что Р = 'С считает, что Р б у д е т; С хочет, чтобы Р было'.

7. Подчеркнем еще раз: отмеченные коммуникативные различия не являются "поверхностным" синтаксическим свойством рассматриваемых глаголов: они являются их "сущностной" семантической характеристикой. Коммуникативное "членение" ситуации является одним из решающих факторов при выборе того или иного глагола. Так, на вопрос: Как ты думаешь, он вернется? может быть дан ответ: Не знаю [5, с.12]. Здесь знать употреблено только потому, что необходимо вынести в коммуникативный фокус 'иметь (в уме)': = 'не имéю в уме Р по этой теме'. Ср. противоположный случай: Все они [современники и друзья Шекспира] бесспорно считали Шекспира автором приписываемых ему произведений (М.Морозов. Шекспир). То, что Шекспир является автором

своих сочинений – бесспорный факт как для его современников, так и для М.Морозова. Поэтому в принципе здесь можно было бы сказать и знали. Употреблен, однако, глагол считать – потому, что вопрос не в том, имелили не имели эту пропозицию в уме современники Шекспира; вопрос в том, что именно имели они в уме по этому поводу.

8. В свете рассмотренного выше соотношения между презумптивными и коммуникативно значимыми (ассертивными) компонентами в семантике данных глаголов и включающих их предложений, становится понятным их поведение под отрицанием. Как известно, отрицание воздействует на ассертивные элементы семантики и не затрагивает презумпции. В предложениях с думать и считать в коммуникативном фокусе Р, поэтому эти глаголы "пропускают" сквозь себя отрицание: Я не думаю, что Р = Я думаю, что не Р. В предложениях с знать коммуникативный фокус на 'иметь (в уме)', соответственно, этот компонент и подвергается отрицанию: Он не знает, что Р = 'Он не имеет в уме Р'. Наконец, в верить в коммуникативном фокусе 'есть (в действительности)', отрицание поэтому воздействует именно на этот компонент (отсюда своеобразное частичное "перенесение" отрицания в предложениях с этим глаголом): Я не верю, что Р = 'Я не считаю, что Р есть' = 'Я считаю, что Р не есть' (Он не верит в бога = Он считает, что бога нет).

9. Предикаты предполагать, подозревать, догадаться, допускать, уверен, убежден, сомневаться вводят в рассмотрение новый компонент – 'возможность того, что Р есть' (в дальнейшем мы будем для краткости говорить просто о "возможности Р").

Значения глаголов предполагать, подозревать (= 'предполагать' + 'плохое'), догадываться и допускать состоят из одних и тех же семантических компонентов и различаются местом коммуникативного фокуса.

С допускает Р/что Р = 'С имеет (в уме) [Р возможно]' = 'С считает, что Р возможно'.

С предполагает, что Р = 'С имеет (в уме) [возможно Р]' = 'С считает, что, возможно, Р'.

С догадывается, что Р = 'С имеет (в уме) [возможно, Р]'.

Поскольку компонент 'возможно' в допускать находится в коммуникативном фокусе, он легко эксплицируется в предложениях с этим глаголом: Я этого не утверждаю, но возможность допускаю (А.Рыбаков. Дети Арбата) = 'допускаю, что это возможно'. Предполагать, подозревать и догадываться такой экспликации не допускают ('возможно' не в фокусе: "Я предполагаю эту возможность; Я догадываюсь о возможности уехать."

Имея в коммуникативном фокусе Р, предполагать и подозревать попадают в этом отношении в одну группу с думать и т.д.

Если содержанием мнения является суждение возможности, то различия между думать и т.д. и предполагать/допускать нейтрализуются. Думать и т.д. сливается с предполагать, если в фокусе внутри суждения возможности Р, и с допускать, если в фокусе 'возможно': Он думает, что это возможно = Он допускает это/ что это возможно; Он думает, что, возможно, поезд опоздает = Он предполагает, что поезд опоздает (это невозможно, поскольку Р в фокусе).

"Просвѣтим" наши глаголы отрицанием:

С не допускает, что Р = 'С не считает, что Р возможно' = 'С считает, что Р невозможно' (чего и следовало ожидать, поскольку отрицание "проходит" сквозь презумпцию и воздействует на ассертивный компонент). С не догадывается, что Р = 'С не имеет в уме (возможно, Р)'.

Однако с предполагать возникают осложнения. Частица не вообще с трудом присоединяется к этому глаголу, только под "нажимом" (глагол выделяется акцентно и часто частицами).

Отрицание при этом воздействует на 'иметь (в уме)'; а не на Р, как можно было бы ожидать: Он (даже/и) не предполагает, что Р ! = 'Он не имеет (в уме) [возможно, Р]'. Причины этого, думается, в следующем. Возможно, Р (по самому смыслу слова возможно) = 'возможно, Р, возможно, не Р' = 'Р или не Р' = 'Р или есть, или нет'. Тогда С предполагает, что Р = 'С имеет (в уме) [Р или не Р]'; С не предполагает, что Р (если отрицание действует на Р) = 'С имеет (в уме) [не Р или Р]'. Но это то же самое, что было до применения отрицания! Таким образом, отрицание по смыслу не может быть применено в данном случае к Р: оно ничего не меняет, ничего не дает! Поэтому не + предполагать может быть употреблено только в том случае, если какими-то средствами в коммуникативный фокус вынесено 'иметь (в уме)'.

Отметим аналогичное положение с "чистыми" суждениями возможности. Неверно, что Р возможно = Р невозможно; Возможно (может быть), Р - вообще не поддается отрицанию.

Предикаты уверен (убежден) и сомневаться имеют следующую семантическую структуру. С уверен в Р / что Р = 'С имеет (в уме) [Р необходимо]' = 'С считает, что не Р невозможно'. С сомневается в Р / (в том), что Р = 'С считает, что не Р возможно'.

Испытание отрицанием:

С не уверен, что Р = 'С не считает, что не Р невозможно' = 'С считает, что не Р не невозможно' = 'С считает, что не Р возможно' (= сомневается). С не сомневается, что Р = 'С не считает, что не Р возможно' = 'С считает, что не Р невозможно' (= уверен).

В глаголах надеяться и бояться совмещаются рациональный и эмоциональный аспекты; надеется = 'предполагает' + 'хочет'; боится = 'предполагает' + 'не хочет'.

Более подробно:

С надеется, что Р = 'С считает, что Р возможно; С хочет Р'. С боится, что Р = 'С считает, что Р возможно; С не хочет Р' [ср.7;6].

Ю. Суммируем все сказанное выше в виде сводной таблицы толкований эпистемических глаголов (выделен компонент, находящийся в коммуникативном фокусе).

С думает/считает/полагает, что Р = 'С имеет в уме (есть Р)' .

С знает, что Р = 'С имеет в уме (Р есть)'.

С верит₁, что Р = 'С имеет в уме (Р есть)'.

С допускает, что Р = 'С имеет в уме (Р возможно)' .

С догадывается, что Р = 'С имеет в уме (возможно, Р)' .

С предполагает, что Р = 'С имеет в уме (возможно, Р)' .

С уверен, что Р = 'С имеет в уме (не Р невозможно)' .

С сомневается в Р/ (в том), что Р = 'С имеет в уме (не Р возможно)'.

С верит₂, что Р/ в Р = 'С имеет в уме (Р будет)' ; С хочет Р' .

С надеется, что Р = 'С имеет в уме (Р возможно)' ; С хочет Р' . С боится, что Р = 'С имеет в уме (Р возможно)' ; С не хочет Р' .

II. Ряд эпистемических глаголов отличается друг от друга составом презумпций, относящихся к связке 'быть (в действительности)' . При этом важно различать презумпции говорящего (далее Г) и презумпции субъекта пропозициональной установки (С). [ср.18, с.371] . Предложения, в которых Г и С различаются, являются контекстом максимальной дифференциации для рассматриваемых глаголов ; предложения, в которых Г и С совпадают, образуют своего рода "слабую позицию" для этих глаголов, в которой некоторые семантические различия между ними нейтрализуются. Такой "слабой позицией", является, в частности, I лицо наст.вр. (Г здесь выступает одновременно и в качестве С) [ср.10, с.140] . В I л. прош.времени (при типичной для употребления прошедшего времени "ретроспективной точке отсчета" [13, с.415]) Г и С различаются: Я думал, что Р - С -

я в прошлом, Г – я в настоящем. I лицо прош.врем. является слабой позицией, если употребление глагола определяется "синхронной точкой отсчета" (что имеет место в "нарративном режиме", в "эпическом" повествовании) [IЗ, с.4I6] , поскольку в этом случае Г как бы "отстраняется" от настоящего момента и "переносится" в прошлое, где и "сливается" с С.

Презумпции Г и презумпции С не находятся на одном уровне: "мир" С, вместе со всеми его презумпциями, вложен, как в матрешку, в "мир" Г [II, с.25] . Таким образом, когда мы говорим, например, что С имеет презумпцию истинности Р, это значит, что он имеет такую презумпцию по мнению Г.

Наиболее нейтральными, свободными от презумпций являются глаголы думать, считать, полагать. Они обозначают "чистое" имение в уме Р, не отягощенное никакими презумпциями Г или С. (По этой причине мы будем в дальнейшем использовать глагол считать в качестве единицы метаязыка толкований).

При употреблении знать и у Г, и у С имеется презумпция истинности Р (то же для других фактивных предикатов). Иными словами, он может быть употреблен в том случае, когда Г считает, что Р есть, и считает, что С считает, что Р есть.

Предполагает и подозревает подобны в отношении презумпций думать и т.д. : Г может иметь в уме что угодно относительно Р (С, как отмечалось, имеет в уме 'возможно, Р').

Догадывается отличается от предполагает и подозревает тем, что у Г есть презумпция истинности Р: С догадывается, что Р = 'С считает, что, возможно, Р; Г считает, что Р есть'.

В "слабой позиции" догадывается сливается в денотативном и презумптивном отношении с предполагать, однако различия в коммуникативной перспективе сохраняются: Я

догадываюсь, что Р = 'Я имею в уме (возможно Р)'; Я предполагаю, что Р = 'Я имею в уме (возможно, Р')'.

В воображает₁ у С презумпция истинности Р, у Г - презумпция неистинности Р [ср. I2, с. II3-II4] (в коммуникативном фокусе - Р). При употреблении представляет и у Г, и у С презумпция неистинности Р (в коммуникативном фокусе также Р). Воображаю наследует позицию Г, вследствие чего различие между воображаю и представляю нейтрализуется: Я воображаю, что Р = Я представляю, что Р. Возможно, из этой синонимии возникает аналогическое воображать₂-с презумпцией неистинности Р и всегда = представлять.

Глаголы кажется, чудится, мерещится подобны глаголу воображает₁: у Г презумпция неистинности Р, у С презумпция истинности Р (в фокусе Р): Ему кажется, что все его обманывают.

В высказываниях от I лица в наст.вр. презумпции Г и С не нейтрализуют одна другую, а причудливо совмещаются: Мне кажется, что Р = 'Я имею в уме Р, и не знаю, есть Р (бывшая презумпция С), или нет (бывшая презумпция Г)'. Это кажется может проникать и в другие лица, давая начало производному кажется₂.

Кажется может употребляться и в позиции независимого предиката: Земля качается! - Это тебе кажется! В этом случае презумпция Г переходит в коммуникативный фокус: = 'Р на самом деле нет'.

I2. Поскольку семантика и употребление эпистемических предикатов ориентированы на коммуникативную (а не на денотативную) ситуацию, прагматические факторы оказывают мощное воздействие на их употребление. Многие особенности значения и употребления эпистемических предикатов оказываются фактически "коммуникативными импликатурами" [4] и могут быть объяснены (и "выведены" из основного значения) простыми прагматическими соображениями (по образцу того, как это сделано на материале вида в [I3]).

Наибольшему влиянию прагматики подвержены самые нейтральные, семантически и коммуникативно наименее "нагруженные" глаголы — думать, считать, полагать. Сильнейший прагматически обусловленный сдвиг они испытывают в форме I л. наст. вр. Сообщение об "имении в уме" Р становится в этом случае излишним: если человек говорит "Р", он, следовательно, имеет Р в уме (не то в случае 2 или 3 лица, которое имеет в уме Р, но не говорит "Р"). Поэтому предложение (Я) думаю, что Р не может быть (в силу "принципа экономии" [4]) произнесено в своем буквальном смысле: в силу "принципа релевантности" [4] оно должно получить какое-то иное прочтение. Компонент 'иметь (в уме)' по причине своей ненужности редуцируется, выражение (я) думаю превращается или (I) в показатель модальности [5], или (2) — в показатель субъективности. Как показатель модальности (я) думаю указывает на н е у в е р е н н о с т ь Г (=C) в Р, п р е д п о л о ж и т е л ь н о с т ь Р (ср. "мнение — предположение" в [5]). Это значение (я) думаю получает, как я думаю, в результате конкуренции и "размежевания" с я утверждаю Глагол утверждать, являясь "двойником" думать/считать/полагать в сфере перформативов (коммуникативный фокус на Р, нет презумпции истинности Р), разделяет в I л. наст. вр. его прагматическую участь и становится избыточным. Предложения с данными глаголами становятся (прагматически) эквивалентными (если я утверждаю, что Р, то я, следовательно, полагаю, что Р; если я говорю: "Я полагаю, что Р", то я, тем самым, утверждаю, что Р), в силу чего происходит их дифференциация: Я утверждаю ... становится показателем уверенности в Р, (я) думаю — показателем некоторой неуверенности: ≈ скорее всего, Р. Тем самым рассматриваемые глаголы переходят отчасти (в данном употреблении) в группу уверен/сомневаюсь (но отличаются от них тем, что в фокусе у них Р, а не невозможно и т.д., и этим оправдывают свое существование).

В контексте "дискуссии", "спора" глаголы мнения становятся показателями "субъективности" и "категорической уверенности" в истинности Р [ср.5, с.9] . Местоимение я (обязательное при таком употреблении) акцентно выделяется (иногда вместе с глаголом) и образует "контрастную тему" [9, с.61] : Я считаю/я считаю, что Р: Я считаю, что это подлость! В этом случае Г употребляет глагол мнения не потому, что допускает, что м о ж е т б ы т ь иначе, но потому, что допускает, что собеседник д у м а е т иначе. Таким образом, я считаю употребляется для выражения коммуникативной имплицатуры (возможно, уже конвенциональной) 'Я понимаю, что другие думают иначе'. Совершенно таким же образом используется Я утверждаю, и в э т о м случае Я считаю и Я утверждаю полностью эквивалентны.

Как видно из примеров, внутри глаголов мнения намечается дифференциация в выражении (1) и (2): как показатель некоторой неуверенности охотнее выступает думать, как показатель "субъективности" и "категорической уверенности" - считать [ср. 5] .

В прошедшем времени при "ретроспективной" (но не "синхронной") точке отсчета в предложениях с думать и т.д. может возникать имплицатура 'Г в настоящее время не думает, что Р' [5, с.11] . Эта имплицатура возникает прежде всего в предложениях с С в форме I л., а также с С в 3 л, если последний продолжает существовать (и, следовательно, "иметь мнения" в настоящий момент), следующим образом. Если Г (С) продолжает "иметь Р" в настоящий момент, Г должен употребить более "экономное" и информативное "Р" (для 3 л. - форму наст.времени думает); раз он этого не делает, значит, в настоящий момент Г (С) думает, что не Р. (Аналогичная имплицатура имеет место при употреблении любого глагола прош.времени при ретроспективной точке отсчета: Здесь висела картина имплицитует Сейчас она здесь не висит [13]).

Некоторый оттенок "проблематичности", "спорности", "недостаточной обоснованности" и т.д., находимый в глаголах думать, считать, полагать, верить, можно объяснить и более общими соображениями. Целью любой коммуникации является сообщение адресату н о в о г о, ему н е и з в е с т н о г о. А новым, неизвестным может быть только то, что о т к л о н я е т с я от ожидаемого, от обычного порядка и хода вещей [I]. То, что само собой разумеется, то, что н е с о м н е н н о истинно, не может быть сделано предметом сообщения. Поэтому (сегодня) странным кажется предложение: Он думает, что Земля вращается вокруг Солнца. Но разве он не думает так? Разве я не думаю так? Конечно, и он, и я, и все мы думаем так, и именно поэтому сообщать об этом нет смысла. Другое дело, если он думает, что Солнце вращается вокруг Земли. Этого мы не ожидаем, и такое мнение легко может быть сделано предметом сообщения. Таким образом, предметом описания и сообщения делается то во внутреннем мире людей, что не очевидно, не бесспорно, гипотетично. Но, думается, было бы ошибкой проецировать эту весьма общего характера закономерность на значение данных глаголов.

Аналогичным образом объясняется и то, что некоторые истинные пропозиции, безусловно имеющиеся в уме, не могут быть объектами глагола знать:? Я знаю, что у меня болит голова/что я люблю бананы/ что это стул и т.д. [22, § 53I и др.]. Конечно, пропозиция я люблю бананы не является для моего собеседника очевидной (как это стул), и сообщение об э т о м было бы уместным. Однако в предложениях с знать в фокусе вопрос, имеет или не имеет С в уме Р, а моему собеседнику ясно, что е с л и я люблю бананы, то я н е м о г у этого не знать. Поэтому сообщение об этом неинформативно.

Наконец, почему можно и знать объяснение, версию, теорию и верить в них, но шутки, загадки, поэмы, иностран-

ные слова можно только знать, верить в них нельзя? [20, с.101] . Если вспомнить, что при употреблении глагола верить коммуникативный интерес в том, есть нечто в действительности или нет, то ответ очевиден.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- I. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой "картины мира") // Вопросы языкознания, 1987, № 3, с.3-19.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
3. Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: (К проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз., 1980, т.39, № 4, с.347-358.
4. Грайс Г.П. Логика и речевое общение //Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М., 1985, с.217-237.
5. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения (значение и употребление). Автореф. дис... канд.филол.наук. М., 1985, 20 с.
6. Зализняк Анна А. Семантика глагола бояться в русском языке. Изв.АН СССР. Сер.лит. и яз., 1983, т.42, № I, с.59-66.
7. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства //Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.13. М., 1970, с.5-26.
8. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983, 286 с.
9. Падучева Е.В. Актуальное членение предложения и структура имен объектов //Text. Język. Poetyka. Oszoliseum, 1978, с.59-71.
10. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985, 271 с.
- II. Падучева Е.В. К теории референции: имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах // ИТИ. Сер.2, 1983, № I, с.24-29.

12. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семантика и информатика. Вып.8. М., 1977, с.91-124.
13. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз., 1986, т.45, № 5, с.413-424.
14. Пауль Г. Принципы истории языка М.: Изд.иностр.лит., 1960. 500 с.
15. Семантические типы предикатов / Булыгина Т.В., Селиверстова О.Н. и др. / М.: Наука, 1982, 365 с.
16. Шатуновский И.Б. Семантика предложения, "связка" и проблемы значения непердметных слов. Ташкент, 1985. 39 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. 31.07.85. № 21868.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941, 620 с.
18. Karttunen L. Discourse Referents //Syntax and Semantics. V.7. N.Y. etc.: Academic Press, 1976, p.363-385.
19. Price H. Some considerations about belief //Knowledge and Belief. Oxford 1968, p. 41-59.
20. Vendler Z. Res cogitans: An essay in rational psychology. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1972. 225p.
21. Wierzbicka A. Mind and body //Syntax and Semantics. V. 7. N.Y. etc., 1976, p. 129-157.
22. Wittgenstein L. On certainty. Oxford: Basil Blackwell, 1969. 90 p.

Е.С.ЯКОВЛЕВА
СОГЛАСОВАНИЕ МОДУСНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ВЫСКАЗЫВАНИИ

О. Модусными характеристиками мы называем те компоненты значения высказывания, которые описывают речевую (по В.Г.Гаку) ситуацию. Напомним: как референт высказывания ситуация "включает два компонента: а) предмет речи (предметная ситуация) ... б) цель и условия общения (речевая ситуация)... Речевая ситуация включает: распределение ролей между участниками общения ..., их отношение к событию ... информированность об обстоятельствах сообщения "[I, с.8]".

В работе рассматривались те компоненты модуса, которые отражают в высказывании степень полноты и характер знаний говорящего (далее – Г) о событии.

Вопрос о контекстном согласовании различных компонентов высказывания (в частности, -модально-вводных слов, указательных и неопределенных местоимений) по ряду эпистемических признаков ставился нами в [2; 3]. Там же были введены правила, регулирующие корректность употребления модально-вводных слов со значением "достоверность" /"недостоверность" в зависимости от тех или иных модальных характеристик контекста [3, с. II3-II4].

Настоящая работа продолжает заданную в [2; 3] тему. Исходя из положения о "внутренней непротиворечивости мо-

дальной рамки" как необходимым условии корректности высказывания [4, с. 145], мы пытаемся проследить за согласованием различных ее компонентов на поверхностно-синтаксическом уровне. Широко понимая содержание модуса (= всё, что описывает в высказывании речевую ситуацию), мы рассматриваем не только собственно эпистемическое согласование (I и 2 части статьи), но и касаемся вопросов, связанных с выбором самого способа описания непосредственно воспринимаемой действительности (3 часть). Анализ выявил вполне определенные корреляции между средствами эпистемической модальности и различными оценочными частицами, стилистически маркированными первичными предикатами, относящимися к "ведомству" "модуса номинации". Важно, что ключом к пониманию закономерностей употребления номинативных языковых средств послужила именно эпистемическая семантика.

За точку отсчета при выборе модусных признаков, по которым происходит согласование, брались модальные слова со значением "достоверность/недостоверность" - список эпистемических характеристик высказывания устанавливался в соответствии с их значениями.

I. I. Эпистемические признаки высказывания.

Прежде всего, далеко не всякое высказывание в принципе допускает использование специального лексического показателя степени достоверности. Запрет на употребление модальных слов определяется факторами разного порядка.

Показатель достоверности может противоречить самой логико-синтаксической структуре предложения. Например: *Бесспорно (*наверно) жил-был доктор (в презумпции бытийных предложений заложена идея существования предмета). Ср. еще: Только что я занес ногу за высокий порог калитки, вдруг (*наверно, *бесспорно...) чья-то сильная

рука схватила меня за грудь (Достоевский); Он был настолько потрясен, что (*бесспорно ...) не мог говорить; Я пошёл было на лекцию, но по дороге (*бесспорно ...) встретил Ивана. В отмеченных позициях заведомо исключено использование каких-либо эпистемических показателей.

В рамках же высказываний с "подходящей" для показателей достоверности структурой ограничение на их употребление может быть связано с характером актуализации высказывания, его соотносённостью с той или иной ситуацией. В дальнейшем нас будут интересовать именно эти случаи.

Употребление показателей достоверности в принципе исключено в высказываниях с объективным статусом (подробнее см. в [3]). Г приписывает явлению объективный статус, если имеющаяся у него информация объективно полна, т.е. не зависит от личности конкретного Г, его воли, желаний, убеждений. Например, объективно полной будет информация, полученная при непосредственном восприятии (без помех!) уже знакомого по предыдущему опыту объекта.

Свойством объективной полноты обладает также информация, полученная на основе безусловной истинности логических препосылок и строгости логического вывода. В частности, это всякого рода "научные истины", аналитические суждения и т.п. ^{I)}. Высказыванию с объективным статусом соответствует модальная рамка "я знаю".

Употребимость некоторых модальных слов в высказываниях с объективным статусом свидетельствует об отсутствии в значениях этих слов компонента "степень достоверности". Согласно этому критерию из "отряда" эпистемических показателей "выбывают" конечно, разумеется, естественно, действи-

I) В работе М.А. Дмитриховской [5] дается описание пропозиций, которые "принимаются субъектом как данность и не осознаются им", т.е. не могут быть подвергнуты верификации со стороны субъекта.

тельно. Ср.: Он со мной поздоровался. Я, естественно, отве- тил. Он обещал позвонить и, действительно, позвонил ¹⁾.

Если имеющаяся у Г информация не полна, он приписывает своей оценке явления субъективный статус. В этом случае в высказывании в принципе возможны те или иные показатели достоверности и именно здесь имеет смысл говорить о "степени достоверности" как мере доверия Г к правильности проведенной "эпистемической операции".

Модальные слова являются текстовыми экспликаторами "качества" и "количества" информации, на основе которой Г фомирует высказывание.

В соответствии с "качеством" различаются два типа информации: характерная/нехарактерная.

Информация о событии А является характерной с точки зрения Г, если она позволяет ему судить об А непосредственно без привлечения логического вывода. Это возможно в том случае, когда информация содержит характерные, индивидуализирующие черты. А. Так, характерной будет информация, полученная Г путем чувственного восприятия уже знакомого по предыдущему опыту явления. Модальные слова-показатели характерной информации: явно, определенно, кажется, как будто, вроде.

Информация о событии А является для Г нехарактерной, если на ее основе Г не может судить об А без привлечения логического вывода. Нехарактерная информация описывает не само А, но сопутствующие, соотносимые с ним явления. Модальные слова-показатели нехарактерной информации: не- сомненно, бесспорно, вероятно, наверно, может быть, возможно и нек. др.

"Количественной" оценкой (то, что в традиции называется "степенью достоверности") является признак "достаточность" / "недостаточность" информации. Соответственно, показателями характерной достаточной информации будут слова

1) Подробнее о семантике слов конечно, естественно см. в [6].

явно, определенно, характерной недостаточной – кажется, как будто, вроде. Показателями нехарактерной достаточной информации будут – несомненно, бесспорно, безусловно, недостаточной информации – вероятно, видимо, очевидно, может быть ...

В рамках недостаточной информации модальные слова обоих типов отражают такое важное свойство речевой ситуации, как способность/неспособность Г сформировать на основе этой информации однозначное суждение о наличии соответствующего явления в реальной действительности. Этот признак мы будем называть "однозначная трактовка ситуации". Отсутствие трактовки может обуславливаться как неоднозначностью имеющейся у Г информации, так и пассивным "ментальным состоянием" Г, его отказом от поисков однозначной версии ситуации.

В рамках характерной информации на проведение трактовки указывает кажется, соответственно, отсутствие трактовки – как будто, вроде.

В рамках нехарактерной информации проведение трактовки сопровождается словами типа вероятно, наверно, а непроведение – словами может быть, возможно.

I.2. Проиллюстрируем сказанное:

"Характерная достаточная информация"

Я спешил орешником, когда различил позади приближающиеся шаги. Оглянулся – никого. Прислушался – меня определенно кто-то догонял (Богомоллов). Показатель недостаточности кажется нарушил бы здесь иерархичность поступления информации. Вообще, для определенно характерно употребление на повторной ступени распознавания, как в нашем примере: вторично различая в информации характерные черты (звук шагов), Г утверждает в мысли, что событие (кто-то догоняет) наличествует в действительности.

Ещё пример: От него явно разит одеколоном. Здесь налицо согласование модального показателя с предикатом по

значению "высокая степень проявления признака". Ср.:

*Кажется, разит...

"Нехарактерная недостаточная информация"

Вы не знаете Ивана. Несомненно, он справится с заданием.

"Характерная недостаточная информация. Однозначная. трактовка ситуации".

Как Одоевский смеется! Я, кажется, влюблена в него сегодня (Тынянов); Мы вошли в столовую. Кажется, все были в сборе (Стругацкие).

"Нехарактерная недостаточная информация. Однозначная трактовка ситуации".

Вдова была еще в самом соку, так что ее покойный генерал, видимо, не без сожалений расставался с жизнью (Окуджава).

"Отсутствие однозначной трактовки. Характерная информация".

Я пошел в фойе. В.Э. [Мейерхольд] молча бродил в накинутой на плечи шубе. Он как будто обрадовался мне, спросил: "Что нового?" - но не очень внимательно выслушал ответ (Гладков). Как будто сигнализирует здесь о неоднозначности первого впечатления. Но - продолжение возможно именно в "модальной перспективе" как будто, вроде и плохо в контексте кажется, где Г останавливается на одной, определенной версии ситуации, как-то трактует имеющуюся у него информацию.

"Отсутствие однозначной трактовки. Нехарактерная информация".

По вечерам подозрительные миражи являлись беглецам... и даже слышался непрерывный, постоянный, необъяснимый звук: может быть, от засыпающей степи, а может быть, от водопадов или даже от тяжелой арии, хотя это мог быть и звук охотничьего рога, или зурны, или даже восхищенного человеческого голоса (Окуджава).

II.I. Модусное согласование по признаку "тип информации".

а) Референциальный статус высказывания (местоимения).

Эпистемические показатели весьма чувствительны к референциальному статусу высказывания ^{I)}. Так, показатели характерной информации не могут быть употреблены относительно нереферентных ИГ, в контексте универсальных и экзистенциальных местоимений. Ср.: Я вспоминаю всех, кто спас меня в тяжелейших ситуациях (как и каждого, наверно [*кажется ...], спасает по многу раз за жизнь)... (Вознесенский); Людям, избалованным богатством и властью, вероятно [*кажется...], не хочется умирать (Чехов).

Если модальные слова типа вероятно одинаково употребимы и с -то, и с -нибудь местоимениями, то слова типа кажется возможны только с -то ("местоимениями неизвестности", по Е.В.Падучевой). Это и понятно, ведь "местоимения на -то имеют конкретно референтный статус ..., т.е. соотносятся с фиксированным объектом, который говорящий не в состоянии идентифицировать" [7, с.210-211]. Соотнесение с конкретной ситуацией(а), отсутствие у Г достаточной информации о событии(б) – общие компоненты в семантике модальных показателей характерной информации и местоимений неизвестности. Примеры: Кажется, я когда-то (*нибудь) здесь бывал; Это был, кажется, какой-то / *нибудь) известный шахматист; Он мне, кажется, что-то (*нибудь) говорил об этом. И наоборот: [Герой рассказа едет на велосипеде]... вдруг раздается свисток. "Кто-нибудь про штрафился, - говорю я сам себе, - кто-нибудь, наверное (*кажется), не там улицу перешел (Зощенко).

I) На связь универсальных местоимений со сферой действия модального оператора "возможно" указывала Е.В.Падучева [7].

Оговоримся. Условие (а) не для всех показателей характерной информации является необходимым: оно последовательно соблюдается для показателей достаточной информации (явно) и может нарушаться у показателей недостаточной информации (кажется, как будто, вроде). Имеются в виду высказывания с родовыми ИГ, описывающие ситуации "припоминания", где соответствующие модальные показатели указывают на не-точность воспроизведения имеющихся у Г знаний. Например: Кажется, кит относится к млекопитающим. В отличие от кажется слова явно и определенно закреплены за ситуацией непосредственного распознавания и в принципе исключены в подобных высказываниях: *Явно, кит относится к млекопитающим.

б) Пространственно-временная локация Г (дейксис).

В конкретно-референтных высказываниях отсутствие у Г характерной информации может предопределяться условиями речевой ситуации, в частности, "внешним" положением Г-наблюдателя по отношению к описываемому явлению. Эпистемические характеристики высказывания работают в тесной координации с аппаратом локации. Ср.: У меня, кажется (*наверно..) внутри все пересохло/У тебя, наверно (*кажется) внутри все пересохло.

Э. Бенвенист подчеркивал, что для работы системы "внутренних референций высказывания" по параметрам Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС "основным ... является соотношение указателя (лица, времени, места, ... и т.д.) с данным настоящим моментом речи" [8, с. 287-288].

Рассмотрим в этой связи пример: Из окон второго и третьего этажа высывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник (Гоголь). В данном примере эпистемический (вероятно) и временной (в то время) указатели взаимообусловлены: во-первых, здесь нельзя не употребить

какого-либо модального слова типа вероятно (ср.: Из окон высывались головы и в ту же минуту прятались опять.

*В то время в комнату входил начальник; во-вторых, в подобном контексте возможны только показатели нехарактерной информации (ср.: ...*Кажется, в комнату входил начальник). Интересно, что столь сильным детерминирующим фактором является именно временной указатель в то (а не в это!) время. Фразы типа: ... Кажется, в это время входил начальник или ... В это время входил начальник вполне корректны.

Автору понадобилось указание на отдаленность во времени (при том, что реально описываемое событие совпадает с моментом речи!) для того, чтобы подчеркнуть пространственную отдаленность – или, лучше сказать, отделенность – Г от "предметной ситуации" высказывания. Следствием этой отделенности является неполнота восприятия. Собственно, именно о ней свидетельствует опосредованность временной отсылки. Ср.: Я смотрел, как она заламывала руки. Вероятно, в то время она говорила об утраченной свободе, о потерянной молодости ... Г восстанавливает неполноту картины (то, чего он не слышит) по косвенным данным (тому, что он видит). Об опосредованном характере используемой Г информации свидетельствует опосредованность временного указания (в то время ... как она заламывала руки ... она говорила о ...; в то время ... как они прятали головы ... входил начальник).

Важно, что при отсутствии связи действительских компонентов высказывания с "данным, настоящим моментом речи" снижается и необходимость в их жесткой согласованности с модальными компонентами высказывания. Ср.: Кажется, в то время еще не изобрели порох (не помню точно); Наверно, в то время еще не изобрели порох (предполагая).

В тех случаях, когда "дейксис совпадает с моментом речи" (Э.Бенвенист) может происходить весьма интересный

обмен функциями между пространственно-временными знаками. Так, специальное указание на время, совпадающее с моментом речи (сейчас, теперь), — при том, что объект описания не совпадает с "я" — свидетельствует о пространственном несовпадении "предметной ситуации" и "речевой": то, что описывается, не там, где локализован Г. Примеры: А сейчас хорошо на Клязьме ... Теперь уж соловьи, наверное, поют (Булгаков); Он сейчас (вероятно) уже спит; Сейчас ты (должно быть) читаешь ... Во всех этих случаях сейчас косвенно свидетельствует "я" (=Г) не "здесь".

Подчеркнем. Функции пространственного указателя может принимать на себя только сейчас, употребленное неконтрастно — без противопоставления настоящего момента предшествующему или последующему (иному!) положению дел. Имеются в виду фразы типа: Сейчас ты смеешься, но что ты скажешь потом или А вот сейчас он, кажется, действительно спит.

На фоне рассмотренных явлений уже вполне тривиальным представляется такой факт: если в высказывании (разумеется, актуализованном) есть пространственный знак там, то оно сформировано на основе нехарактерной информации (там прямо указывает на пространственную отделенность Г от описываемых событий). Например: Как ты там, наверно, мстительно торжествуешь ... (Вознесенский), соответственно, там невозможно относительно "я"

в) "Модальная перспектива" высказывания (предикаты пропозициональной установки).

Мы уже писали о том, что значение предиката пропозициональной установки (далее — ППУ) существенно влияет на возможности использования модальных слов в предложениях, которые вводятся этим предикатом [3, с. II 6]. Модусное согласование может происходить и по типу, и по признаку достаточности/недостаточности информации.

Начнем с того, что "модальное воздействие" ППУ простирается не более чем на одну пропозицию. Ср.: Я уверена, что вы совершенно честный и, может быть, преданный человек (Достоевский). При невозможности: *Я уверена, что вы, может быть, преданный человек. Союз и является той "прокладкой", которая препятствует рассогласованию значения ППУ и модального слова по признаку "достаточность"/"недостаточность" информации.

ППУ думать однозначно подразумевает использование нехарактерной информации. Например: Я думаю, Юлия Михайловна, несмотря на всю свою высшую решимость, все-таки немного сконфузилась, впрочем, вероятно, на одно только мгновение (Достоевский). В данном контексте невозможно "подменить" модальное слово по типу информации (скажем, использовать кажется) именно вследствие экспликации модальной рамки "думаю". Ср. высказывание без модальной рамки – эпистемически неоднозначное: Юлия Михайловна все-таки немного сконфузилась, впрочем, кажется, на одно только мгновение. При этом использование показателя характерной информации меняет условие речевой ситуации – Г становится свидетелем событий.

Интересно, что видовой коррелят думать – глагол СВ подумать – не охарактеризован по типу информации, ср.: ... он с неясным облегчением подумал, что, по-видимому, там все уже кончено (Быков) – нехарактерная информация; ... На секунду остановившись, Степка подумал, что, кажется, это свои (он же) – характерная информация. Подумать выступает скорее в роли знака "авторства", слова-"кавычек", оставляя свободной модальную перспективу вводимой пропозиции.

Экспликация модальной рамки думаю/знаю – соответственно, субъективный/объективный статус высказывания – может прояснять конкретный характер "модального прочте-

ния" пропозиции в том случае, когда в ее составе употреблен неоднозначный модальный предикат. Например: Я думаю, что Иван должен поехать к матери (думаю: должен=следует); Я знаю, что Иван должен поехать к матери (знаю: должен=предстоит). В первом случае "должен" исходит от Г - это его мнение; во втором случае "должен" объективировано - оно принадлежит либо Ивану, либо какому-нибудь другому внешнему источнику информации.

Характерная информация вводится различными перцептивными, сенсорными глаголами, глаголами с семантикой "припоминания". Примеры: Я заметил, что Петя, кажется, начинает сердиться; Вспоминаю, что кажется, это был совсем даже и не он; Чувствую, что, как будто, начинаю засыпать. Именно сенсорные ППУ, со значением прямого - не опосредованного логическим выводом - воспроизведения информации способны вводить альтернативные союзные конструкции "со значением внешнего сходства" [9] не то... не то ..., то ли ... то ли. Примеры: Припоминаю, это сделал не то Коля, не то Петя (и нельзя: *Думаю, это сделал не то Коля, не то Петя); Кажется, это сказал не то Рузвельт, не то Черчилль (нельзя: *Думаю, это сказал не то Рузвельт, не то Черчилль). Альтернативные конструкции может Х ... может У не тождественны приведенным выше: во-первых, они исключают прямое распознавание, а, во-вторых, они возможны и в тех случаях, когда у Г вообще нет никакой информации о событии, ср.: Не знаю, что Иван делает. Может спит, а, может, работает (при невозможности: Думаю, что Иван может, спит, а может, работает).

Было замечено (Н.Д.Арутюнова), что сенсорные предикаты видеть, чувствовать могут "переключаться в ментальный план", "приобретая смысл, близкий к значению полагания" [10, с.12]. "Обозначая внутреннее зрение, видеть синонимизируется с глаголами понимать, сознать: Я вижу [=пони-

маю], что не прав" [II]. Иными словами, ППУ видеть и чувствовать способны включаться в различные по типам информации контексты. Важно, что ментальность данных ППУ может вполне однозначно предсказываться характером вводимой ими пропозиции. Например: Я вижу [чувствую], что, если я не сделаю эту работу, ее никто не сделает. Вижу=понимаю, поскольку сенсорные ППУ способны вводить только не-будущее время индикатива. Кондиционал и нек. др. ирреальные наклонения находятся в "ведомстве" ментальных ППУ и подразумевают использование нехарактерной информации. Например: Уже потом я понял, что будь записка адресована мне, ее, наверно, подсунули бы под мою дверь, а не под дверь соседа (Стругацкие).

Интересно, что в подобных контекстах не исключено и употребление глагола знать. Пример: Все знали, если Талейран кутит напропалую, задает бал за балом, вокруг дам, - Франция накануне комбинаций. Если Меттерних говорит о своей отставке и о том, что он собирается всецело заняться философией права - у Австрии есть комбинация (Тынянов). Думается, что в данном случае не происходит смешения понятий знания и мнения¹⁾: знали, основываясь на данных прошлого опыта, который в момент речи никак не верифицируется. Высказывание Все думали, если Талейран ... не подразумевает обязательное наличие прошлого опыта - отсюда указание на верификацию.

Отсутствие в пропозиции каких-либо эпистемических модальных показателей однозначно предсказывается фактивными ППУ (Оказалось, что она *бесспорно замужем), предикатами объективированных суждений (Известно, что Иван *бесспорно поедет к матери), показателями "чужой" точки зрения (Там, говорят, *наверно ужасный климат).

"Миропорождающие" ППУ обладают различными способностями включать в состав своих пропозиций эпистемические по-

1) На возможность нейтрализации семантических различий между ППУ знать и думать указывает М.А.Дмировская [5, с.46-47].

казатели. Так, допустим, положим исключают их использование: ^{*}Допустим, ты бесспорно прав; ^{*}Положим, все было несомненно именно так. Данные ППУ придают высказыванию объективный статус. Во вводимой ими пропозиции могут употребляться слова типа действительно, но они, как было показано выше, не содержат собственно эпистемической семантики.

Предикаты же представить, вообразить допускают использование эпистемических показателей – нехарактерной недостаточной информации. Например: Воображаю, что творится теперь у нее на душе... Небось, и больно, и стыдно до того, что умереть хочется (Чехов); Я представил, как от него, наверно, разит одеколоном; Я вообразил, как он, должно быть, побагровел от гнева, услышав эту новость. На первый взгляд, в приведенных высказываниях как будто бы нарушены закономерности согласования эпистемических признаков: разит, побагровел – "непосредственное восприятие + сильная степень проявления признака" и модальное слово со значением "недостаточность + отсутствие характерных черт". Объяснение этой кажущейся противоречивости, на наш взгляд, в том что ППУ представлять, вообразать вводят образные описания другого "возможного мира", как бы видимого, непосредственно воспринимаемого, в то время как модальные слова указывают на гипотетичность всей "воображаемой" ситуации в целом. Тем самым в высказывании сосуществуют (и не пересекаются) модусные характеристики мира Г (должно быть) и другого "возможного мира".

II.2. Модусное согласование по признаку "отсутствие однозначной трактовки ситуации".

В рамках нехарактерной информации наличие данного признака делает возможным употребление слов может быть, возможно (в отличие от слов типа вероятно) в различных альтернативных и уступительных конструкциях. Например:

Может быть, ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом (Стругацкие); Я, братья мои, зря спорить не буду, кто важнее в театре - актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут (Зощенко).

"Отсутствие трактовки ситуации" подразумевает, что выражаемое может быть, возможно предположение с одинаковой вероятностью может быть как подтверждено, так и опровергнуто. Именно поэтому рассматриваемые слова могут либо сами брать на себя функции альтернативного союза ^{I)}, либо употребляться при таком союзе. Интересно, что соответствующие показатели характерной информации (как будто, вроде) так же хорошо согласуются с противительными контекстами. Например: Выглядела старше своих лет: лицо вроде девичье, а фигура плотная, осанистая, как у доброй молодухи (Трифонов); За столом разговор пошел дружнее, стали уже вроде и забывать про Глеба Капустина ... И тут он попер на кандидата (Шукшин).

Отсутствие трактовки ситуации может обуславливаться как недостаточностью информации, так и "пассивностью" самого Г. "Пассивную" эпистемическую перспективу задают функционально близкие к ППУ показатели как знать, кто знает, откуда (почем) я знаю. Примечательно, что все они требуют обязательного использования в пропозиции модальных слов типа может быть (показатели типа вероятно исключены). Образуется как бы целая "модальная синтагма": кто знает → может быть. Например: Кто знает, послушай его доктор, почувствуй ему дружески, быть может, он... примирился бы со своим горем (Чехов); Как знать, быть

I) Как группу союзов слов "со значением подчеркнутой неуверенности" рассматривает эти модальные показатели В.З.Санников[9]. Показательно предлагаемое В.З.Санниковым толкование - "Может быть X, а может быть У - Г подчеркивает, что он не знает правды, но предполагает, что в качестве описываемого возможен X, возможен У, возможно нечто, не являющееся ни X-ом, ни У-ом" (с.27) .

может, сторели замечательные произведения Сухово-Кобылина ... (Бессараб); А кто поручится, может, я, действительно, граф де Незор (Толстой).

Выражение типа кто знает соответствует интенции "не берусь судить" (и подразумевает скорее неоднозначность имеющейся у Г информации). Однако отсутствие активности Г может быть связано и с его нежеланием как-то трактовать ситуацию, на что прямо указывают выражения откуда (почем) я знаю, также действующие "в связке" с может быть: Почем я знаю, может, он в кино пошел (а, может, на танцы) = "не знаю и не хочу знать, какое мне дело". Такая "индифферентная" позиция Г делает неуместным употребление сразу вслед за словами почем я знаю модального показателя типа вероятно, свидетельствующего о проделанном Г "вычислении", о стремлении дать ответ, возможное объяснение происходящему.

По возможности употребления в модальной перспективе как знать показатель может быть сходен со словом авось, ср.: [Пугачев:] Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев поцарствовал же над Москвою (Пушкин). Как писал В.В.Виноградов, авось "обозначает, что о чем-нибудь говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды" [12, с.738]. Действительно, в отличие от может быть авось оценочно маркировано, хотя эпистемические параметры этих слов совпадают.

Нужно сказать, что выявление закономерностей модусного согласования по признаку "отсутствие трактовки" в рамках нехарактерной информации обнаружило совпадение эпистемических характеристик у ППУ бояться, надеяться, ожидать и позволило конкретизировать содержание их общего семантического компонента "вероятность" ¹⁾. В модальной перспективе этих ППУ употребим только показатель может быть.

1) Анна А.Зализняк. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материале французского языка) АКД.М., 1985.

тиве этих ППУ употребим только показатель может быть. Часто данные ППУ задают альтернативные контексты: Я надеялся, что Ваня когда-нибудь прочтет мои записки и, может быть, предаст их гласности (Катаев); Он лежал, стараясь не двигаться, все еще надеясь, что, может быть пронесет, хотя и понимал, что они попались (Стругацкие); Карпенко ожидал, что Фишер, может быть, еще выбежит в лощину ... (Быков),

Колебания возможны от надежды до боязни и наоборот^{I)}: Он обманывал себя неясной надеждой: может быть, ничего и не случится (Тынянов) или: Боясь самого худшего, Степка, однако, надеялся еще, что, может, Маслаков притаился и он его скоро увидит (Быков).

Может быть согласуется с ППУ бояться, надеяться, ожидать по компоненту "отсутствие трактовки ситуации", который косвенно свидетельствует о пассивности Г. Важно учитывать, что пассивность Г не обязательно означает отсутствие оснований для соответствующего ментального состояния - их может не быть у надеяться и они должны быть у бояться и ожидать, ср.: Я почему-то надеюсь, что он еще, может быть, вспомнит обо мне. Но нельзя: *Я почему-то опасаюсь (эквивалент ментального боюсь), что он может опоздать или: *Я почему-то ожидал, что он может приехать. Хотя с "биологическим" боюсь (=страшусь) подобный контекст совместим: Я почему-то страшусь этой встречи.

Отсутствие активности Г может задаваться безличной формой ППУ. Например: Мне подумалось, что, может быть, (*вероятно), именно эта история мешала ей отнестись ко мне так, как я относился к ней (Шалапин); Мне послышалось: поют как будто. Глаголы типа показалось, послыша-

I) Ср. у Ларошфуко: Где надежда, там и боязнь: боязнь всегда полна надежды, надежда всегда полна боязни.

лось подразумевает произвольность восприятия. Глаголы же типа подумалось (по О.Н.Селиверстовой, "экзистенциально-результативные предикаты") "могут показывать, что X сформировал суждение, знание, веру, хотя при этом X мог действовать и подсознательно" [14, с.138]. Именно эта "подсознательность" (подразумевающая отсутствие логического вывода!) мешает употреблению в сфере действия соответствующих ППУ показателей типа вероятно.

И наконец, отсутствие трактовки ситуации может однозначно выразиться употреблением при ППУ "плюсquamperfectного" было. Примеры: На минуту я почувствовал было, что боль как будто (*кажется) стала отпускать; Я начал было примечать, что Маша как будто (*кажется) временами заглядывается на Петю. Использованию кажется во вводимой пропозиции мешает именно наличие было, однозначно свидетельствующее об отсутствии результата действия или состояния, названного ППУ.

III. "Модус номинации". Согласование по компоненту "непосредственное восприятие".

Тест на употребление в различных модальных перспективах - думаю, вижу, знаю - позволил выявить эпистемические характеристики в семантике таких компонентов высказывания, которые традиционно к "ведомству" модальных не относятся.

В настоящем разделе речь пойдет в основном о тех случаях, когда для Г небезразличен сам способ описания действительности. В подобных ситуациях высказывание бывает отмечено своей особой модальной семантикой, которую мы назвали "модусом номинации".

III.I. Первичные предикаты.

Кроме описания предметной ситуации первичные предикаты (далее-III) могут содержать в своей семантике косвенные указания на характер речевой ситуации, в условиях ко-

торой было сформировано высказывание. Наличие соответствующего семантического компонента накладывает существенные ограничения на употребление таких ПП.

"Эпистемически отмеченными" являются экспрессивно-оценочные ПП типа пожирать, разить, веять. Подобные ПП возможны только в высказываниях, сформированных на основе непосредственного восприятия. Ср.: С моря, наконец, повеяло прохладой. При невозможности: *Когда же с моря повеет прохладой ... *Я думаю, завтра с моря повеет прохладой ... *Если завтра с моря не повеет прохладой... 1).

Можно предположить, что указанное ограничение на употребление связано с наличием в семантике ПП оценки, которая, естественно, выносится "постфактум", на основе опытного знакомства с тем, что оценивается.

Однако вполне нейтральный в оценочном смысле ПП приближаться также, по-видимому, содержит сему "непосредственное восприятие". Ср.: Он приблизился к окну совершенно бесшумно и *Я думаю (предполагаю), что преступник приблизился к окну справа.

1) Напоминаем, данные ПП вполне возможны в сфере действия "миропорождающих" ППУ, где они описывают другой "возможный мир", не верифицируемый, заведомо не тождественный миру Г. Пример: Воображаю, как сейчас хорошо в Ялте. С моря, наверно, веет прохладой ...

Верифицирующие ППУ - из мира Г - исключают описываемые ПП из своей сферы действия: *Я предполагаю, что сейчас с моря веет прохладой ...

Мы здесь не рассматриваем особенности описания "стереотипных" ситуаций (о понятии "стереотипа" и о показателях стереотипности см. в [6]). В сфере действия оператора "опять" возможны неверифицируемые пропозиции: Опять, наверно, из столовой несет запахом подгорелого молока. Здесь воспроизводится уже знакомая Г ситуация.

Важно, что из всех показателей нехарактерной информации только слова типа вероятно ("недостаточность" + "наличие трактовки") могут служить показателями другого "возможного мира": включаться в сферу действия ППУ представлять, воображать, описывать "там"-ситуации.

В семантике данного III фиксируется постепенное сокращение расстояния между объектами (сомнительны фразы типа: Он стремительно приблизился ко мне). Хотя при этом не предполагается необходимость именно внешнего наблюдения, ср.: Я приблизился к дому ... - т.е. приближаться не относится к классу слов со "стереоскопической" семантикой ("... у которых описание смысла включает либо упоминание говорящего, либо отсылку к лицу, с необходимостью отличным от говорящего, и которые поэтому предполагают взгляд на ситуацию как бы с нескольких различных точек зрения" [7, с.140]). Е.В.Падучева выявляет закономерности употребления личных местоимений в контексте подобных слов:

"Контекст, чувствительный к противопоставлению I-го и не I-го лица, создают предикаты, описывающие действие или состояние субъекта глазами внешнего наблюдателя (подчеркнуто нами - Е.Я.), с обязательностью не совпадающего с субъектом описываемого действия или состояния. Такие предикаты не сочетаются с субъектом в I лице, свободно допуская 2-е или 3-е, ср.: *Я маячил в проеме дверей; *Я торчал у окна" (с.141).

Компонент "непосредственное восприятие" по определению входит в семантику этих слов. Аналогично обстоит дело и с так называемыми предикатами "проявления" (Т.В.Булыгина [15]) типа белеться, виднеться, реять, рдеть и под.

"Эпистемическая отмеченность" слов со "стереоскопической" семантикой состоит в том, что они задают в высказывании не только характеристику "лица", но и "модальную перспективу". Данные III в принципе неупотребимы в сфере действия ментальных ППУ, ср.: *Я думаю (предполагаю), что Иван маячит... или *Опасаясь, что справа что-то виднеется ... Но: Я видел, как весь вечер он торчал у окна... Я заметил, что справа что-то промелькнуло. То есть III и ППУ в этом случае должны быть согласованы по наличию ком-

понента "непосредственное (визуальное) восприятие". Понятно, что ПП со "стереоскопической" семантикой исключены и в каких-либо ирреальных контекстах. Можно сказать: Когда же ты перестанешь маячить в дверях? и нельзя: *Когда же ты начнешь маячить...?, поскольку в первом случае уже есть опыт непосредственного восприятия, а во втором — его нет.

Приведенные примеры неявно эпистемически отмеченных ПП — отражающих в своей семантике условия речевой ситуации — имеют значительную область пересечения с ПП, образно интерпретирующими действительность (ср. примеры "стереоскопических" слов из работы Е.В.Падучевой: *Я сделал квадратные глаза; *Я выпучил (вылупил) глаза от изумления и под. [7]) В подобных случаях для Г небезразличен сам способ описания непосредственно воспринятых впечатлений.

Часто затруднение при выборе средств описания сопровождается специальными лексическими показателями "творческих усилий" Г (День сегодня какой-то необычный; Фильм несколько скучноват...). Иногда соответствующие лексические значки подчеркивают выбранный Г способ описания (Он поистине негодяй; Это был настоящий триумф...).

Важно, что наличие в высказывании соответствующих показателей также эпистемически значимо.

III.2. Показатели "модуса номинации".

Интересно, что на службе у "модуса номинации" оказываются слова, как правило, уже "задействованные" в языке.

Так, например, у качественного наречия буквально развилось новое — модальное — значение. Ср.: Я понял ваши слова буквально. Он перевел этот текст почти буквально — качественное наречие; Я буквально умираю от усталости. Он буквально рухнул на диван — модальное слово.

Согласно В.В.Виноградову, модальное буквально содержит "оценку самого стиля, способа выражения ... Говорящий

как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли" [12, с. 737]. Модальное буквально употребляется только в ситуациях непосредственного восприятия, оно способно описывать лишь "видимый" мир и исключено в каких-либо ирреальных контекстах. Ср.: *Я думаю, он будет буквально трепетать от страха; *Если вы не придете, он буквально умрет от горя ... (подробнее о семантике этого слова см. в [16]).

"Неточность номинации, в которой Г отдает себе отчет", могут передавать "местоимения неизвестности", ср.: Оборотень какой-то... [7, с. 212].

Список таких слов-"двойников" – совмещающих различные, подчас противоположные¹⁾, функции – можно продолжить: Несколько (человек) и несколько (странный), известный (шахматист) и известный (прогресс), настоящий (янтарь) и настоящий (триумф), подлинный (Шагал) и подлинный (гений)...

Все эти развившиеся новые значения функционально объединяет один общий эпистемический компонент – "непосредственное восприятие", – наличие которого подразумевает, что соответствующие лексемы могут быть употреблены только в высказываниях, сформированных Г-м на основе "знания по знакомству", по Б. Расселу [17], при наличии впечатлений, непосредственно относящихся к описываемому объекту.

Ср.: Спектакль имел определенный успех. Нельзя: *Я хочу (стремлюсь, чтобы спектакль имел определенный₂ успех. (При этом ирреальный контекст не исключает использования

1) Ср. буквально₁ и буквально₂; определенный₁ и определенный₂ (во втором значении слово является скорее показателем неопределенности – Т. Б. Булыгина. Пример: Достигнуты определенные успехи в ...).

близкого по значению "неопределенность", но эпистемически не отмеченного синонима: Я хочу, чтобы спектакль имел некоторый успех). Можно: Ты сегодня какой-то странный. Он вообще несколько странный человек. Но нельзя: *Я туда не пойду, но думаю, это будет несколько странный вечер... или: *Вы, наверно, несколько устанете от этого путешествия (ср. корректность употребления эпистемически нейтрального синонима: Я думаю, вы, наверно, немного устанете от этой поездки). Можно: Это был настоящий триумф (провал, цирк ...); Его встретил настоящий шквал аплодисментов. Но нельзя: *Я опасаясь, что может быть настоящий провал, если мы выпустим на сцену Ивана ... Или; *Я должен достичь подлинного совершенства в этом деле. Можно: Я что-то плохо себя чувствую; Он как-то постарел, по-моему. И нельзя: *Я думаю, что буду как-то неуютно себя чувствовать в этой компании. Можно: В деле достигнут известный прогресс (определенный успех), но нельзя: *Когда же мы достигнем известного прогресса в этом деле?... *Когда же мы будем, наконец, иметь определенный успех?

Приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно убедительно показывают, что ирреальная эпистемическая перспектива категорически "противопоказана" средствам "модуса номинации".

Подчеркнем. В данном случае не подразумевается жесткое модусное согласование по "качеству" и "количеству" информации. Важно лишь соблюдение одного условия - знакомства Г с тем, что он описывает. Так, например, фраза Я думаю, он, наверно, несколько странный человек корректна при наличии у Г "знания по знакомству" и некорректна в случае "знания по описанию", ср.: *Я с ним не знаком, но думаю, что это, наверно, несколько странный человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- I. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1981.
2. Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности. АКД. М., 1983.
3. Яковлева Е.С. О семантике модальных слов-показателей достоверности в современном русском языке. В сб. Zbornik radova instituta za stranejezike knjizevnosti, 6, 1984.
4. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие. - В кн. Text. Jezyk. Poetyka. Wroclaw, 1978.
5. Дмитриовская М.А. Употребление глаголов мнения и знания с различными типами пропозиций. - В сб. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
6. Яковлева Е.С. Семантика модальных слов, традиционно относимых к показателям "категорической достоверности". (в печати).
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
8. Бенвенист Э. Природа местоимений. - В кн. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
9. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис.). АДД. М., 1987.
10. Арутюнова Н.Д. Глагол видеть в функции предиката пропозициональной установки. - В сб. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка: событие/факт. (в печати).
12. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
13. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния. АКД. М., 1985.

- I4. Селиверстова О.Н. Описание некоторых предикативных типов русского языка. - В кн. Семантические типы предикатов. М., 1982.
- I5. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. - В кн. Семантические типы предикатов. М., 1982.
- I6. Яковлева Е.С. О природе языковой гиперболы (на материале словоупотребления БУКВАЛЬНО в модальном значении). (в печати).
- I7. Рассел Б. Проблемы философии. Спб., 1914.

ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕНСИВНОСТИ

Сборник научных трудов

А12131

Подписано к печати 28/ХП-87 г.

Формат 60х84/16

Печ.л. 19,0

Уч.-изд.л. 15,2

Тираж 1000 экз. Цена 1 руб.10 коп.

Заказ № 4236

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/21

Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр.,403

042(02)9

